Если мы ничего не делаем

Очерки и отзывы от 25 лет белой адвокатуры

Примітка перекладача:

Це текст з подвійною мовою, призначений для перегляду за допомогою параметра облицювання сторінок у Adobe Reader. Тобто у вас повинна бути сторінка перекладеного тексту зліва та оригінальна англійська справа. Ви також можете виготовити двомовну друковану копію.

Інструкції щодо поводження з двомовним текстом містяться на останніх 3 сторінках (6, включаючи переклад) цього документа.

If We Do Nothing

Essays and reviews from 25 years of white advocacy

Note from the translator:

This is a dual language text designed to be viewed using the facing pages option in Adobe reader. That is, you should have a page of the translated text on the left and the original English on the right. You can also produce a dual language printed copy.

Instructions for how to handle the dual-language text are in the last 3 pages (6, including translation) of this document.

Также Джаред Тейлор:

Тени восходящего солнца: критический взгляд на японское чудо

Тирания новых и других очерков

С благими намерениями: расовые отношения в современном

Америка

Белая идентичность: расовое сознание в 21 веке

Also by Jared Taylor:

Shadows of the Rising Sun: A Critical View of the Japanese Miracle

The Tyranny of the New and Other Essays

Paved With Good Intentions: Race Relations in Contemporary America

White Identity: Racial Consciousness in the 21st Century

ЕСЛИ МЫ НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕМ

Очерки и отзывы от 25 лет белой пропаганды

ПО

Джаред Тейлор

IF WE DO NOTHING

Essays and reviews from 25 years of white advocacy

by

Jared Taylor

Также доступный от New Century Books

С благими намерениями . провал расовых отношений современная Америка
Джаред Тейлор, 2014, по мотивам Кэрролл и Граф Издание, 1992

Раса со временем Различия Ереси для 20 первого века
Джордж МакДэниел, ред. 2003

Раса и причина: взгляд янки
Карлтон Патнэм, 2006

Положительное действие obman: Разнообразие, Важность Персонаж и другая ложь (Второе издание)
Стивен Фаррон, 2010

Настоящая американская дилемма: в расе, иммиграции и будущее Америки
Джареда Тейлора, под ред. 1998

Почему расеимеет значение: раса и что они значат
Михаил Левин, 2005

Основные записи о расе
Сэмюэль Т Фрэнсис, 2007

Белая идентичность: расовое сознание в 21 - м веке
Джареда Тейлора, 2011

Лицом к лицу с расой
Джаред Тейлор, ред. 2014

New Century Books
Дизайн обложки Кевина И. Слотера
Опубликовано в связи с:
американский ренессанс (www.AmRen.com)
ISBN № 978-0-9838910-4-8

Also available from New Century Books

Paved With Good Intentions: The Failure of Race Relations in Contemporary America
Jared Taylor, 2014, based on Carroll & Graf Edition, 1992

A Race Against Time: Racial Heresies for the 21st Century
George McDaniel, Ed. 2003

Race and Reason: A Yankee View
Carleton Putnam, 2006

The Affirmative Action Hoax: Diversity, the Importance of Character, and Other Lies (Second Edition),
Steven Farron, 2010

The Real American Dilemma: Race, Immigration, and the Future of America
Jared Taylor, Ed., 1998

Why Race Matters: Race Differences and What They Mean
Michael Levin, 2005

Essential Writings on Race
Samuel T. Francis, 2007

White Identity: Racial Consciousness in the 21st Century
Jared Taylor, 2011

Face to Face With Race
Jared Taylor, Ed., 2014

Copyright © 2017 by New Century Foundation
New Century Books
Cover design by Kevin I. Slaughter

Published in conjunction with:
American Renaissance (www.AmRen.com)
ISBN No. 978-0-9838910-4-8

Введение

В течение нескольких лет друзья убеждали меня собрать мои лучшие работы за последние 25 лет в одном томе. Приятно думать, что такая книга может быть востребована, но я отказался от этой идеи. Во-первых, коллекция моей «лучшей работы» в возрасте 65 лет имеет тревожный вид окончательности. Я напишу достаточно хороших произведений в течение *следующих* 25 лет, чтобы оправдать «Второй том», или это конец строки?

Во-вторых, проблема состоит в том, что вставлять и оставлять. Я написал несколько книг, в которых я разработал, как мне кажется, мой лучший вклад в вопросы расовых отношений и что они означают для белых. *Paved With Good Intentions* (1992) и *White Identity* (2011) полны серьезных вещей такого рода, и я старался избегать того же. Тем не менее, большинство других моих работ связано с центральными темами этих книг; для тех из нас, кто имеет правильное представление о расе, неспособность западного человека предпринять самые основные шаги для обеспечения его собственного выживания - это трагедия, которая никогда полностью не приходит нам в голову.

Поэтому первая глава затрагивает эти темы, но с разных сторон. Например, в «Пути нашего народа» я пытался понять, *почему* западный человек, похоже, выбрал забвение, а не выживание. Это такой неестественный выбор, который он требует для объяснения.

Вторая глава, посвященная истории, представляет собой другой способ понять странную неспособность белых защищать свои собственные интересы. В «Расовой идеологии империи» я описываю удивительное нежелание европейцев, даже в разгар эпохи империи, действовать явно расово. Мы предполагаем, что люди, которые построили французскую и британскую империи, имели сильное расовое сознание, которое было просто потеряно. Не так. Двойственное отношение белого человека к расе восходит к давним временам.

Introduction

For several years, friends have urged me to collect my best writing from the last 25 years into a single volume. It is flattering to think there could be a demand for such a book, but I resisted the idea. First, a collection of my "best work" at age 65 has a disturbing air of finality. Will I write enough good pieces over the *next* 25 years to justify "Volume Two," or is this the end of the line?

Second, there is the problem of what to put in and leave out. I have written several books, in which I developed what I think are my best contributions to the questions of race relations and what they mean for whites. *Paved With Good Intentions* (1992) and *White Identity* (2011) are full of serious stuff of that kind, and I have tried to avoid covering the same ground. Still, most of my other writing is related to the central themes of those books; for those of us who have a correct understanding of race, the failure of Western man to take the most basic steps to ensure his own survival is a tragedy that is never entirely out of our minds.

The first chapter therefore touches on those themes, but from various angles. In "The Ways of our People," for example, I have tried to understand *why* Western man seems to have chosen oblivion rather than survival. This is such an unnatural choice it cries out for explanation.

The second chapter, on history, is a different way of trying to understand the strange inability of whites to defend their own interests. In "The Racial Ideology of Empire," I describe the surprising reluctance of Europeans, even at the height of the Age of Empire, to act in explicitly racial ways. We assume that the men who built the French and British empires had a strong racial consciousness, which has simply been lost. Not so. The white man's

«Настоящая история *Брауна против Борд»* - это более недавний случай неспособности белого человека понять расу. Это самое восхваляемое и восхищаемое решение Верховного суда в американской истории; оно также является неправильным толкованием Конституции. через неэтичный сговор и привел к агонии принудительной школьной интеграции, которая вытеснила белых из американских городов. Ничто из этого не имеет значения для поклонников *Брауна,* потому что это было основано на заблуждениях, которые они разделяют по сей день.

Третья глава, посвященная текущим событиям, содержит отрывок, который является фаворитом тех, кто хочет доказать, что я "расист". Это заключение статьи о вырожденном поведении черных в Новом Орлеане после урагана Катрина:

> Расы разные. Черные и белые разные. Когда чернокожие остаются полностью на свое усмотрение, Западная Цивилизация - любая цивилизация - исчезает. И в условиях кризиса он исчезает в одночасье.

Это, наверное, самая суровая вещь, которую я когда-либо писал о чернокожих, но я буду терпеть, пока не докажу, что ошибаюсь. Будет трудно доказать, что я не прав, потому что чернокожие никогда не оставляются полностью на свои собственные устройства. Даже в самых темных уголках Гаити и Африки есть автомобили, мобильные телефоны и электрические генераторы. Когда страдания достигают масштабов первой полосы, оказывается иностранная помощь. Но даже с технологией и благотворительностью белого человека, существует ли полностью чёрная страна или даже город, который превосходит выживание и способствует тому, что можно честно назвать «цивилизацией»? Если есть, читатели, несомненно, дайте мне знать.

Четвертая глава называется «Другая перспектива», и я постарался включить статьи, которые оправдывают это слегка самодовольное название. Первая часть выражает мое искреннее недоумение по поводу лести, которую Роза Паркс получила всю свою жизнь и особенно после ее смерти. Люди любят мифы и героев, но могу ли я быть единственным человеком, который считает, что сидение в автобусе не делает кого-то героем? Каждая другая статья в этой главе также выражает недоумение; возможно, лучшим названием было бы «Не в Ногу».

ambivalence about race goes back a long time.

"The Real Story of *Brown v. Board*" is a much more recent case of the white man's failure to understand race. It is the most praised and admired Supreme Court decision in American history; it is also a misreading of the Constitution, was arrived at through unethical collusion, and led to the agony of forced school integration, which drove whites out of America's cities. None of this matters to *Brown*'s admirers because it was based on delusions they share to this day.

The third chapter, on current events, contains the passage that is the favorite of those who want to prove that I am a "racist." It is the conclusion of an article about the degenerate behavior of blacks in New Orleans after Hurricane Katrina:

> The races are different. Blacks and whites are different. When blacks are left entirely to their own devices, Western Civilization—any kind of civilization—disappears. And in a crisis, it disappears overnight.

This is probably the harshest thing I have ever written about blacks, but I will stand by it until proven wrong. It will be hard to prove me wrong because blacks are never left entirely to their own devices. Even in the darkest corners of Haiti and Africa there are automobiles, cell phones, and electric generators. When misery reaches front-page proportions, there is foreign aid. But even with the technology and charity of the white man, is there an entirely black-run country—or even a city—that rises above survival and contributes to what can honestly be called "civilization?" If there is, readers will doubtless let me know.

The fourth chapter is called "A Different Perspective," and I have tried to include articles that justify that faintly self-congratulatory title. The first piece expresses my genuine bewilderment at the adulation Rosa Parks got all her life and especially after she died. People love myths and heroes, but can I really be the only person who thinks that sitting down on a bus does not make someone a hero? Every other article in this chapter is likewise an expression of bewilderment; maybe a better title would have been "Out of Step."

В последней главе говорится обо мне несколько вещей. Я думаю, что многие писатели говорят о себе больше, чем должны, поэтому эта глава короче, чем другие. Это также включает в себя мои воспоминания о двух мужчинах, которых мне посчастливилось хорошо знать: Сэм Фрэнсис и Джо Собран. Это отрезвляет, когда умирают члены твоего собственного поколения; это трагично, когда поистине блестящие умы уничтожены. Я пытался передать что-то вроде того, каково было быть в компании этих замечательных людей.

Наконец, я хотел бы поблагодарить Криса Робертса и Генри Вольфа из персонала American Renaissance за то, что я приучил меня к тому, чтобы собрать эту коллекцию и проверить текст. Они сделали отличные предложения о том, что включать; Я отменил их всего несколько раз, хотя они, вероятно, были правы.

Я также хотел бы поблагодарить Кевина Слотера за то, что ему удалось превратить мою фотографию в привлекательную обложку книги. Даже сборник моих ранее опубликованных статей оказался совместным усилием.

Джаред Тейлор, Оактон, Вирджиния,
21 июня 2017 г.

The last chapter says a few things about me. I think many writers talk more than they should about themselves, so this chapter is shorter than the others. It also includes my recollections of two men whom I was lucky to know well: Sam Francis and Joe Sobran. It is sobering when members of your own generation die; it is tragic when truly brilliant minds are snuffed out. I have tried to convey something of what it was like to be in the company of those remarkable men.

Finally, I would like to thank Chris Roberts and Henry Wolff of the staff of American Renaissance for pestering me to the point of actually putting this collection together and for proofing the text. They made excellent suggestions on what to include; I overruled them only a few times, even though they were probably right.

I would also like to thank Kevin Slaughter for managing to turn a photograph of me into an attractive book cover. Even a collection of my own previously published articles has turned out to be very much a collaborative effort.

Jared Taylor, Oakton, Virginia
June 21, 2017

Содержание

1. Основные принципы 1

Если мы ничего не делаем 1

Пути наших людей 14

Возможна ли многорасовая нация? 31

Белое выживание: за пределами консервативного и либерального 37

Разнообразие разрушает доверие 43

Патологический альтруизм 49

Чем мы обязаны нашим людям 59

2. История 73

Расовая идеология империи 73

Браун v. Совет Директоров: Актуалная История 91

Смешение в Монтичелло? 109

Африка с момента обретения независимости 113

3. Текущие события 128

Жаркие времена в большом городе 128

Мысли хуже, чем убийство 130

Африка среди нас 133

Вуду, Насилие и Игра 147

жертва 147

Тяжелое время 151

Открытое письмо генеральному прокурору 159

Эрик Холдер 159

Президент Обама о Фергюсоне: 162

Проблема в системе правосудия, а не в насильственных преступниках 162

Нью-Йорк Таймс натыкается на правду в Балтиморе 165

Как сделаны новые американцы 168

Это смерть Европы? 171

Contents

1. BASIC PRINCIPLES

If We Do Nothing 1
The Ways of Our People 14
Is a Multiracial Nation Possible? 31
White Survival: Beyond Conservative and Liberal 37
Diversity Destroys Trust 43
Pathological Altruism 49
What We Owe Our People 59

2. HISTORY

The Racial Ideology of Empire 73
Brown vs. Board: the Real Story 91
Miscegenation at Monticello? 109
Africa Since Independence 113

3. CURRENT EVENTS

Hot Times in the Big City 128
Thoughts Worse Than Murder 130
Africa in Our Midst 133
Hard Time 151
Open Letter to Eric Holder 159
President Obama on Ferguson 162
The *New York Times* Stumbles onto the Truth 165
How New Americans Are Made 168
Is This the Death of Europe? 171

4. РАЗНАЯ ПЕРСПЕКТИВА 180

Странное Безумие 180

Правда о Таскеги 184

Доить мечту 188

La Raza Выглядит Верховный Суд 195

«Благородная выдумка» или ядовитый яд? 197

Переход на черное правило? 203

Раса и литература: почему она всегда либеральная? 207

Узкие Лояльности: Нация против Расы 213

Открытое письмо консерваторам 218

Безумие женщин в бою 221

Пик спасательных шлюпок 226

5. Говоря Лично 229

Почему я ненавижу Суперкубок 229

Белая магия Энтони Троллопа 232

Разглашение языка 236

150 лет спустя после форта Самтер 239

Героическое Насилие 244

Вспоминая Джо Собран 247

Сэм Фрэнсис, Покойся с миром 250

4. A DIFFERENT PERSPECTIVE

A Curious Madness 180
The Truth About Tuskegee 184
Milking the Dream 188
La Raza Eyes the Supreme Court 195
Noble Fiction—Or Noxious Poison? 197
Transition to Black Rule? 203
Race and Literature: Why Is It Always Liberal? 207
An Open Letter to Conservatives 218
The Folly of Women in Combat 221
The Rush for the Lifeboats 226

5. SPEAKING PERSONALLY

Why I Hate the Super Bowl 229
The White Magic of Anthony Trollope 232
Unsexing the Language 236
150 Years After Fort Sumter 239
Heroic Violence 244
Remembering Joe Sobran 247
Sam Francis, RIP 250

1. Основные принципы

Если мы ничего не делаем

Нация, которую мы строим, единственная, в которой мы не хотим жить.

Это текст речи, с которой я выступил на первой конференции по американскому ренессансу *в Атланте в 1994 году. Статистика, с которой я начинал свою речь, сейчас устарела и еще более тревожна. Теперь ожидается, что белые станут меньшинством в Соединенных Штатах к 2043 году. В 2013 году число рождений небелых матерей было больше, чем белых, и с тех пор диспропорция возрастала с каждым годом.*

В марте Бюро переписей опубликовало свой периодический прогноз этнического состава Соединенных Штатов в течение следующих нескольких десятилетий. Он с радостью сообщил, что если текущие показатели иммиграции и рождаемости останутся на прежнем уровне, к 2050 году доля латиноамериканцев увеличится с 10 до 25 процентов, азиатов - с трех до восьми процентов, а чернокожих - с 12 до 14 процентов. Все это увеличение будет происходить за счет белых, которые, согласно прогнозам, сократятся с 74 процентов населения до примерно 50 процентов.

Поэтому в течение 54 лет белые будут на грани превращения в еще одно расовое меньшинство. А поскольку у белых так мало детей, они будут *старым* меньшинством. В течение всего лишь 34 лет - к 2030 году - они уже будут составлять менее половины населения в возрасте до 18 лет, но будут составлять три четверти населения старше 65 лет. Некоторые из людей, читающих эти слова, будут живы, когда это произойдет.

Как обычно, прогнозы Бюро переписи населения вызвали небольшой интерес.

1. Basic Principles

If We Do Nothing

THE NATION WE ARE BUILDING IS ONE IN WHICH WE WOULD NOT WISH TO LIVE.

This is the text of the speech I gave at the first American Renaissance *conference, in Atlanta in 1994. The statistics with which I began the speech are now out of date—and even more worrying. Whites are now expected to become a minority in the United States by 2043. In 2013, there were more births to non-white mothers than to white mothers, and the disproportion has grown every year since then.*

In March, the Census Bureau released its periodic projection of the ethnic makeup of the United States during the next few decades. It reported cheerfully that if current immigration and birth rates hold steady, by the year 2050 the percentage of Hispanics will have increased from 10 to 25 percent, that of Asians from three to eight percent, and that of blacks from 12 to 14 percent. All these increases will come at the expense of whites, who are projected to fall from 74 percent of the population to about 50 percent.

Within 54 years, therefore, whites will be on the brink of becoming just one more racial minority. And because whites are having so few children, they will be an *old* minority. Within just 34 years—by 2030—they will already account for less than half the population under age 18, but will be three quarters of the population over 65. Some of the people reading these words will be alive when these things come to pass.

As usual, the Census Bureau's projections stirred little interest. The *New York Times* did note that the projected changes would rep-

«*Нью-Йорк Таймс»* действительно отмечала, что предполагаемые изменения будут представлять «глубокий демографический сдвиг» и что будущее сочетание старых белых и молодых чернокожих и латиноамериканцев может придать дискуссии о социальном обеспечении «расовый и этнический оттенок». Казалось, это самая тревожная вещь, о которой могли подумать «*Таймс»* .

Почему почти полное молчание о перемещении населения, которое, если оно произойдет, изменит большую часть страны до неузнаваемости? Почему нет споров о том, что это будет означать с точки зрения образования, политики, демократии, системы присяжных, национального единства, расовых трений, преступности, внешней политики, производительности труда или практически любого другого национального показателя?

Демографическое будущее Соединенных Штатов, пожалуй, самый важный вопрос, с которым мы сталкиваемся, но на него не обращают внимания. Большинство белых просто отказываются думать о том, что происходит с их страной или о будущем третьего мира, которое они обеспечивают своим детям и внукам. Те, кто действительно думают о демографических изменениях, были запуганы, полагая, что это неизбежно и что сопротивление каким-то образом будет аморальным.

Что делает молчание настолько необъяснимым, так это то, что в природе изменений, которые мы можем предвидеть, очень мало загадок. Майами, Детройт и Монтерей Парк, Калифорния, являются хорошими примерами того, что происходит, когда город становится латиноамериканцем, чернокожим или азиатом. Детали трансформации интересны, но достаточно отметить очевидное: как только концентрация небелых достигает определенного уровня, белые не могут или не будут жить среди них. За исключением нескольких позолоченных анклавов, в Майами, Детройте или Монтерее практически не осталось белых. «Белый полет» - это универсальный факт американской жизни. Либералы могут сожалеть об этом, но никто не может этого отрицать.

В 1960-х и 1970-х годах белые, как правило, бежали от чернокожих, но великие миграции черных в основном подошли к концу, и белые восстановили дистанцию между двумя расами. В последние десятилетия именно массовая, не белая иммиграция чаще всего вытесняет белых из их районов, и продолжающаяся иммиграция только усиливает чужный характер этих мест. Никто не считает , что приход еще более гаитян, Гватемальцы, мексиканцы, жители Ямайки, или вьетнамская каким - то образом восстановить прежний характер Южной и Центральной Лос - Анджелесе или Майами и заставить белых двигаться назад.

resent "a profound demographic shift" and that the future mix of old whites and young blacks and Hispanics might give the debate about Social Security "a racial and ethnic tinge." This seemed to be the most disturbing thing the *Times* could think of.

Why is there almost complete silence about a population shift that, if it takes place, will transform much of the country beyond recognition? Why is there no debate about what this would mean in terms of education, politics, democracy, the jury system, national unity, racial friction, crime, foreign policy, labor productivity, or virtually any other national indicator?

The demographic future of the United States is perhaps the most important question we face, yet it receives no attention. Most whites simply refuse to think about what is happening to their country or about the third-world future they are ensuring for their children and grandchildren. Those who do think about demographic change have been browbeaten into believing that it is inevitable and that resistance would, somehow, be immoral.

What makes the silence so unaccountable is that there is very little mystery about the nature of the changes we can anticipate. Miami and Detroit and Monterey Park, California are good examples of what happens when a city becomes Hispanic, black, or Asian. The details of the transformation are interesting, but it is sufficient to note the obvious: Once the concentration of non-whites reaches a certain level, whites cannot or will not live among them. Except in a few gilded enclaves, there are virtually no whites left in Miami or Detroit or Monterey Park. "White flight" is a universal fact of American life. Liberals may deplore it, but no one can deny it.

In the 1960s and 1970s, whites were generally fleeing blacks, but the great black migrations have largely come to an end, and whites have reestablished distance between the two races. In recent decades, it is massive, non-white immigration that most often drives whites from their neighborhoods, and continuing immigration only hardens the alien character of these places. No one believes that the arrival of yet more Haitians, Guatemalans, Mexicans, Jamaicans, or Vietnamese will somehow restore the former charac-

Процесс работает по-другому. По мере того как их число увеличивается, небелые продолжают расширяться в соседние районы. Белые, многие из которых покинули свои дома перед лицом первого вторжения, снова уходят.

Таким образом, это будет одним из определенных последствий демографических изменений: все больше и больше частей Соединенных Штатов станут для белых практически необитаемыми. Для белых будет *физически возможно* жить с мексиканцами Браунсвилла, Техас или чернокожими Камдена, Нью-Джерси, но такие места будут почти такими же чуждыми и такими же непривлекательными, как Оахака или Момбаса. Они на самом деле будут более непривлекательными. Жители Оахаки и Момбасы любят белых американцев и восхищаются ими, тогда как жители Браунсвилла и Камдена испытывают сильную, а иногда и жестокую неприязнь к белым.

В курсе, на котором основана наша нация, много иронии. Большинство белых американцев могут думать о любом количестве общин или кварталов, в которых они хотели бы жить. Ни у кого, вероятно, не будет небелого большинства. Аналогичным образом, большинство белых не могут назвать ни одного небелого сообщества, в котором они могли бы жить. Кроме того, если спросить белых, в какие страны они могут переехать, если им придется покинуть Соединенные Штаты, почти все упомянут европейскую страну, Канаду, Австралию или Новую Зеландию. Все белые. Поэтому наша страна встала на путь, который сделает все большие ее части негостеприимными, даже запрещенными, для белых. Со временем страна в целом может стать той, в которой белые не захотят жить.

На каком-то уровне все в Америке это понимают. Даже самые обманутые белые либералы не живут в Гарлеме или Ваттах, на юге центральной части Лос-Анджелеса или в других тысячах районов, которые были преобразованы небелыми. Несмотря на их заявления о жизненной важности и желательности интеграции, практически никто из белых не желает сделать самый очевидный шаг в этом направлении: купить дом в черном районе.

Разрушение инфраструктуры

Там, где это важнее всего - где они строят свои дома и воспитывают своих детей - даже самые либеральные белые неожиданно демонстрируют понимание реальности, расходящейся с тем, что они утверждают, что верят и отстаивают.

ter of South Central Los Angeles or Miami and induce whites to move back.

The process works the other way. As their numbers increase, non-whites continue to expand into adjacent areas. Whites, many of whom fled their homes in the face of the first incursion, move away once again.

This, then, will be one of the certain effects of demographic change: More and more parts of the United States will become, for whites, essentially uninhabitable. It will be *physically possible* for whites to live with the Mexicans of Brownsville, Texas or the blacks of Camden, New Jersey but such places will be almost as alien and as uninviting as Oaxaca or Mombasa. They will actually be more uninviting. The people of Oaxaca and Mombasa like and admire white Americans, whereas those of Brownsville and Camden have a strong and sometimes violent dislike for whites.

There is much irony in the course on which our nation has been set. Most white Americans can think of any number of communities or neighborhoods in which they might want to live. Not one is likely to have a non-white majority. Likewise, most whites cannot name a single non-white community in which they could bear to live. Furthermore, if one were to ask whites what countries they might move to if they had to leave the United States, almost all will mention a European country, Canada, Australia, or New Zealand. All are white. Our country has therefore embarked on a course that will make ever larger parts of it inhospitable, even off-limits, to whites. Eventually the country as a whole could become one in which whites would not wish to live.

At some level, everyone in America understands this. Not even the most deluded white liberals live in Harlem or Watts or South Central Los Angeles, or in any of a thousand other neighborhoods that have been transformed by non-whites. Despite their pronouncements about the vital importance and desirability of integration, virtually no white is willing to take the most obvious step towards making it happen: buy a house in a black neighborhood.

Destroying the Infrastructure

Where it matters most—where they make their homes and rear

Даже они заметили, что, хотя детали небелого отчуждения различаются в зависимости от части страны и людей, которые прибывают, что-то важное всегда теряется, когда белые уходят.

Чернокожие пугают даже самых ярых интеграционистов. В частности, чернокожие восточного побережья имеют привычку физически разрушать города, в которые они переезжают. У Детройта, Ньюарка, Южного Бронкса, Камдена, Северной Филадельфии и Южной стороны Чикаго теперь огромные просторы пустующих участков и заброшенных зданий.

Детройт больше не может позволить себе обслуживать некоторые из его самых разрушенных, малонаселенных районов. Он рассматривает вопрос о выселении нескольких оставшихся людей и выводе из эксплуатации целых частей себя - отключение коммунальных услуг, прекращение доставки почты, вытаскивание автобусных линий, прекращение работы полиции и пожарной службы, и позволить природе вступить во владение. Есть также серьезные предложения для частей центра города Детройта, где пустые небоскребы возвышаются над пустынными улицами. Некоторые люди хотят превратить этот район в тематический парк для городской архитектуры - как города-призраки на Западе.

Черные разрушили города несколькими способами. Одним из них является поджог. Многие районы Восточного побережья никогда не перестраивались полностью после гонок 1960-х годов. Сегодня чернокожие молодые люди в Детройте, Ньюарке и других местах празднуют канун Хэллоуина, который они называют Ночью дьявола, сжигая как можно больше домов. Другие здания, часто очаровательные таунхаусы начала века, становятся необитаемыми, потому что никто не заботится об их обслуживании. Другие просто заброшены, поскольку порядочные, ответственные чернокожие спасаются от преступности и вырождения. Результат - взорванный, свободный вид многих восточных черных гетто. Целые города постепенно отходили от частей, которые заняли черные, поскольку белые строят дома и предприятия вдали от растущей нищеты. В том, что когда-то было центрами важных городов, целые главы городской истории были стерты с лица земли. Не осталось и следа поколений трудолюбивых белых, которые усердно трудились, воспитывали детей и надеялись на лучшее будущее.

their children—even the most liberal whites suddenly demonstrate a grasp of reality at odds with what they claim to believe and stand for. Even they have noticed that although the details of non-white dispossession differ according to the part of the country and the people who arrive, something essential is always lost when whites move away.

Blacks frighten even the most ardent integrationists. East Coast blacks, in particular, have the disconcerting habit of physically destroying the cities they move into. Detroit, Newark, the South Bronx, Camden, North Philadelphia, and the South Side of Chicago now have huge expanses of vacant lots and derelict buildings.

Detroit can no longer afford to serve some of its most blighted, sparsely inhabited neighborhoods. It is considering moving out the few remaining people and decommissioning whole sections of itself—shutting off utilities, stopping mail delivery, pulling out bus lines, ending police and fire service, and letting nature take over. There are similarly stark proposals for parts of down-town Detroit, where empty skyscrapers tower over deserted streets. Some people want to turn the area into a theme park for urban architecture—like the ghost towns in the West.

Blacks have destroyed cities in several ways. One is arson. Many East Coast neighborhoods never completely rebuilt after the race riots of the 1960s. Today, black youngsters in Detroit, Newark, and elsewhere celebrate Halloween eve—which they call Devil's Night—by burning down as many houses as they can. Other buildings, often charming turn-of-the-century townhouses, become uninhabitable because no one bothers to maintain them. Others are simply abandoned as the decent, responsible blacks flee crime and degeneracy. The result is the blasted, vacant look of so many Eastern black ghettos. Entire cities have slowly shifted away from the parts that blacks have occupied, as whites build homes and businesses away from the expanding blight. In what were once the centers of important cities, whole chapters of urban history have been wiped away. Not a trace remains of generations of industrious whites who worked hard, reared children, and hoped for a better future.

Латиноамериканцы обычно не разрушают города, хотя беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992 году показали, что они могут иногда сжигать и грабить свои окрестности, как это делают черные. Аналогичным образом, пуэрториканские районы во внешнем районе Нью-Йорка могут быть такими же угрожающими, как и любые населенные черными.

Латиноамериканцы имеют другой эффект. Они приносят преступность и снижают качество государственных школ - причины, достаточные для того, чтобы белые уехали, - но они также приносят чуждость, а черные - нет. Многие готовы жить по десять в комнате, превращать гаражи в спальни, парковать машины на переднем дворе, держать кур и практиковать безвкусную версию католицизма третьего мира. Но самым большим признаком инопланетянина является испанский. Радиоволны, журнальные стойки, витрины и сам воздух звучат на языке, который большинство белых не понимают. Время от времени проезжающий автомобиль с надписью «Полиция», а не «Полиция» является напоминанием о том, что это теоретически Соединенные Штаты.

В 1991 году президент ассоциации черных домовладельцев на юге центральной части Лос-Анджелеса объяснила, что она противостоит волне мексиканцев, переезжающих в бывшую черную зону: «Это другая культура, другая порода людей. У них нет одинаковых ценностей. Вы не можете собраться с ними. Это как смешивать масло и воду. " Возможно, теперь забытые и давно ушедшие белые жители вполне могли сказать то же самое о черных.

Когда азиаты прибывают в больших количествах, их эффект более неоднозначен. Некоторые североазиатские группы совершают меньше преступлений, чем белые, зарабатывают больше денег и лучше учатся в школе. Другие, такие как хмонг и камбоджийцы, имеют фантастически высокий уровень бедности и зависимости от благосостояния. Однако *не имеет значения* , строят ли японцы или китайцы общества, которые в некоторых отношениях объективно превосходят общества европейцев. Имеет значение только то, что они *разные.*

Когда большое количество североазиатских иммигрантов переехало в Монтерей-парк, штат Калифорния, долгосрочные белые жители не уехали, потому что вновь прибывшие восставали, открывали трещины в домах, покрывали стены граффити или были насильниками и грабителями. Они переехали, потому что Монтерей Парк бесчисленным образом перестал быть городом, в котором они выросли, или городом, в который они переехали.

Hispanics do not ordinarily tear cities down, though the 1992 Los Angeles riots showed that they can sometimes burn and loot their own neighborhoods just as blacks sometimes do. Likewise, the Puerto Rican sections in New York's outer borough can be as menacing as any inhabited by blacks.

Hispanics have a different effect. They bring crime and lower the quality of public schools—reasons enough for whites to move out—but they also bring an alienness blacks do not. Many are willing to live ten to a room, turn garages into bedrooms, park cars in the front yard, keep chickens, and practice a gaudy, third-world version of Catholicism. But the greatest sign of alienness is Spanish. The airwaves, magazine racks, storefronts, and the very air itself ring with a language most whites do not understand. The occasional passing car marked "Police" rather than "Policía" is a reminder that this is still, theoretically, the United States.

In 1991, the president of a black homeowners association in South Central Los Angeles explained her opposition to a wave of Mexicans moving into a formerly black area: "It's a different culture, a different breed of people. They don't have the same values. You can't get together with them. It's like mixing oil and water." The now-forgotten and long-departed white residents may well have said the same things about blacks.

When Asians arrive in large numbers, their effect is more ambiguous. Some North Asian groups commit fewer crimes than whites, make more money, and do better in school. Others, like the Hmong and the Cambodians, have fantastically high rates of poverty and welfare dependency. However, *it does not matter* whether Japanese or Chinese build societies that are, in some respects, objectively superior to those of Europeans. It matters only that they are *different*.

When large numbers of North Asian immigrants moved into Monterey Park, California, the long-term white residents did not leave because the newcomers rioted, opened crack houses, covered walls with graffiti, or were rapists and robbers. They moved because Monterey Park, in countless ways, ceased to be the town in which they had grown up or the town to which they had moved.

Товары в магазинах и лица за прилавками изменились. На странных языках появилось так много знаков, что пожарная служба настаивала, чтобы по крайней мере номера улиц были читаемы англоговорящими людьми. Даже собрания городского совета стали включать обмены на других языках, кроме английского. Новички переработали законы о зонировании, чтобы разрешить предприятиям в жилых кварталах. Азиаты купили маленькие бунгало, в которых жили белые, сковали их бульдозерами, вырубили все деревья и построили огромные новые дома почти на линии собственности.

Все эти и многие другие изменения, некоторые из которых были гораздо более тревожными, чем вопросы, которые решаются избирателями в полной мере, происходили без разрешения или согласия белых, которые жили там годами. Один несчастный житель заплатил за рекламный щит, на котором было написано: «Неужели последний американец покинет парк Монтерей, пожалуйста, снимите флаг».

Еще раз, значение расовых изменений не в деталях. Он заключается в факте нежелательных, неуместных, необратимых изменений. Люди имеют полное право ожидать, что их дети и дети их детей смогут расти и ходить путями своих предков. У них есть сильное, естественное желание, чтобы их внуки были похожи на них - чтобы они говорили на одном языке, пели одни и те же песни, рассказывали одни и те же истории, молились одному и тому же Богу, гордились тем же прошлым, надеялись на те же надежды, любили та же нация, и чтут те же традиции. Важнейшие элементы народности не могут быть сохранены перед лицом потока инопланетян, особенно когда центральные институты самой нации проповедуют модную ложь об эквивалентности всех рас, культур и народов.

Большинство людей, которые выросли в Америке, хотят состариться в Америке, а не в каком-то оживленном форпосте Мексики или Юго-Восточной Азии. Им не нужно переезжать в Монтану или Айдахо, чтобы состариться с такими же людьми, как они. В конце концов, конечно, если иностранные аванпосты продолжат расширяться, в Монтане и Айдахо также не будет убежища. Таким образом, это является результатом расовых изменений на местном уровне: белые становятся беженцами на своей собственной земле.

Что будет на национальном уровне? Мы не можем быть уверены, но мы можем догадаться.

The merchandise in the stores and the faces behind the counters changed. So many signs appeared in strange languages that the fire department insisted that at least street numbers be legible to English-speakers. Even city council meetings began to include exchanges in languages other than English. The new-comers reworked zoning laws to permit businesses in what had been residential neighborhoods. Asians bought the little bungalows whites had lived in, bulldozed them, cut down all the trees, and built huge new houses nearly out to the property line.

All these changes and many others—some of them vastly more troubling than issues that are routinely put to the voters to decide—took place without the permission or consent of the whites who had lived there for years. One unhappy resident paid for a billboard that said, "Would the last American to leave Monterey Park please take down the flag."

Once again, the significance of racial change does not lie in the particulars. It lies in the fact of unwelcome, uncalled for, irreversible change. People have every right to expect their children and their children's children to be able to grow up and walk in the ways of their ancestors. They have a powerful, natural desire that their grandchildren be like them—that they speak the same language, sing the same songs, tell the same stories, pray to the same God, take pride in the same past, hope the same hopes, love the same nation, and honor the same traditions. The crucial elements of peoplehood cannot be preserved in the face of a flood of aliens, especially when the central institutions of the nation itself preach fashionable falsehoods about the equivalence of all races, cultures, and peoples.

Most people who grew up in America want to grow old in America, not in some bustling outpost of Mexico or Southeast Asia. They should not have to move to Montana or Idaho in order to grow old with people like themselves. Eventually, of course, if the foreign outposts continue to expand, there will be no refuge in Montana and Idaho either. This, then, is the effect of racial change at the local level: Whites become refugees in their own land.

What will happen at the national level? We cannot be sure but

Многие небелые сейчас, похоже, искренне верят, что равное обращение требует преференций для себя. Может быть еще возможно отменить расовые предпочтения, пока белые все еще составляют большинство, но что предотвратит их повторное появление, когда белые станут меньшинством?

Белые по-прежнему будут иметь более высокие доходы, чем черные и латиноамериканцы, но это будет рассматриваться только как доказательство белого зла и эксплуатации. Неужели так странно представлять себе полную конфискацию имущества, принадлежащего белым? дополнительные налоги для белых? законы о наследии? исключение из определенных профессий? Азиаты также будут небольшим, но успешным расовым меньшинством, и их богатство, вероятно, привлечет нежелательное внимание правительства.

Какую внешнюю политику будет иметь небелая Америка? Что он будет делать - или не делать - с ядерным оружием? Какие стандарты общественного здравоохранения будут поддерживаться? Как Америка третьего мира будет относиться к своим национальным паркам, лесам, рекам? Пока что только белые проявили большой интерес к окружающей среде.

В долгосрочной перспективе есть некоторые сомнения, что небелая Америка могла бы даже поддерживать функционирующую демократию или любое подобие верховенства закона. История небелых наций предполагает, что нет. Даже если наши формы правления выживут, какие причудливые антибелые показания найдет черный и латиноамериканский Верховный суд в Конституции? Какие предметы или мнения окажутся вне защиты Первой поправки?

Не унция сочувствия

Но это будут будущие проблемы. Чтобы вернуться к настоящему, в Соединенных Штатах сегодня нет ни капли симпатии общественности к белым, которые убегают, когда район становится черным или мексиканским. Теория заключается в том, что от небелых убегают только невежественные фанатики, но факт в том, что людям с деньгами никогда не приходится сталкиваться с проблемой. Как однажды объяснил Джозеф Собран: «Цель обучения в колледже состоит в том, чтобы дать людям правильное отношение к меньшинствам и способам жить как можно дальше от них».

И действительно, образованные в колледже, здравомыслящие люди придумали целый комплекс умственных упражнений для несчастных из рабочего класса, у которых нет денег, чтобы отправить своих детей в частную школу.

we can guess. Many non-whites now seem genuinely to believe that equal treatment requires preferences for themselves. It may yet be possible to abolish racial preferences while whites are still a majority, but what will prevent their reappearance when whites become a minority?

Whites will still have higher incomes than blacks and Hispanics, but this will be seen only as proof of white wickedness and exploitation. Is it so outlandish to imagine outright confiscation of property owned by whites? supplemental taxes for whites? sumptuary laws? exclusion from certain professions? Asians will also be a small but successful racial minority, and their wealth, too, is likely to attract unwelcome government attention.

What sort of foreign policy would a non-white America have? What would it do—or not do—with nuclear weapons? What sort of public health standards would it maintain? How would a third-world America treat its national parks, its forests, its rivers? So far, only whites have shown much interest in the environment.

In the long term, there is some doubt that a non-white America could even maintain a functioning democracy or any semblance of the rule of law. The record of non-white nations suggests not. Even if our forms of government survive, what fanciful, anti-white readings will a black and Hispanic Supreme Court find in the Constitution? What subjects or opinions will be found to lie outside the protection of the First Amendment?

Not an Ounce of Sympathy

But these will be future concerns. To return to the present, in the United States today, there is not an ounce of public sympathy for whites who escape when the neighborhood turns black or Mexican. The theory is that only ignorant bigots run away from non-whites, but the fact is that people with money never even have to face the problem. As Joseph Sobran once explained, "The purpose of a college education is to give people the right attitudes about minorities and the means to live as far away from them as possible."

And, indeed, college-educated, right-thinking people have come up with a whole set of mental exercises for the working class unfortunates who do not have the money to send their children

Первое упражнение - попытаться как можно сильнее поверить, что инопланетяне и незнакомцы являются носителями особого дара, называемого разнообразием. Мы не перемещены; мы обогащаемся и укрепляемся.

Конечно, идея о том, что расовое разнообразие - это сила, настолько глупа, что придумать ее могли только очень умные люди. В Америке нет ни одного многорасового населения, которое не страдает от расовых трений. В нашей стране создана гигантская система законов, комиссий по вопросам разнообразия, групп по контролю за расовой принадлежностью, должностных лиц ВООС и комитетов по связям с общественностью в рамках огромного, гремучего механизма, который регулирует и пытается контролировать расовое разнообразие - эта опасная, нестабильная вещь, которая должна такой источник силы. Люди настолько истощены этим источником силы, что бегут от него при первой же возможности. Семьи, церкви, клубы и частные вечеринки - все, что еще не регулируется правительством - имеют тенденцию быть расово однородными.

Ничто не может быть более очевидным: разнообразие расы, племени, языка или религии является основной причиной массового убийства людей. Разнообразие на одной территории - это борьба, а не сила.

Еще одна комичная идея состоит в том, что «разнообразная» рабочая сила является каким-то большим преимуществом для бизнеса или мировой торговли. Это одно из тех гигантских, непроверенных понятий, которые скептически настроенные люди проглатывают без бульканья. Девяносто девять процентов вещей, которые мы покупаем, не имеют ничего общего с «разнообразием». Никого не волнует, был ли его компьютер собран китайцем или датчанином, или его хлеб пекся роботом или шимпанзе.

Ирландцу *не* нужно продавать вещи ирландцам. Самыми успешными торговыми странами мира сегодня являются Япония, Корея, Тайвань и Китай, ни одна из которых даже не слышала о «разнообразии» или «терпимости». Американские компании полны болтовни о многорасовых рабочих силах, которые «похожи на Америку», и на своих собственных рынках постоянно бьют рабочую силу, похожую на Иокогаму.

В то же время, кажется, что этот непонятный аргумент в пользу разнообразия слишком смел, чтобы замечать, что, похоже, только белые страдают от паралича однородности и для которых разнообразие станет таким тоником.

to private school. The first exercise is to try as hard as possible to believe that aliens and strangers are bearers of a special gift called diversity. We are not being displaced; we are being enriched and strengthened.

Of course, the idea that racial diversity is a strength is so obviously stupid that only very intelligent people could have thought it up. There is not one multiracial anything in America that doesn't suffer from racial friction. Our country has established a gigantic system of laws, diversity commissions, racial watchdog groups, EEO officers, and outreach committees as part of a huge, clanking machine to regulate and try to control racial diversity—this dangerous, volatile thing that is supposed to be such a source of strength. People are so exhausted by this source of strength that they run from it the first chance they get. Families, churches, clubs, and private parties—anything not yet regulated by the government—tend to be racially homogeneous.

Nothing could be more obvious: Diversity of race or tribe or language or religion is the main reasons people kill each other on a large scale. Diversity—within the same territory—is strife, not strength.

Another comical idea is that a "diverse" workforce is somehow a great advantage for business or world trade. This is one of those giant, untested notions that otherwise skeptical people swallow without a gurgle. Ninety-nine percent of the things we buy have nothing to do with "diversity." No one cares whether his computer was assembled by a Chinaman or a Dane or whether his bread was baked by a robot or a chimpanzee.

It does *not* take an Irishman to sell things to the Irish. The world's most successful trading nations today are Japan, Korea, Taiwan, and China, none of which has even heard of "diversity" or "tolerance." American companies are full of blather about multiracial workforces that "look like America"—and are constantly being whipped in their own markets by workforces that look like Yokohama.

At the same time, people seem to be too dazed by this incomprehensible diversity argument to notice that it seems to be only

Никто не убеждает Университет Говарда, который в подавляющем большинстве чернокожий, набирать латиноамериканцев или азиатов, чтобы его студенты могли извлечь выгоду из расового разнообразия. Никто не предлагает Мексике начать программу иммиграции, чтобы сократить количество латиноамериканцев до меньшинства через несколько десятилетий. Но если расовое разнообразие так велико для Соединенных Штатов, то почему не для Мексики тоже? Почему не для Говарда и для всех других "исторически черных" университетов?

Если бы белые американцы переливали через границу в Мексику, требуя, чтобы их дети получали образование на английском языке, настаивая на благосостоянии, демонстрируя избирательные бюллетени на английском языке, а не на испанском, требуя права голоса для иностранцев, празднуя 4 июля, а не Синко де Майо, мог кто-нибудь обмануть мексиканцев, думая, что это было радостное разнообразие? Нет. Мексиканцы узнают вторжение, когда увидят его. Они бы открыли огонь.

Раньше было много разговоров об «некрасивых американцах», которые путешествовали по морям, ожидая найти гамбургеров и англоязычных, и которые невежественно осуждали странные обычаи туземцев. Нам должно было быть очень стыдно за них - а они были только туристами! «Гадкие мексиканцы» и «уродливые гаитяне» приезжают сюда, *чтобы жить постоянно,* но мы должны бесконечно чутко относиться к их особенностям и наслаждаться разнообразием жадности к их этническим требованиям.

Таким образом, «расовое разнообразие» - это улица с односторонним движением. Ожидается, что только белые будут практиковать или извлекать из этого пользу. Окончательное оскорбление состоит в том, чтобы ожидать, что белые будут *праздновать* разнообразие. Это не что иное, как просить их отметить свою капитуляцию, уменьшение численности и снижение влияния. Удивительно то, что так много белых на самом деле испытывают радость от своего упадка.

Просто пустыни

Конечно, несколько белых отказываются верить, что лишение права собственности - это хорошо. Для этих упрямых случаев есть совершенно другой аргумент в пользу демографического сдвига: белые отняли Америку у индейцев, так что теперь настала чья-то очередь.

whites who suffer from the paralysis of homogeneity and for whom diversity is going to be such a tonic. No one is urging Howard University, which is overwhelmingly black, to recruit Hispanics or Asians so its students can benefit from racial diversity. No one is suggesting that Mexico should start an immigration program to reduce Hispanics to a minority in a few decades. But if racial diversity is such a great thing for the United States, why not for Mexico, too? Why not for Howard and for all the other "historically black" universities?

If white Americans were pouring across the border into Mexico demanding that their children be educated in English, insisting on welfare, demonstrating for ballot papers in English rather than Spanish, demanding voting rights for aliens, celebrating July 4th rather than Cinco de Mayo, could anyone trick the Mexicans into thinking this was joyous diversity? No. The Mexicans would recognize an invasion when they saw one. They would open fire.

There used to be much talk about "ugly Americans," who traveled over-seas expecting to find hamburgers and English-speakers, and who ignorantly deprecated the quaint customs of the natives. We were supposed to be deeply ashamed of them—and they were only tourists! "Ugly Mexicans" and "ugly Haitians" come here *to live permanently,* but we are supposed to be endlessly sensitive to their peculiarities, and revel in the diversity of toadying to their ethnic demands.

"Racial diversity," therefore, is strictly a one-way street. Only whites are ever expected to practice it or benefit from it. The ultimate insult is to expect whites to *celebrate* diversity. This is nothing less than asking them to celebrate their own capitulation, their dwindling numbers and declining influence. The astonishing thing is that so many whites actually do go through the motions of rejoicing in their decline.

Just Deserts

Of course, a few whites refuse to believe that dispossession is a fine thing. For these stubborn cases, there is a completely different argument to justify demographic shift: Whites took America away from the Indians, so it is now someone else's turn. This argument

Этот аргумент приводят те же люди, которые повторяют мантру разнообразия, но он косвенно признает, что разнообразие является мошенничеством.

Сторонники разнообразия *никогда не* предполагают, что то, что случилось с индейцами, было хорошо. Но разве индийцы не извлекли больше пользы, чем кто-либо другой в истории, от радостей именно того разнообразия, которое сегодня должны приветствовать белые? Если нужно праздновать разнообразие, это должно быть Рождество для индийцев круглый год. Конечно, никто не пытается сделать это. В аргументе «ты забрал это у индейцев» признается, что европейское завоевание континента стало катастрофой для индейцев и что то, что происходит сейчас, является катастрофой для белых. Это катастрофа, которую белые должны принять с радостью, потому что они отобрали Америку у ее законных владельцев.

Но это тоже совершенно односторонний аргумент. Индейцы неоднократно брали земли друг у друга, уничтожая целые вражеские деревни. Только тогда, когда они сделали то же самое - более успешно - это стало преступлением.

Если белые должны стоять в стороне, пока каждое племя третьего мира идет в Соединенные Штаты, потому что белые забрали страну у индейцев, то Лакота должна была стоять в стороне от европейцев - потому что они отобрали землю у Пауни, Понки, Арикары, Айова, Мандан, Хидаца, Ассинибойн и Кроу. Излишне говорить, что нынешняя ортодоксальность гласит, что для индийцев не имеет значения, сколько людей они убили, чтобы получить землю или как недавно; они должны были защищать все имеющиеся в их распоряжении средства. У белых, с другой стороны, есть нескончаемый долг не только потомкам народов, которых они воздерживались от истребления, но и всем другим небелым людям на земле. Подобно сказкам о радостях разнообразия, аргумент о праве собственности на землю используется исключительно для критики и деморализации белых.

Успешные общества

Что же, однако, вызывает движения народов и споры о том, кто имеет права на землю? Дело в том, что белые строят успешные общества, в которые хотят переехать небелые. Щедрые никарагуанцы и гаитяне не приезжают в Америку, стремясь поделиться дарами «разнообразия» с бедными, невежественными белыми людьми, которые вот- вот уйдут из прогрессивного случая гомогенности.

is made by the same people who chant the mantra of diversity, but it implicitly concedes that diversity is a fraud.

Diversity advocates *never* suggest that what happened to the Indians was a good thing. But have Indians not benefited more than any other people in history from the joys of precisely the kind of diversity whites are, today, supposed to welcome? If diversity is to be celebrated, it should be Christmas all year 'round for the Indians. Of course, no one tries to make this point. The you-took-it-away-from-the-Indians argument recognizes that the European conquest of the continent was a catastrophe for Indians and that what is happening now is a catastrophe for whites. It is a catastrophe whites are supposed to accept cheerfully because they took America from its rightful owners.

But this, too, is a completely one-sided argument. The Indians repeatedly took land from each other, exterminating entire enemy villages. It was only when whites did the same thing—more successfully—that it became a crime.

If whites are supposed to stand aside while every third-world tribe marches into the United States because whites took the country from Indians, then the Lakota should have stood aside for the Europeans—because they took land away from the Pawnee, Ponca, Arikara, Iowa, Mandan, Hidatsa, Assiniboine, and Crow. Needless to say, current orthodoxy holds that for Indians it makes no difference how many people they killed to get the land or how recently; it was theirs to defend with every means at their disposal. Whites, on the other hand, have an unending debt not just to the descendants of the peoples they refrained from exterminating but to every other non-white people on the face of the earth. Just like fairy tales about the joys of diversity, the land-title argument is used exclusively to criticize and demoralize whites.

Successful Societies

What is it, though, that gives rise to movements of peoples and debates about who has rights to the land? It is the fact that whites build successful societies non-whites want to move into. Generous Nicaraguans and Haitians do not come to America eager to share the gift of "diversity" with poor, benighted white people who are

Они приходят, потому что их общества не работают, и они знают, что жизнь здесь будет лучше.

Тот же процесс работает в Европе, Австралии, Канаде и Новой Зеландии. Белые основывают самые желанные общества в истории человека. Отчаявшиеся люди из несостоявшихся небелых обществ готовы рискнуть почти всем - иногда даже своей жизнью - ради возможности жить в этих обществах.

Если бы европейцы превратили Северную Америку в гигантскую яму, никто бы не захотел прийти. Тогда никому не придется придумывать причины, по которым каждый имеет право прийти, или почему белые действительно выигрывают от того, что их превосходят по численности и отталкивают люди, в отличие от них самих.

То же самое верно в меньшем масштабе. Редко когда-либо говорят, но в Соединенных Штатах практически любое желаемое место, чтобы жить, работать или ходить в школу, желательно, потому что белые сделали это таким образом. Небелые естественно хотят получить доступ к этим местам, даже если они не создавали и не могли их создать. Вот почему всегда небелые толкают свой путь в белые институты, а не наоборот, и почему разыгрываются все раздутые драмы «отчуждения», «терпимости», «справедливости» и «расизма» на белой территории и поставить белых в обороне.

Белые, конечно, не требуют попасть в Университет Говарда, жить в Гарлеме или переехать в Гватемалу. Но если бы в этих местах было что-то редкое и желанное, небелые, которые сделали их желанными, боролись бы, чтобы не пускать других.

Печальная истина заключается в том, что, как правило, когда небелые получают то, что они хотят, и прибывают в больших количествах в ранее белые учреждения или районы, эти учреждения и районы постепенно теряют качества, которые привлекали небелых в первые место. Белые уходят, а европейский след человека начинает угасать. По большей части, иммигранты из третьего мира в конечном итоге воссоздают в Соединенных Штатах те общества, которые они оставили, со всеми недостатками, которые побудили их покинуть дом.

about to expire from an advanced case of homogeneity. They come because their societies don't work and they know life will be better here.

The same process is at work in Europe, Australia, Canada, and New Zealand. Whites establish the most desirable societies in the history of man. Desperate people from failed, non-white societies are willing to risk nearly everything—sometimes even their lives—for a chance to live in these societies.

If Europeans had turned North America into a giant pesthole no one would want to come. No one would then have to think up reasons why everyone had the right to come, or why whites actually benefit from being outnumbered and pushed aside by people unlike themselves.

The same is true on a smaller scale. Rarely is it ever said, but in the United States virtually every desirable place to live, work, or go to school is desirable because whites made it that way. Non-whites naturally want access to these places even if they did not—and could not—create them. This is why it is always non-whites who are pushing their ways into white institutions—never the other way around—and why all the overblown dramas of "exclusion," "tolerance," "justice," and "racism" are played out on white territory and put whites on the defensive.

Whites are not, of course, clamoring to get into Howard University, live in Harlem, or to move to Guatemala. But if there were something rare and desirable in those places, the non-whites who made them desirable would fight to keep others out.

The sad truth is that, generally speaking, once non-whites have gotten what they want, and have arrived in large numbers in what were previously white institutions or neighborhoods, those institutions and neighborhoods slowly lose the qualities that attracted non-whites in the first place. Whites leave, and the spoor of European man begins to fade. For the most part, third-world immigrants eventually recreate in the United States the societies they left behind—with all the shortcomings that prompted them to leave home in the first place.

The mystery in all this is not why non-whites want the benefits

Тайна во всем этом состоит не в том, почему небелые хотят получить пользу от белого общества, а в том, почему белые так охотно передают незнакомцам землю своих предков - почему они так хотят позволить инопланетянам оккупировать и трансформировать их. нации. Как и любой другой аргумент о расе в современной Америке, пассивность белых основывается на еще одном двойном стандарте: у небелых есть влиятельные и законные групповые интересы, а у белых - так, как будто нет.

Прежде чем он был убит, израильский премьер-министр Ицхак Рабин объяснил, что для него, как израильтянина, больше всего было важно, чтобы его страна оставалась как минимум на 80 процентов еврейской. Никто не предполагал, что мистер Рабин был фанатиком или ненавистником, и, конечно, он не был. Он просто констатировал очевидное: если Израиль перестанет быть преимущественно евреем, он изменится необратимым образом, который был бы невыносим для евреев.

Мексиканцы, японцы, алжирцы, сенегальцы - все небелые понимают, что демографическая трансформация является национальным бедствием. Это настолько очевидно, что даже не нужно указывать. Для белых это такое же национальное бедствие, а мораль и рассуждение белых, которые хотят, чтобы Америка оставалась как минимум на 80 процентов белыми, точно такие же, как у Ицхака Рабина.

Формы вежливости, народных путей, поведения и фактуры жизни, которые белые воспринимают как должное, не могут пережить объятия большого числа инопланетян. То, что белые больше всего любят в культуре и человеческом обществе, не сохранилось в Детройте и Майами. Это не считается "хорошим", чтобы сказать так; это заставляет крики "расизма" говорить так. Но именно потому, что вещи, которые они любят, не выжили, белые уехали из Детройта и Майами. По отдельности белые совершенно естественным образом реагируют на расовые изменения. *Американский Ренессанс* необычен только тем, что ясно говорит о том, что чувствуют практически все белые, но никогда не говорят.

Кризис, с которым сегодня сталкиваются белые, заключается в том, что из-за боязни быть названными «расистами», из-за боязни, что их будут считать плохими, они, похоже, готовы позволить своей стране измениться таким образом, который, как они знают, не улучшится. Как это может быть хорошо для Америки - или хорошо для белых - чтобы она становилась все более похожей на те самые части страны, в которых они отказываются жить?

of white society, but why whites are so willing to hand over to strangers the land of their ancestors—why they appear to be so willing to permit aliens to occupy and transform their nation. Just like every other argument about race in America today, white passivity is based on yet another double standard: Non-whites have powerful and legitimate group interests but whites act as though they do not.

Before he was assassinated, Israeli Prime Minister Yitzhak Rabin explained that what mattered most to him as an Israeli was that his country remain at least 80 percent Jewish. No one suggested that Mr. Rabin was a bigot or hatemonger—and of course he was not. He was merely stating the obvious: That if Israel ceased to be predominantly Jewish it would change in irreversible ways that would be intolerable to Jews.

Mexicans, Japanese, Algerians, Senegalese—all non-whites understand that demographic transformation is a national calamity. It is so obvious it need not even be stated. For whites it is just as much a national calamity, and the morality and reasoning of a white who wants America to stay at least 80 percent white are exactly the same as those of Yitzhak Rabin.

The forms of civility, the folkways, the demeanor and the texture of life that whites take for granted cannot survive the embrace of large numbers of aliens. The things whites love most about culture and human society have not survived in Detroit and Miami. It is not considered "nice" to say so; it prompts shouts of "racism" to say so. But it is because the things they love have not survived that whites have moved away from Detroit and Miami. Individually, whites react in an entirely natural way to racial change. *American Renaissance* is unusual only in making explicit what virtually all whites feel but never say.

The crisis that whites face today is that for fear of being called "racists," for fear of being thought not nice, they seem prepared to let their country change in ways that they know will not be an improvement. How can it be good for America—or good for whites—for it to become increasingly like those very parts of the country in which they refuse to live?

Белые так боятся обвинения в "расизме", что не хотят даже обсуждать, что они могут сделать, чтобы не оставить нацию третьего мира своим внукам. Поэтому белые готовятся передать будущим поколениям нацию, в которой они вполне могут не захотеть жить.

Колонисты не боролись за независимость от Британии, чтобы наше поколение передало эту страну мексиканцам и гаитянам. Основатели не создали Конституцию, чтобы прославлять разнообразие. Американцы не проливали свою кровь в Геттисберге, Европе или на Тихом океане за мультикультурализм. И все же, законные наследники того, что могло бы стать ярким маяком Западной Цивилизации, без борьбы отказываются от своей страны, опасаясь, что в противном случае это будет "расизмом".

То, что мы наблюдаем, является одной из величайших трагедий в истории человечества. Движутся мощные силы, которые, если их не остановить, будут медленно отталкивать европейского человека и европейскую цивилизацию, а затем танцевать джиг победы на их коллективной могиле. Если мы ничего не сделаем, нация, которую мы оставляем нашим детям и внукам, станет опустошенной неудачей третьего мира, в которой белые будут презираемым меньшинством. Западная Цивилизация будет слабым эхом, осквернённым, если ее даже услышать. Нет другой трагедии, которая была бы такой великой, такой неестественной и такой ненужной.

*Эта статья первоначально появилась в июньском номере журнала «*Возрождение *Америки» за 1996 год .*

Whites are so fearful of the charge of "racism" that they are unwilling even to discuss what they might do to avoid leaving a third-world nation to their grandchildren. Whites are therefore preparing to pass on to future generations a nation in which they might well be unwilling to live.

The colonists did not fight for independence from Britain in order for our generation to turn this country over to Mexicans and Haitians. The Founders did not frame the Constitution to celebrate diversity. Americans did not spill their blood at Gettysburg or in Europe or the Pacific for multiculturalism. And yet, the rightful heirs to what could have been a shining beacon of Western Civilization are giving up their country without a struggle—for fear that to do otherwise would be "racist."

What we are witnessing is one of the great tragedies in human history. Powerful forces are in motion that, if left unchecked, will slowly push aside European man and European civilization and then dance a victory jig on their collective grave. If we do nothing, the nation we leave to our children and grandchildren will be a desolated, third-world failure, in which whites will be a despised minority. Western Civilization will be a faint echo, vilified if it is even audible. There is no other tragedy that is at once so great, so unnatural, and so unnecessary.

This article originally appeared in the June 1996 issue of American Renaissance.

Пути наших людей

ЧТО МЫ БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ, И ПОЧЕМУ ЭТО УГРОЗА?

Белый человек и его цивилизация уникальны? Они заслуживают нашей верности? Почему так много белых потеряли все расовое сознание?

Эти вопросы никогда не должны задаваться. Ни один здоровый человек никогда не сомневается в его собственной легитимности - даже в ее *превосходстве.* Согласно французской пословице, каждая нация считает себя лучше своих соседей, и каждая нация права. Даже самое примитивное племя Новой Гвинеи, вероятно, никогда не проведет инвентаризацию своих характеристик, чтобы определить, следует ли ему отойти в сторону, чтобы другие люди могли занять его место. Независимо от того, насколько убогими или выродившимися они могут казаться другим, они, по их мнению, самые лучшие люди на земле.

Так думают все небелые. Ни японцы, ни мексиканцы, ни малайцы, ни израильтяне не терпят вторжения или перемещения иностранцев. Они борются с этими вещами инстинктивно, без необходимости объяснять друг другу, почему они борются с ними и почему они должны выжить как люди. Только белые делают вид, что плюрализм и смещение хороши и что меры, необходимые для обеспечения группового выживания, могут быть аморальными.

Эта статья неохотно исследует некоторые из этих вопросов. Это обзор характеристик, которые, по моему мнению, отличают белых от других рас, но это также попытка понять, почему белые во всем мире, похоже, потеряли свое расовое сознание и свою волю к выживанию как группа. Этот вопрос капитуляции является самым тревожным из всех, но объяснение этого может заключаться в лучшем понимании отличительных черт белых. При описании поведения наших людей мы можем обнаружить, что именно то, что отличает нас от других, парализует нас. То, что мы считаем своими добродетелями, в результате вырождения стало потенциально фатальной слабостью.

В конце концов, наши враги не африканцы, не латиноамериканцы и не азиаты. Другие расы с радостью берут все, что мы достаточно глупы , чтобы дать им.

The Ways of Our People

What are we fighting to preserve, and why is it threatened?

Are the white man and his civilization unique? Do they deserve our loyalty? Why have so many whites lost all racial consciousness?

These questions should never have to be asked. No healthy people ever doubts its own legitimacy—even its *superiority.* According to the French proverb, every nation thinks itself better than its neighbors, and every nation is right. Not even the most primitive tribe of New Guinea is likely ever to take an inventory of its characteristics to determine whether it should step aside so other people can take its place. No matter how squalid or degenerate they may appear to others they are, in their own minds, the finest people on earth.

All non-whites think this way. Neither the Japanese nor the Mexicans nor the Malays nor the Israelis tolerate alien incursion or displacement. They fight these things instinctively, without having to explain to each other why they fight them and why they should survive as a people. Only whites pretend that pluralism and displacement are good, and that the measures necessary to ensure group survival may be immoral.

This article is a reluctant investigation of some of these questions. It is a survey of characteristics that I believe distinguish whites from other races, but it is also an attempt to understand why whites, all around the world, seem to have lost their racial consciousness and their will to survive as a group. This matter of capitulation is the most troubling of all, but an explanation for it may lie in a better understanding of the distinctive traits of whites. In describing the ways of our people we may find that the very things that set us apart from others are what paralyze us. What we think of as our virtues have become, through degeneration, potentially fatal weaknesses.

After all, our enemies are not Africans or Latin Americans or Asians. Other races are happy to take whatever we are foolish

Именно мы навлекли на себя отчуждение, поэтому мы должны взглянуть на свою природу, если хотим понять, почему мы это сделали.

Кто мы?

Существует общая нить в современных характеристиках европейского человека, и он несет эти характеристики везде, где он мигрирует. Эта общая нить - постоянное чувство взаимности, убеждение в том, что другие имеют права, которые должны соблюдаться. Эта убежденность, которую можно назвать своего рода общественной моралью, лежит в основе институтов, которые являются общими для большинства белых обществ и отсутствуют в большинстве небелых: демократия, свобода слова и верховенство закона.

Европейские общества также породили широкий спектр неполитических традиций, также основанных на заботе о других. Они создали уникальную структуру жизни среди белых, но теперь практически все эти традиции изменились таким образом, что они создают угрозу нашему выживанию.

Учитывая эгоистичную природу человека, демократия маловероятна. Он основан на предположении, что мнения всех избирателей имеют одинаковую ценность. Это замечательно, даже чрезмерное уважение к другим. История фиксирует несколько примеров людей с властью, которые с готовностью отказались от нее только потому, что их просило большинство избирателей. Это требует от влиятельных людей подчинить свои амбиции мнению незнакомцев, и по большей части только белые могут справиться с этим. В нескольких азиатских странах сложилась слабая традиция демократии, но только среди белых это считается само собой разумеющимся.

То же самое можно сказать и о верховенстве закона. Идея о том, что власть не самооправданна, требует понимания того, что другие имеют законные права. Практически в каждом небелом обществе клика, держащая власть, коррумпированно проводит в жизнь законы, которые служат ее собственным интересам. Все это принимают. Хотя могущественные белые иногда уклоняются от закона, белые общества строятся на предположении, что справедливость слепа и что все равны перед законом.

Один из наших специфических государственных ритуалов требует, чтобы американские политики раскрыли свои доходы и собственный капитал. Африканцы и другие представители третьего мира поражены тем, насколько они малы.

enough to give them. It is we who have brought dispossession upon ourselves, so we must look to our own natures if we are to understand why we have done so.

Who Are We?

There is a common thread to the modern characteristics of European man, and he carries these characteristics wherever he migrates. This common thread is an abiding sense of reciprocity, a conviction that others have rights that must be respected. This conviction, which can be described as a kind of public morality, is at the heart of the institutions that are common to most white societies and absent from most non-white ones: democracy, free speech, and the rule of law.

European societies have also given rise to a broad range of non-political traditions also based on concern for others. These established the unique texture of life among whites, but now virtually all of these traditions have changed in ways that make them threats to our survival.

Given the self-centered nature of man, democracy is an unlikely development. It is based on the assumption that the opinions of all voters are of equal worth. This is remarkable, even excessive respect for others. History records few examples of people with power who willingly gave it up just because a majority of voters asked them to. This requires the powerful to subordinate their ambition to the opinions of strangers and, for the most part, only whites can manage this. A few Asian nations have developed a tenuous tradition of democracy, but only among whites is it taken for granted.

The same can be said for the rule of law. The idea that power is not self-justifying requires an understanding that others have legitimate rights. In virtually every non-white society, the power-holding clique enforces laws in a corrupt way that serves its own interests. Everyone accepts this. Although powerful whites sometimes evade the law, white societies are built on the assumption that justice is blind and that everyone is equal before the law.

One of our peculiar government rituals requires that American politicians disclose their incomes and net worths. Africans and other third-worlders are astonished at how small they are. Many

Многие небелые считают само собой разумеющимся, что политическая власть является лицензией на кражу и не может понять, как наши президенты и губернаторы так мало крадут.

Другая почти уникальная европейская характеристика, основанная на признании прав других, - это правовая защита от цензуры. Соблазн подавить речь других всегда силен; большинство небелых режимов поддаются ему, не задумываясь. Хотя мы вернемся к этому вопросу, появление в Европе и Канаде законов против «ненависти», которые запрещают высказывания, которые оскорбляют защищенные меньшинства, является значительным шагом назад в эволюции европейских принципов. Однако это хороший пример болезни, которая сейчас поражает нас: извращение хороших качеств в их противоположности. Гарантии свободы слова, принятые из уважения к правам человека, сокращаются - во имя еще большего уважения прав человека.

Еще одним белым выражением заботы о других является устранение наследственных классовых различий и предоставление государственного образования. Западные жители считают само собой разумеющимся идеал, что граждане должны расти или падать в соответствии со своими способностями, а не в соответствии со статусом при рождении. Это все еще младенческая концепция во многих небелых обществах.

Спортивное мастерство и рыцарство

Уважение к другим наполняет другие качества, которые мы считаем типичными для западного человека. Например, идеалы спортивного мастерства обуздывают триумфализм и защищают проигравшего от унижения. Они также призваны привить конкурентам уважение к честной игре, более сильное, чем желание победить. В своей крайней форме честная игра требует, чтобы игрок отказывался верить, что его обманули.

В молодые годы Тедди Рузвельт вел «тяжелую жизнь». Историки пишут о том времени, когда он был в боксерском поединке, когда гонг звучал в конце раунда. Как только Рузвельт уронил свою охрану, его противник отпустил его и ударил его прямо в лицо.

Кровь хлынула из носа Рузвельта. Рев неодобрения поднялся из толпы. Рузвельт подошел к краю ринга и закричал: «Он не слышал звонок. Он не слышал звонок».

История пенальти в британском футболе отражает ту же традицию.

non-whites take it for granted that political power is a license to steal and cannot understand how our presidents and governors manage to steal so little.

Another almost uniquely European characteristic founded on recognition of the rights of others is legal protection against censorship. The temptation to suppress the speech of others is always strong; most non-white regimes give in to it without a second thought. Though we will return to this question, the rise of anti-"hate" laws in Europe and Canada that prohibit speech thought to offend protected minorities, is a significant step backwards in the evolution of European principles. It is a good example of the disease that now afflicts us, however: the perversion of good qualities into their opposites. Guarantees of free speech, enacted out of respect for human rights, are being abridged—in the name of even greater respect for human rights.

Another white expression of concern for others is the elimination of hereditary class distinctions and the provision of public education. Westerners take for granted the ideal that citizens should rise or fall according to their abilities rather than according to status at birth. This is still an infant concept in many non-white societies.

Sportsmanship and chivalry

Respect for others suffuses the other qualities we think of as typifying Western man. Ideals of sportsmanship, for example, curb triumphalism and protect the loser from humiliation. They are also meant to instill in competitors a respect for fair play that is more powerful than the desire to win. In its most extreme form, fair play requires that a player refuse to believe he was cheated.

In his younger days Teddy Roosevelt pursued "the strenuous life." Historians write of the time he was in a boxing match when the gong sounded the end of the round. Just as Roosevelt dropped his guard his opponent let fly and hit him square in the face.

Blood gushed from Roosevelt's nose. A growl of disapproval rose from the crowd. Roosevelt went to the edge of the ring and shouted: "He didn't hear the bell. He didn't hear the bell."

The history of the penalty kick in British soccer reflects the

Удар был предоставлен при условии, что игрок, который был загрязнен на расстоянии, должен был быть намеренно загрязнен. Когда футбол стал профессиональным видом спорта, многие бывшие британские любители не стали выполнять штрафной удар. Они отказались верить, что любой в их спорте может совершить преднамеренный фол.

Болеть за неудачника - еще одна европейская спортивная традиция. Это также свидетельствует о том, что западный человек беспокоится о точке зрения другого человека. Некоторые конкуренты могут не надеяться, но мы приветствуем их усилия и надеемся на неожиданное разочарование. Для многих небелых это непостижимо.

Раздражение, «болтовня», срезание углов и отсутствие джентльменской игры, распространенной сегодня в спорте, - это в основном импорт небелого поведения на ранее белую арену. К сожалению, многие белые были заражены и ведут себя так же, как и похотливо.

Однако один из самых драматических способов отличить белых от всех других народов - это обращение с женщинами. Для американских индейцев и африканцев женщины были бременем. Мусульмане держали женщин вне поля зрения, а конфуцианцы отводили им отчетливо рабскую роль. Недавний премьер-министр Японии Какуэй Танака призвал нового зятя время от времени шлепать дочь премьер-министра. Это был лучший способ держать ее в курсе, пояснил он, придавая некоторую суть мнению, что в Японии статус женщины находится где-то между статусом мужчины и птицы.

Только на Западе объективно слабый пол был повышен и защищен с помощью тщательно разработанного рыцарского кодекса. Только белые мужчины традиционно стоят в присутствии женщины, держат за нее двери, несут ее ношу. Почти 2000 лет назад римский историк Тацит был поражен высоким уважением к германским племенам. Он считал удивительным, что даже самые влиятельные мужчины были довольны только одной женой и что женщины были допущены на военные советы. Как и все члены белых обществ, женщины имеют права и чувства, которые необходимо уважать.

Идея любви и романтики также почти исключительно европейская. Нигде, но на Западе никогда не предполагалось, что мужчины и женщины могли бы разделить романтическую любовь, которая длилась до самой смерти.

same tradition. The kick was granted on the assumption that a player who was fouled within scoring distance must have been deliberately fouled. When soccer became a professional sport, many former British amateurs would not take the penalty kick. They refused to believe that anyone in their sport could commit a deliberate foul.

Rooting for the underdog is another European sporting tradition. This, too, shows Western man's concern for the other person's point of view. Some competitors may be no-hopers, but we cheer their efforts and hope for the unexpected upset. For many non-whites, this is incomprehensible.

The swaggering, "trash talk," corner cutting, and absence of gentlemanly play common in sports today are largely the importation of non-white behavior into a previously white arena. Sadly, many whites have been infected and act just as loutishly.

One of the most dramatic ways, though, in which whites differ from all other peoples is in their treatment of women. For American Indians and Africans, women were beasts of burden. Muslims kept women out of sight, and Confucianists reserved for them a distinctly servile role. A recent Prime Minister of Japan, Kakuei Tanaka, urged a new son-in-law to slap the prime minister's daughter around occasionally. It was the best way to keep her in line, he explained, giving some substance to the view that in Japan the status of a woman is somewhere between that of a man and a bird.

Only in the West was the objectively weaker sex elevated and protected through an elaborate code of chivalry. Only white men traditionally stand in the presence of a woman, hold doors for her, carry her burdens. Nearly 2,000 years ago, the Roman historian Tacitus was struck by the high regard in which Germanic tribesmen held women. He thought it remarkable that even the most powerful men were content with only one wife and that women were admitted to councils of war. Like all members of white societies, women have rights and sensibilities that must be respected.

The idea of love and romance is likewise almost exclusively European. Nowhere but in the West has it ever been supposed that men and women could share a romantic love that lasted until

Многие пары не соответствуют этому стандарту, но сам стандарт практически не имеет аналогов. То, что считается «любовью» в таких знаменитых небелых литературных произведениях, как *«Сказка о Гэндзи»* или «*Сказки с арабских ночей»,* является жестокой женственностью по меркам западного романа.

Маловероятно, что концепция *благородного облечения* имеет небелые параллели. Вероятно, только европейцы считают, что у богатых и высокорожденных есть особые, неписаные обязательства. Не случайно, что государство всеобщего благосостояния является почти исключительно белым предприятием. Это логическое продолжение традиции частной благотворительности и филантропии - также полностью развитой только на Западе. В мусульманских обществах есть *заках,* или обязательные милостыни для бедных, но среди людей другой расы нет привычек и институтов милосердия, общих для западного человека. Нигде больше нет такой волонтерской работы или даже понимания того, что это такое.

Другое исключительно европейское выражение заботы о других - это миссионерское призвание. Хотя модно издеваться над христианскими миссионерами, они принесли огромные жертвы, чтобы принести то, что они считали истиной и спасением, людям, которые иначе сгорели бы в аду. Другие люди - даже иностранцы - не только имели права, они имели бессмертные души, которые обязан был спасать белый человек.

Белые также проявляют заботу о других, защищая дикую природу и окружающую среду. Люди сохраняют окружающую среду для будущих поколений, потому что те, кто еще не родился, тоже имеют права. Страны третьего мира, как известно, не заботятся об окружающей среде, отчасти потому, что они могут быть слишком бедными, чтобы позволить себе заботиться о них, а также потому, что они не разделяют озабоченности Запада. Зеленое движение было вдохновлено белыми и продолжает быть работой, почти исключительно, белых.

Нужно идти не дальше, чем многорасовый город, чтобы увидеть, кто заботится о *ближайшем* окружении. Например, ежегодное празднование Дня Пуэрто-Рико в Нью-Йорке оставляет улицы забитыми мусором. Совершенно другая клиентура, которая устраивает пикники на Большой лужайке в Центральном парке перед бесплатным концертом симфонии, едва оставляет позади клочок бумаги.

death. Many couples fall short of this standard, but the standard itself is virtually without parallel. What passes for "love" in such famous non-white literary works as *The Tale of Genji* or *Tales From the Arabian Nights* is brutish womanizing by the standards of Western romance.

It is unlikely that the concept of *noblesse oblige* has non-white parallels. It is probably only Europeans who believe that the wealthy and high born have particular, unwritten obligations. It is no accident that the welfare state is an almost exclusively white enterprise. It is a logical extension of the tradition of private charity and philanthropy—likewise fully developed only in the West. Muslim societies have the *zakah*, or obligatory alms for the poor, but among the people of no other race are found the habits and institutions of charity common to Western man. Nowhere else is there so much volunteer work or even an understanding of what it is.

Another exclusively European expression of concern for others is the missionary calling. Although it is fashionable to mock Christian missionaries, they made tremendous sacrifices to bring what they believed were truth and salvation to people who would otherwise burn in hell. Other people—even foreigners—not only had rights, they had immortal souls that it was the white man's duty to save.

Whites also show concern for others by protecting wildlife and the environment. People preserve the environment for future generations because those not yet born have rights, too. Third-world nations are notoriously unconcerned about the environment, partly because they may be too poor to afford to care, but also because they do not share Western preoccupations. The green movement was inspired by whites and continues to be the work, almost exclusively, of whites.

One need go no further than a multiracial city to see who cares about the *immediate* environment. For example, the annual celebration of Puerto Rico Day in New York City leaves the streets clogged with trash. The rather different clientele that picnics on the Great Lawn in Central Park before a free symphony concert leaves scarcely a scrap of paper behind. We are told that differences

Нам говорят, что различия в доходах объясняют различия в поведении, но бедные могут собирать мусор так же легко, как и богатые.

Усилия по защите дикой природы являются односторонней проблемой. Японцы, которые так же богаты, как и жители Запада, скорее будут есть китов, чем спасать их. Гонконгские китайцы, многие из которых являются миллионерами, продолжают получать дозу рога носорога, независимо от того, сколько это может стоить носорогу. Их также не волнует, что каждая порция медвежьих лап означает еще одного мертвого медведя.

Кампании, направленные на защиту дикой жизни Африки, также в основном представляют собой проблему белого цвета. Африканские лидеры, которые сами мало интересуются львами или слонами, используют угрозу исчезновения, чтобы получить помощь от белых. Точно так же южноамериканцы играют на европейских заботах об уменьшающихся дождевых лесах.

Темнокожий социолог Элайджа Андерсон в своей книге «*Street Wise*» 1990 *года* описывает, как по-разному чернокожие и белые относятся к собакам. Чернокожие внутри города думают не о собаках, как о компаньонах, а как о полезных животных, которых можно научить наводить ужас и нападать на людей. Профессор Андерсон сообщает, что им противно видеть белых на коленях, обнимающих собак и закапывающих их лица в мех.

Строго утилитарное, даже эксплуататорское отношение к животным распространено в третьем мире. Редко можно увидеть признаки привязанности или доброты к ослам, верблюдам и тягловым животным, которые все еще питают большую часть небелого мира. Тунисец был бы поражен в домах для отставных ослов, которые найдены в Великобритании. Законы против жестокого обращения с животными - явление почти уникальное, даже у японцев их нет.

Как и все европейские достоинства, этот может выйти из-под контроля. Активисты по защите прав животных не возражают уволить лесорубов с работы, чтобы спасти пятнистую сову, и сорвали научные эксперименты с использованием животных. Некоторые сделали бы незаконным есть мясо. Чрезвычайно или нет, но это беспокойство о правах других, даже о правах других видов, является белым занятием.

Чемпионы в «Экономии»

Белые - непревзойденные чемпионы мира по «спасению» и улучшению. Они вели войны, чтобы положить конец войнам, сделать мир безопасным для демократии и, как говорят некоторые, положить конец рабству.

in income explain differences in behavior, but the poor can pick up trash as easily as the rich.

Efforts to protect wildlife are a lopsidedly white concern. The Japanese, who are as rich as Westerners, would rather eat whales than save them. Hong Kong Chinese, many of whom are millionaires, continue to pep themselves up with doses of rhino horn without regard to what this may cost the rhinoceros. Nor do they seem to care that every serving of bear paws means another dead bear.

Campaigns to protect the wild life of Africa are likewise mainly a white concern. African leaders who, themselves, take little interest in lions or elephants, use the threat of extinction to extract aid from whites. Similarly, South Americans play on European worries about shrinking rain forests.

The black sociologist, Elijah Anderson, in his 1990 book, *Street Wise,* describes how differently blacks and whites feel about dogs. Inner city blacks do not think of dogs as companions but as useful animals that can be trained to terrify and attack people. Prof. Anderson reports that they are disgusted to see whites, on their knees, hugging dogs and burying their faces in their fur.

A strictly utilitarian, even exploitative attitude toward animals is common in the third world. It is rare to see a sign of affection or kindness for the donkeys, camels, and draft animals that still power much of the non-white world. A Tunisian would be amazed at the homes for retired donkeys that are found in Britain. Laws against cruelty to animals are an almost uniquely white phenomenon—not even the Japanese have them.

Like all European virtues, this one can get out of hand. Animal "rights" activists don't mind putting lumberjacks out of work in order to save the spotted owl, and have disrupted scientific experiments that use animals. Some would make it illegal to eat meat. Extreme or not, this concern about the rights of others, even the rights of other species, is a white preoccupation.

Champions at 'Saving'

Whites are the world's unsurpassed champions at "saving" and improving things. They have fought wars to end wars, make the world safe for democracy, and—some say—to end slavery. They

Они начинают «войны» с неодушевленными врагами, такими как нищета и наркотики. Они всегда убегают, чтобы накормить мир, спасти озоновый слой, остановить глобальное потепление, распространить демократию, освободить женщин, остановить кислотные дожди, продвинуть права человека, положить конец детскому труду, узаконить однополые браки и убедить всех мужчин на земле носить презерватив. Как бы либералы ни думали, что они презирают миссионерский импульс, они намного превосходят своих предков в праведном рвении. На планете нет ничего, что могло бы избежать белой одержимости добром. Для небелых это должно быть удивительное зрелище.

Откуда вся эта моральная энергия? Появляется все больше свидетельств того, что личность в ее отношении, включая такие вещи, как троеходство / экстраверсия, уважение к авторитету, сила религиозных убеждений и импульсивность, находятся под значительным генетическим контролем. Пятьдесят процентов, по-видимому, являются средним показателем наследственности таких признаков. Это означает, что вполне возможно, что существуют биологические основания для расовых различий в том, что можно назвать «средней личностью», так же, как и для различий в среднем интеллекте.

Профессор Майкл Левин размышлял о происхождении расовых различий в альтруизме или способности уважать желания других. Он ссылается на доказательства врожденных различий в морали и предполагает, что так же, как местное давление на окружающую среду направило эволюцию группы к разным уровням интеллекта, они, вероятно, создали разные уровни морального восприятия.

То, как белые организуют свои общества, может отражать присущие им расовые черты. Уважение к другим, формальные ограничения политической власти, поддержка слабых, стремление сохранить планету пригодной для жизни - все эти типично белые черты являются альтруистическими и находят только неполные параллели среди небелых.

Пути войны

Помимо этих общих принципов организации общества, существует много конкретных исторических примеров поведения белых, которые трудно представить в других расах. Некоторые из самых ярких происходят от ведения войны.

Весной 1863 года Армия Потомака и Армия Северной Вирджинии были разбиты лагерем на противоположных сторонах реки Раппа Хэннок .

launch "wars" on inanimate enemies like poverty and drugs. They are always running off to feed the world, save the ozone layer, stop global warming, spread democracy, liberate women, stop acid rain, promote human rights, end child labor, legalize same-sex marriage, and persuade every man on earth to wear a condom. Much as liberals may think they disdain the missionary impulse, they far exceed their ancestors in righteous zeal. There is nothing on the planet that escapes the white obsession with doing good. For non-whites it must be an astonishing spectacle.

Where does all this moral energy come from? There is increasing evidence that personality traits—including such things as introversion/extroversion, respect for authority, strength of religious convictions, and impulsiveness—are under considerable genetic control. Fifty percent seems to be about the average figure for heritability of such traits. This means it is entirely possible that there are biological bases for racial differences in what one could call "average personality," just as there are for differences in average intelligence.

Prof. Michael Levin has speculated about the origins of racial differences in altruism, or the capacity to respect the wishes of others. He cites evidence for inherent differences in morality, and suggests that just as local environmental pressures directed group evolution towards different levels of intelligence, they probably produced different levels of moral perception.

The way whites organize their societies may therefore reflect inherent racial traits. Respect for others, formal restraints on political power, support for the weak, the desire to keep the planet habitable—these typically white traits are all altruistic and find only incomplete parallels among non-whites.

Ways of War

Aside from these general principles for the organization of society, there are many specific historical examples of white behavior that are difficult to imagine in other races. Some of the most striking come from the conduct of war.

In the spring of 1863, the Army of the Potomac and the Army of Northern Virginia were camped on opposite sides of the Rappa-

Вот отрывок из *«Армии мистера Линкольна»* Брюса Картона об одном вечере, когда массивные отряды Союза собрались у реки в поле зрения Конфедератов:

> Северяне и южане, солдаты пели эти песни [Бродяга, Бродяга, Бродяга, Пей мне только твоими глазами, «Тело Джона Брауна» и т. Д.] Или сидели и слушали их тысячами на склонах холмов. , , , Наконец южане окликнули: «Теперь сыграйте некоторых из нас», поэтому без паузы группы янки перешли к «Дикси», «Бонни Блю Флэг» и «Мэриленд, моя Мэриленд». И затем, наконец, массивные группы играли «Дом, милый дом», и 150 000 бойцов пытались спеть его, задыхались и просто сидели там, молча, глядя в темноту; и, наконец, музыка угасла, и участники группы подняли свои инструменты, и обе армии легли спать. Несколько недель спустя они разрывали друг друга в одиноких зарослях вокруг Чанселорсвилля.

Здесь были люди, обязанность которых состояла в том, чтобы убивать друг друга и которые действительно делали это с огромной свирепостью. Это не помешало оркестрам Союза сыграть мелодии, которые, как они знали, больше всего порадуют и вдохновят Конфедератов.

Вот снова мистер Каттон в *«Неподвижности в Аппоматтоксе»,* описывающий инцидент, произошедший во время битвы за Петербург:

> 39-й штат Массачусетс выиграл передовую позицию, потеряв трех цветоносцев, и, наконец, был вынужден вернуться, оставив свои цвета на земле. Его полковник попросил добровольцев выйти и взять флаги. Капрал и частное лицо ответили и выбежали за ними, и внезапно - и совершенно неожиданно - Конфедераты прекратили стрельбу, позволили солдатам поднять флаги, и когда они вернулись в полк, повстанцы махали шляпами и подняли развеселить.

Это было четыре года в самой кровавой войне, которую когда-либо вели американцы. Если бы эти солдаты когда-нибудь презирали своего врага, не давали ему четверти и убивали его при каждой возможности, эта точка была бы достигнута давно. Можем ли мы представить себе простых солдат в африканской, арабской или азиатской армии, проявляющих столько же внимания и великодушия, как эти жесткие конфедераты?

Битва Саратога в 1777 году произвела еще один случай , который иллюстрирует как галантность войны между белыми и ООН обычного статусом женщин.

hannock river. Here is a passage from Bruce Catton's *Mr. Lincoln's Army* about one evening when massed Union bands gathered by the river in earshot the Confederates:

> Northerners and Southerners, the soldiers sang those songs ['Tramp, Tramp, Tramp,' 'Drink to Me Only with Thine Eyes,' 'John Brown's Body,' etc.] or sat and listened to them in their thousands on the hillsides . . . . Finally the Southerners called across, 'Now play some of ours,' so without pause the Yankee bands swung into 'Dixie,' and 'The Bonnie Blue Flag' and 'Maryland, My Maryland.' And then at last the massed bands played 'Home, Sweet Home,' and 150,000 fighting men tried to sing it and choked up and just sat there, silent, staring off into the darkness; and at last the music died away and the bandsmen put up their instruments and both armies went to bed. A few weeks later they were tearing each other apart in the lonely thickets around Chancellorsville.

Here were men whose duty was to kill each other and who, indeed, did so with great ferocity. This did not prevent the Union bandsmen from playing the tunes they knew would most please and inspire the Confederates.

Here is Mr. Catton again, in *A Stillness at Appomattox,* describing an incident that took place during the battle of Petersburg:

> The 39th Massachusetts won an advanced position, losing three color-bearers, and at last was forced back, leaving its colors on the ground. Its colonel asked for volunteers to go out and get the flags. A corporal and a private responded and ran out to get them, and suddenly—and quite unexpectedly—the Confederates stopped firing, allowed the men to pick up the flags, and as they went back to the regiment the Rebels waved their hats and raised a cheer.

This was four years into the bloodiest war Americans ever fought. If these soldiers were ever going to despise their enemy, give him no quarter, and kill him at every opportunity, that point would have been reached long ago. Can we conceive of common soldiers in an African or Arab or Asian army showing as much consideration and magnanimity as these hard-pressed Confederates?

The Battle of Saratoga in 1777 produced another incident that illustrates both the gallantry of warfare among whites and the un-

Майор Акленд, в штабе генерала Бургойна, был застрелен обеими ногами и оставлен на поле, когда мундиры отступили. Его жена была в британских войсках и глубоко переживала за своего мужа. У нее было очень грубое отступление вместе с солдатами - 12 часов без еды под проливным дождем - но она попросила генерала Бургойна обратиться к американскому командиру генералу Гейтсу с просьбой пропустить ее через ряды, чтобы ухаживать за ее мужем. Бургойн была впечатлена тем, что она обязуется пройти несколько миль в темноте, пересечь реку и перейти к врагу, и была вынуждена написать это письмо генералу Гейтсу:

> Сэр - Лейси Харриет Окленд, дама с первыми различиями в семье, ранге и личных достоинствах, настолько обеспокоена из-за майора Акланда, ее мужа, раненого и заключенного в ваших руках, что я не могу отказаться от ее просьбы о совершении ее в твою защиту. Какая бы ни была общая неуместность в моей ситуации и в вашей просьбе о милости, я не вижу необычайной настойчивости в каждой женской грации и возвышении характера этой леди, а также ее очень тяжелого состояния, не свидетельствуя о том, что ваше внимание к ее воле возложить на меня обязательства. Я, сэр, ваш покорный слуга, Дж. Бургойн. (Цитируется по Эдварду Криси, «*Пятнадцать решающих битв мира*»)

Она была принята через линии и заботилась о своем муже. В течение недели армия Бургойна сдалась.

Это письмо может показаться современным ушам столь фантастически воспитанным, но оно отражает концепцию антагониста и уважение к женщинам, которое вряд ли можно найти в небелых историях.

По общему признанию, белые армии не всегда ведут себя рыцарски, и во время Второй мировой войны и Ось, и Союзники бомбили мирных жителей без особого угрызения совести. Советская Армия была заведомо варварской. Отважное отношение к врагу может потребовать войны в более интимном, технологически примитивном масштабе. Более того, современные войны, особенно те, которые ведут демократические расы, - это массовые войны, которые мобилизуют всю нацию. Лучший способ сделать это - демонизировать врага, и гораздо легче убивать мирных жителей, если мы убеждены, что они демоны.

Несмотря на это, армии белых редко совершают варварства, которые часто бывают среди их врагов. часто были распространены среди своих врагов.

usual status of women. Major Ackland, on Gen. Burgoyn's staff, was shot through both legs and left on the field as the redcoats retreated. His wife was with the British forces and was deeply worried about her husband. She had had a very rough retreat along with the soldiers—12 hours without food in a driving rain—but she asked Gen. Burgoyn to petition the American commander, Gen. Gates, to let her through the lines to tend to her husband. Burgoyn was impressed that she would undertake to go several miles in the dark, cross a river, and go over to the enemy, and was moved to write this letter to General Gates:

> Sir—Lacy Harriet Ackland, a lady of the first distinction of family, rank, and personal virtues, is under such concern on account of Major Ackland, her husband, wounded and a prisoner in your hands, that I cannot refuse her request to commit her to your protection. Whatever general impropriety there may be in persons in my situation and yours to solicit favors, I cannot see the uncommon perseverance in every female grace and the exaltation of character of this lady, and her very hard fortune, without testifying that your attentions to her will lay me under obligations. I am, sir, your obedient servant, J. Burgoyne. (Quoted in Edward Creasy, *Fifteen Decisive Battles of the World*)

She was accepted through the lines and cared for her husband. Within a week Burgoyn's army had surrendered.

This letter may strike modern ears as fantastically mannered, but it reflects a conception of the antagonist and a respect for women not likely to be found in non-white histories.

Admittedly, white armies do not always behave chivalrously, and during the Second World War, both the Axis and the Allies bombed civilians without much compunction. The Soviet Army was notoriously barbaric. A gallant attitude towards the enemy may require war on a more intimate, technologically primitive scale. Moreover, modern wars—especially those fought by democracies—are mass wars that mobilize an entire nation. The best way to do this is by demonizing the enemy and it is much easier to kill civilians if we are convinced they are demons.

Even so, armies of whites rarely commit the barbarities that

Американские индейцы редко берут пленных, если только они не подвергают их пыткам из-за спорта. Им нравилось убирать тела врагов и калечить их, как обнаружила американская кавалерия, когда она прибыла слишком поздно, к тому, что осталось от последней позиции Кастера. Вьетконг часто убивал раненых американцев, которых они нашли на поле боя, и жестокость японских войск в Китае и на Тихом океане хорошо известна. Несмотря на несколько досадных исключений на Балканах, какой солдат сегодня, если бы у него был выбор, сдался бы не белой, а белой армии?

Конечно, сегодня модно описывать белых как исключительно жестоких. Наши критики указывают на бойню Второй мировой войны в качестве доказательства. Конечно, масштабы убийства отражали только европейский и американский технический гений.

Гораздо более замечательным, чем насилие белых, является насилие, которого они не совершали. В истории этого почти универсального института, рабства, только белые когда-либо придумывали для него философские оправдания, потому что только у них была плохая совесть об этом. Другие народы просто брали рабов, когда могли. Когда белые убеждали себя в том, что рабство было неправильным, они не только отменили его в своих собственных сферах, но и принудительно уничтожили неохотных небелых. Это чистая, антибелая чепуха - притворяться, что американское рабство было каким-то уникальным позором.

Белые в этом столетии относились к небелым народам с удивительной терпимостью. Европейские державы создали империи, которые включали большую часть остального мира. Небелые не завоевали независимость; им дали свободу белые, которые решили, что это морально. Теперь, когда бывшие колонии натыкаются на груз независимости, европейские страны поддерживают их. В колониальную эпоху для этого было название: бремя белого человека. Во многих случаях это было искреннее желание поднять менее удачные гонки.

В 19-м и 20-м веках белые имели возможность объединить планету в систему эксплуатации исключительно для их собственной выгоды. Они могли бы сохранить всю Азию в качестве государств-клиентов, а не позволить Японии, Корее и - вскоре - Китаю стать настоящими конкурентами .

have often been common among their enemies. American Indians seldom took prisoners unless it was to torture them for sport. They liked to strip the bodies of enemy dead and mutilate them, as the U.S. Cavalry found when it arrived, too late, at what was left of Custer's last stand. The Viet Cong frequently killed wounded Americans they found on the battlefield, and the cruelty of Japanese troops in China and the Pacific is well recorded. A few unfortunate exceptions in the Balkans notwithstanding, what soldier today, given a choice, would surrender to a non-white rather than a white army?

Of course, it is the fashion today to describe whites as uniquely violent. Our critics point to the butcheries of the Second World War as proof. Of course, the scale of the killing only reflected European and American technological genius.

Far more remarkable than the violence done by whites is the violence they have not done. In the history of that near-universal institution, slavery, only whites ever thought up philosophical justifications for it because only they had bad consciences about it. Other peoples simply took slaves when they could. When whites persuaded themselves that slavery was wrong, they not only abolished it within their own realms but forced abolition on reluctant non-whites. It is pure, anti-white nonsense to pretend that American slavery was somehow uniquely shameful.

Whites in this century have treated non-white nations with remarkable forbearance. The European powers had established empires that included most of the rest of the world. Non-whites did not win independence; they were given freedom by whites who decided this was the moral thing to do. Now, when former colonies stumble under the weight of independence, European countries prop them up. In the colonial era, there was a name for this: the white man's burden. It was in many cases a sincerely felt desire to raise up less fortunate races.

In the 19th and 20th centuries, whites had the power to organize the planet into a system of exploitation entirely for their own benefit. They could have kept all of Asia as client states rather than permit Japan, Korea, and—soon—China to become real competi-

Белые могли доминировать над другими расами - даже уничтожить их - но это просто не является частью их морального репертуара.

Каким был бы мир, если бы какая-то другая раса обладала невероятно непропорциональной силой, которой обладают и продолжают обладать белые? Будут ли африканцы или азиаты действовать сдержанно, как показали белые? Будут ли они добровольно вкладывать оружие в ножны и вместо этого помогать расам, менее успешным, чем они сами?

Только в прошлом столетии мировая история была намного иной, чем хроника агрессивного племенного или национального возрождения. Если бы в 1880-х годах Соединенные Штаты решили колонизировать Мексику или Центральную Америку, было бы много протестов? Сегодняшняя международная мораль самоограничения не универсальна, но она была полностью установлена белыми. Именно это самоограничение, первым практиковал на себя белыми , а затем навязан агрессивных небелых полномочия *на* белых, что изменило характер международных отношений. С 1945 года обуздал масштабную войну. И все же белые, по иронии судьбы, должны быть злодеями мировой истории.

Какое отношение это имеет к побежденному состоянию, которое сейчас распространено среди белых? Каждый из этих институтов и характеристик отражает особую мораль белых. В последние десятилетия каждый был превращен во что-то опасное и самоубийственное. Учреждения, которые когда-то уравновешивали уважение прав других против негагалитарной реальности, теперь служат слепому эгалитаризму. История этого столетия - это история почти истерического нападения на различия всех видов.

Различия требуют *суждения,* а суждение болезненно для тех, кого судят. Некоторые люди хотят, когда общество проводит различие между преступными и некриминальными, компетентными и некомпетентными, достойными и недостойными, здоровыми и извращенными, нашими людьми и теми, кто этого не делает. Белые общества толкнули свое внимание к другим до невозможных пределов; они потеряли способность судить. Различия, жизненно важные для выживания, размыты и сглажены во имя «чувствительности» и «толерантности». Признание неравенства в настоящее время является нарушением либерального видения человека (теперь известного, конечно, как человечество).

tors. Whites could have dominated other races—even exterminate them—but this is simply not part of their moral repertoire.

What would the world be like if some other race had the tremendously disproportionate power that whites have had and continue to have? Would Africans or Asians act with the restraint whites have shown? Would they voluntarily sheath their weapons and instead give aid to help races less successful than themselves?

Only in the last century has the history of the world been much other than a chronicle of aggressive tribal or national aggrandizement. If, in the 1880s, the United States had decided to colonize Mexico or Central America would there have been much outcry? Today's international morality of self-restraint is not universal, but it was established entirely by whites. It is this self-restraint, first practiced upon themselves by whites and then forced upon aggressive non-white powers *by* whites, that has changed the character of international relations. Since 1945, it has curbed large-scale war. Yet whites, ironically, are supposed to be the villains of world history.

What does any of this have to do with the defeated state of mind now common among whites? Every one of these institutions and characteristics reflect the particular morality of whites. In recent decades, every one has been perverted into something dangerous and self-destructive. Institutions that once balanced respect for the rights of others against inegalitarian reality now serve blind egalitarianism. The history of this century is the history of an almost hysterical assault on distinctions of all kinds.

Distinctions require *judgment,* and judgment is painful for those who are judged. Some people are found wanting when a society distinguishes between criminal and non-criminal, competent and incompetent, worthy and unworthy, healthy and perverse, our people and those who are not. White societies have pushed their consideration for others to impossible limits; they have lost the capacity to judge. Distinctions that are vital for survival are blurred and smoothed over in the name of "sensitivity" and "tolerance." Recognition of inequality is now a violation of the liberal vision of man (now known, of course, as humankind).

Например, именно во имя равенства работа Отцов-основателей была свернута, чтобы свести представительное правительство к чему-то вроде толпы демократии. Большинство ограничений на франшизу были сняты. Необходима какая-то квалификация, чтобы водить машину или стать парикмахером, но любой дурак, которому исполнится восемнадцать, может проголосовать. Президенты и сенаторы США теперь выбираются напрямую путем массового голосования. Основатели были осторожны, чтобы отличить свою республику от демократии, которой они боялись; у нас сейчас демократия. Почему их работа была отменена? Потому что он признал, что некоторые люди мудрее других - подрывное чувство в эту эгалитарную эпоху.

Точно так же, поскольку мы больше не можем судить, закон был извращен, чтобы служить так называемым правам преступников и осужденных - теперь иногда считается, что он заслуживает большего внимания, чем законопослушный. Кампусные речевые кодексы нарушают принципы свободы слова во имя равноправия. Высокое отношение к женщинам рухнуло на нелепые представления о физической и психологической эквивалентности полов. Забота об общем благе, лежащем в основе государственного образования, теперь переросла в озабоченность некомпетентных, неполноценных и других бенефициаров «специального» образования. Частная, добровольная благотворительность была омрачена безжалостными правительственными программами, которые пытаются стереть различия, отбирая у производительного и отдавая непродуктивному.

Также и в армии различия не допускаются, поэтому считается, что черные, белые, латиноамериканцы, женщины и гомосексуалисты являются взаимозаменяемыми и, следовательно, одинаково хорошими солдатами. Социальная инженерия превалирует над эффективным убийством. Ежегодные отчеты об эффективности для солдат включают пункт «Поддерживает ВБ / ВОО» [Равные возможности / Равные возможности в сфере занятости]. Дефицит может закончить карьеру.

Официальное мнение таково, что «разнообразная» армия - лучшая армия. Это продемонстрированный рецепт для битвы на поле боя. В 19 веке под руководством Камилло Кавура итальянская армия превратилась в инструмент для национального строительства, а не для борьбы. Итальянцы из разных регионов были назначены в смешанные подразделения в надежде, что они разовьют чувства национального единства. Результатом стали раздор, дезертирство и жалкая боевая история.

For example, it was in the name of equality that the work of the Founding Fathers was dismantled so as to reduce representative government to something like mob democracy. Most of the restrictions on the franchise have been stripped away. Some kind of qualification is necessary to drive a car or become a barber, but any fool who turns eighteen can vote. Presidents and U.S. Senators are now chosen directly by mass ballot. The Founders were careful to distinguish their republic from a democracy, which they feared; we now have a democracy. Why has their work been undone? Because it recognized that some men are wiser than others—a subversive sentiment in this egalitarian era.

In like manner, because we can no longer judge, law has been perverted to serve the so-called rights of criminals and convicts—now sometimes thought to deserve more consideration than the law-abiding. Campus speech codes violate principles of free speech in the name of equality by fiat. High regard for women has collapsed into preposterous notions of physical and psychological equivalence of the sexes. Concern for the common good that underlay public education has now degenerated into a preoccupation with incompetents, defectives, and other beneficiaries of "special" education. Private, voluntary charity has been overshadowed by ruthless government programs that attempt to erase distinctions by taking from the productive and giving to the unproductive.

In the military as well, distinctions are no longer permitted, so blacks, whites, Hispanics, women, and homosexuals are all thought to be interchangeable and therefore equally good soldiers. Social engineering takes precedence over effective killing. Annual efficiency reports for soldiers include an item, "Supports EO/EEO" [Equal Opportunity/Equal Employment Opportunity]. A deficiency can end a career.

The official view is that a "diverse" army is a better army. This is a demonstrated prescription for battlefield disaster. In the 19th century, under Camillo Cavour, the Italian army was made into a tool for nation-building rather than fighting. Italians from different regions were assigned to mixed units in the hope that they would develop feelings of national unity. The result was discord,

Немецкая армия с ее сплоченными, однородными частями, набранными из небольших областей в пределах одной провинции, имела высокий моральный дух и сражалась блестяще.

Одна из самых странных утрат древнего различия - разрушение авторитета взрослых. В 1960-х годах во всем белом мире администрация колледжа демонстрировала фантастические проявления бесхарактерности, когда молодые дегенераты захватывали здания и выдвигали «не подлежащие обсуждению» требования. Даже сегодня «демонстрация» или угроза кого-либо могут поставить университет на колени. Естественная иерархия поколений была разрушена во имя равенства.

Все эти изменения были частью нападения практически на все различия, иерархии, различия и дискриминацию, которые мужчины воспринимали как должное. То, что мы видим в Соединенных Штатах и в других белых нациях, - это атака на различия, которая является почти такой же далеко идущей, как попытка коммунистов уничтожить частное предпринимательство.

Типичная белая забота о других вышла из-под контроля. В публичном дискурсе и политической жизни мало что осталось от старых различий между мужчиной и женщиной, гетеро и гомосексуалистом, одаренным и некомпетентным, гражданином и иностранцем, производителем и паразитом, джентльменом и варваром. Эта кампания была успешной из-за альтруистических наклонностей, которые, вероятно, присущи белым. На этом пути лежит крах всех ценностей.

Конечно, обязательное равенство - даже эквивалентность - рас является одной из самых отчаянно защищаемых иллюзий этого отчаянно эгалитарного века. Иллюзия начала формировать общество сначала в Соединенных Штатах, а затем распространилась на другие белые нации. Расовая доктрина в настоящее время лежит в основе эгалитарной силы, которая сокрушает белого человека. Способность проводить расовые различия была уничтожена, наряду со способностью проводить бесчисленные другие различия.

Любой, кто может видеть сквозь центральную ложь расовой эквивалентности, скорее всего, увидит и другую эгалитарную ложь. Вот почему белые, которые все еще проводят расовые различия, по-прежнему делают так много других.

Пояснения

Что привело к уничтожению различий? Некоторые люди думают, что христианство с его акцентом на равенство перед Богом и обращением другой щеки фатально ослабило белого человека.

desertion, and a miserable combat record. The German army, with its cohesive, homogeneous units recruited from small areas within single provinces had high morale and fought brilliantly.

One of the strangest losses of an ancient distinction has been the crumbling of adult authority. In the 1960s, all across the white world, college administrators put on fantastic displays of spinelessness as young degenerates took over buildings and issued "nonnegotiable" demands. Even today, a "demonstration" or the threat of one can bring a university to its knees. The natural hierarchy of generations was destroyed in the name of equality.

All these changes have been part of an assault on virtually every difference, hierarchy, distinction, and discrimination that men have taken for granted. What we see in the United States and in other white nations is an attack on distinctions that is almost as far-reaching as the Communist attempt to destroy private enterprise.

The typical white concern for others has run amok. In public discourse and political life, not much is left of the old distinctions between man and woman, hetero- and homosexual, gifted and incompetent, citizen and alien, producer and parasite, gentleman and barbarian. This campaign has succeeded because of the altruistic inclinations that are probably inherent in whites. Down this path lies the collapse of all values.

Of course, the mandatory equality—even equivalence—of races is one of the most desperately defended illusions of this desperately egalitarian century. The illusion began to shape society first in the United States and then spread to other white nations. Racial doctrine is now at the heart of the egalitarian juggernaut that is crushing the white man. The ability to make racial distinctions has been swept away, along with the ability to make countless other distinctions.

Anyone who can see through the central lie of racial equivalence is likely to see through the other egalitarian lies. That is why whites who still make racial distinctions still make so many others.

Explanations

What has brought about the destruction of distinctions? Some people think Christianity, with its emphasis on equality before

Сегодня господствующее христианство, безусловно, является важной силой для капитуляции, но, вероятно, это скорее симптом, чем причина болезни белого человека. Традиционное христианство ни в коем случае не требует уничтожения различий. Европейцы были христианами на протяжении более тысячи лет, и христианство, конечно же, не подорвало ни способности Стонуолла Джексона проводить различия, ни способности конкистадоров и крестоносцев.

Вера была подрезана в соответствии со временем. Библия говорит, что гомосексуалисты должны быть преданы смерти, но сегодня многие христиане хотят предопределить гомосексуалистов и отменить смертную казнь. Христианство не изменилось; Христиане изменились.

Некоторые люди также настаивают на том, что евреи виноваты в отравленном душевном состоянии, распространенном среди белых. Нет сомнений в том, что евреи взяли на себя инициативу в продвижении сил лишения свободы и в нападении на основания для традиционных различий. Тем не менее, они нашли более чем добровольных сообщников среди неевреев, и обвинять евреев в белой капитуляции - все равно, что обвинять белых во всех неудачах черных. Без сомнения, многие, кто поощряет белых в своих суицидальных наклонностях, являются евреями, но эти наклонности должны были существовать, прежде чем их можно было поощрять.

Что ускорило внезапный рак эгалитаризма? Разрушения Первой мировой войны заставили многих европейцев усомниться в истинности их цивилизации. Вторая мировая война - еще один разрушительный удар по самоуверенности Запада - закончилась победой самых идеологически равноправных наций на земле: Советского Союза и Соединенных Штатов. Что бы это ни значило, Ось боролась за различия - национальные, расовые, культурные, биологические. Его поражение дискредитировало евгенику и расовое сознание. Это даже дискредитировало национализм, и Организация Объединенных Наций была создана с целью устранения национализма и национальных конфликтов.

Материальный прогресс также сыграл свою роль в уничтожении различий. «Роскошь более безжалостна, чем война», - сказал римский сатирик Ювенал. Изобилие послевоенных лет облегчало сокрытие катастрофических результатов социальной политики. Большое богатство, насильственно перераспределяется в непродуктивный, создал иллюзию *так социальное* , а также материального прогресса.

God and turning the other cheek, has fatally weakened the white man. Today, mainstream Christianity is certainly an important force for capitulation, but this is probably a symptom rather than a cause of the white man's disease. Traditional Christianity by no means requires the destruction of distinctions. Europeans have been Christian for more than a thousand years, and Christianity certainly did not undermine Stonewall Jackson's capacity to draw distinctions—nor that of the Conquistadors and Crusaders.

The faith has been pruned to suit the times. The Bible says that homosexuals are to be put to death, but today many Christians want to both ordain homosexuals and abolish the death penalty. Christianity has not changed; Christians have changed.

Some people likewise insist that Jews are to blame for the poisoned state of mind common among whites. There is no doubt Jews have taken the lead in promoting the forces of dispossession and in attacking the bases for traditional distinctions. However, they have found more than willing accomplices among non-Jews, and to blame Jews for white capitulation is a little like blaming whites for all the failures of blacks. Without a doubt, many who encourage whites in their suicidal proclivities are Jews, but those proclivities had to exist before they could be encouraged.

What precipitated the sudden cancer of egalitarianism? The devastation of the First World War made many Europeans doubt the validity of their civilization. The Second World War—another devastating blow to Western self-confidence—ended with victory by the most ideologically egalitarian nations on earth: the Soviet Union and United States. Whatever else it stood for, the Axis fought for distinctions—national, racial, cultural, biological. Its defeat discredited eugenics and racial consciousness. It even discredited nationalism, and the United Nations was created with the goal of eliminating nationalism and national conflicts.

Material progress has also played a role in the destruction of distinctions. "Luxury is more ruthless than war," said the Roman satirist, Juvenal. The affluence of the post-war years made it easier to cover up the disastrous results of social policy. Great wealth, forcibly redistributed to the non-productive, created the illusion of *so-*

Более высокий уровень жизни был поводом для игнорирования невыразимого вырождения. Увеличение благосостояния позволило поверить в то, что правила человеческой природы изменились и что общество может быть усовершенствовано.

Что потеряли белые

Однако из всех категорий, которые размываются в последние несколько десятилетий, потеря расовых различий имеет худшие долгосрочные последствия. Группа не может выжить без чувства идентичности. Он не может продолжаться, если его члены не осознают, что они являются частью группы, и готовы поставить ее интересы на первое место.

Когда эта группа является белой расой, групповое сознание рассматривается как чистое зло, но во всех других сферах жизни мы принимаем это как должное.

Семья существует в осмысленном смысле только в том случае, если ее члены ставят интересы семьи выше интересов незнакомцев. Политическая партия распалась бы, если бы ее члены не желали отстаивать интересы партии против всех остальных. Сотрудники компании должны быть готовы конкурировать с конкурентами. Если граждане нации не имеют национального самосознания, нация распадается. Ни одна группа не может выжить без группового сознания, и белые должны разжечь расовое сознание или быть оттесненными в сторону.

Очевидно, что белые не совсем потеряли инстинкт отождествления с группами. Они лояльны к колледжам, клубам, родным городам, работодателям и семьям. Даже силы единого мира не могут помешать преданности нации.

Но когда дело доходит до расы, белые подтверждают расовую солидарность других, отрицая свою собственную. Роберт Фрост однажды определил либерала как человека, который не может принять свою собственную сторону в споре. Как раса, белые не могут принять свою сторону в любом явно расовом аргументе. Когда небелые выдвигают расовые требования, белые почти всегда сдаются.

Одна из причин, почему белые делают это, заключается в том, что система управления, построенная в белых обществах, основана на предположении, что интересы других иногда требуют, чтобы мы жертвовали своими собственными. Все принципы западной морали требуют этого. Если хорошо и щедро жертвовать индивидуальными интересами, то почему бы не объединиться в интересы?

cial as well as material progress. Higher standards of living were an excuse to ignore unspeakable degeneracy. Increasing wealth made it possible to believe that the rules of human nature had changed, and that society could be perfected.

What Whites Have Lost

However, of all the categories that the last few decades blurred, the loss of racial distinctions has the worst long-term consequences. A group cannot survive without a sense of identity. It cannot continue unless its members are aware that they are part of a group and are willing to put its interests first.

When that group is the white race, group consciousness is treated as an unalloyed evil, but in all other areas of life we take it for granted.

A family exists in a meaningful sense only if its members put family interests before the interests of strangers. A political party would dissolve if its members were not willing to assert the party's interests against all others. A company's employees must be willing to compete against competitors. Unless the citizens of a nation have a national consciousness a nation dissolves. No group can survive without group consciousness, and whites must rekindle racial consciousness or be pushed aside.

It is obvious that whites have not entirely lost the instinct to identify with groups. They are loyal to colleges, clubs, home towns, employers, and families. Not even the forces of one-worldism can prevent devotion to nation.

But when it comes to race, whites affirm the racial solidarity of others while denying their own. Robert Frost once defined a liberal as someone who cannot take his own side in an argument. As a race, whites cannot take their own side in any explicitly racial argument. When a non-white makes racial demands whites almost always give in.

One reason why whites do this is because the system of governance built up in white societies is based on the assumption that the interests of others sometimes require that we sacrifice our own. All principles of Western morality require this. If it is good and generous to sacrifice individual interests, then why not group in-

Именно эта путаница в отношении добра и жертвы придает борьбе с "расизмом" столько морального рвения. Либеральные белые говорят как *белые* только для того, чтобы осудить свою расу и восхвалять небелых, тем самым принимая на себя ауру морального превосходства, которое приходит с жертвой. Они подразумевают, что другие белые погрязли в расовых интересах, но *они* поднялись настолько высоко, что могут осудить это.

Таким образом, обвинения в «расизме» составляют десять копеек, но они обладают таким же моральным блеском, как и предоставление бедным. Проповедники, политики, солдаты, учителя, судьи и ротарианцы произносят проповеди, взрывая «фанатизм». Таким образом, можно накопить большую заслугу, и именно поэтому она так привлекательна, причем *бесплатно.* Многие из тех, кто громче всех кричит об интеграции, отправляют своих детей в частные школы. Поборники позитивных действий никогда не предлагают свои *собственные* рабочие места для менее квалифицированных небелых, и, вероятно , бороться , чтобы сохранить жилищные проекты из *их* окрестностей.

Даже самые легкомысленные белые либералы обычно живут, общаются и вступают в брак между собой. Конечно, ежедневное общение с мексиканцами и гаитянами было бы волнующим, но либералы предпочитают оставлять его на более низком уровне. Следовательно, подразумеваемая самопожертвование против белого активизма почти всегда является чистым лицемерием. Вполне допустимо греметь против «расизма» и не иметь ни одного небелого друга, родственника или соседа.

Белые утверждают, что обеспокоены чувствами, которые небелые, вероятно, сочли бы абсурдом. В 1987 году бывший президент Джимми Картер признался, что, когда он увидел по телевизору голодающих эфиопских детей, ему не удавалось заботиться о них так же сильно, как о собственной дочери Эми. Он сказал, что был "смущен" этим "расистским" отсутствием настроения.

Большинство белых не унижают себя так открыто. Однако они не могут действовать в своих интересах. Большинство белых не хотят смешиваться с другими расами. Они хотят, чтобы их дети женились на белых. Они не хотят, чтобы белые стали меньшинством. Тем не менее, их учили стыдиться думать об этом, и они ничего не делают, чтобы защитить свою группу. Они парализованы собственной извращенной моралью.

terests?

It is this confusion about goodness and sacrifice that gives the fight against "racism" so much moral fervor. Liberal whites speak as *whites* only to denounce their own race and to praise non-whites—thereby assuming the aura of moral superiority that comes with sacrifice. Other whites, they imply, wallow in racial self-interest but *they* have risen so far above it they can denounce it.

Denunciations of "racism" are therefore ten a penny, but they have the same moral sheen as giving to the poor. Preachers, politicians, soldiers, teachers, judges, and Rotarians all deliver sermons blasting "bigotry." Great merit can be accumulated this way and—this is why it is so attractive—*at no cost.* Many of those who whoop the loudest about integration send their own children to private schools. The champions of affirmative action never offer their *own* jobs to less qualified non-whites, and would probably fight to keep housing projects out of *their* neighborhoods.

Even the giddiest white liberals normally live, socialize, and marry among themselves. Daily intercourse with Mexicans and Haitians would be exhilarating, to be sure, but liberals prefer to leave it to the lower orders. The implied self-sacrifice of anti-white activism is therefore almost always pure hypocrisy. It is perfectly acceptable to thunder against "racism" and not have a single non-white friend, relative, or neighbor.

Whites claim to be bothered by sentiments non-whites would probably find absurd. In 1987, former President, Jimmy Carter confessed that when he saw starving Ethiopian children on television he could not manage to care as much about them as he did about his own daughter, Amy. He said he was "embarrassed" by this "racist" lack of sentiment.

Most whites do not abase themselves so openly. However, they are unable to act in their own interests. Most whites do not want to mix with other races. They want their children to marry whites. They don't want whites to become a minority. Yet, they have been taught to be ashamed to think these things, and they do nothing to protect their group. They are paralyzed by their own perverted morality.

В конечном счете, мы вполне можем спросить, годна ли белая раса для выживания. Не говоря уже о расовых формах капитуляции, является ли народ, который ставит женщин в борьбу за выживание? Действительно ли люди, для которых гомосексуализм является реальной альтернативой семейной жизни, серьезно относятся к выживанию? Серьезен ли вопрос выживания людей, заставляющих компетентных субсидировать и вознаграждать потомство некомпетентных? Серьезны ли люди, чьи взрослые не могут смотреть в лицо своим детям-подросткам, о выживании? Такие люди - и только белые делают это - начали писать свой собственный смертный приговор, даже без угрозы со стороны растущего населения небелых.

Что еще больше усугубляет нынешний кризис, так это то, что белые никогда не высказывали никаких моральных оправданий для своего собственного расового выживания. Как и всем другим людям, им никогда не приходилось. Теперь, когда аргументы формулируются против того, что каждый всегда считал само собой разумеющимся, не существует запаса проверенных идей, на которых люди могут опираться, чтобы защитить свой образ жизни. В своих костях они чувствуют, что происходящее неправильно, но у них нет слов, чтобы выразить эти чувства. Без слов, без убедительных моральных оснований белые не могут действовать.

Не должно быть больше необходимости объяснять, почему белые как группа имеют право на будущее, чем объяснять, почему лучше жить, чем умирать, но в нашу эпоху самоубийств мы вынуждены объясняться. И, как мы себе объясняем, ужасные последствия утраченного расового сознания постепенно становятся понятны большему количеству людей. Сознание расы возвращается. Позитивные действия, уловки, межрасовые преступления и прозрачное противодействие белых СМИ открывают все новые и новые глаза с каждым днем. Существует больше групп и публикаций, чем когда-либо, которые четко отстаивают интересы белых.

Расовое сознание на марше. Его сила будет только расти, а его фундаментальная моральная законность гарантирует, что он восторжествует.

Эта статья впервые появилась в сентябре и октябре 1996 года проблем с американского Возрождения.

Ultimately, we might well ask whether the white race is fit to survive at all. Entirely aside from explicitly racial forms of capitulation, is a people that puts women in combat serious about survival? Is a people for which homosexuality is a valid alternative to family life serious about survival? Is a people that forces the competent to subsidize and reward the procreation of incompetents serious about survival? Is a people whose adults are unable to face down their adolescent children serious about survival? Such people—and only whites do these things—have begun to write their own death warrant, even without the threat from growing populations of non-whites.

What makes the current crisis even worse is that whites have never articulated any moral justifications for their own racial survival. Like every other people, they never had to. Now, when arguments are formulated against what everyone always took for granted, there is no stock of tested ideas on which people can draw to defend their way of life. In their bones they feel that what is happening is wrong, but they do not have the words with which to express those feelings. Without words, without convincing moral foundations, whites cannot act.

It should be no more necessary to explain why whites, as a group, have the right to a future than to explain why it is better to live than to die, but in our suicidal era we are forced to explain ourselves. And, as we explain ourselves, the terrible consequences of lost racial consciousness are slowly becoming clear to more people. Consciousness of race is returning. Affirmative action, busing, inter-racial crime, and the transparently anti-white bias of the media are opening more and more eyes every day. There are more groups and publications than ever that clearly assert the interests of whites.

Racial consciousness is on the march. Its power will only grow, and its fundamental moral legitimacy ensures that it will prevail.

This article first appeared in the September and October 1996 issues of American Renaissance.

Возможна ли многорасовая нация?

ОТВЕТ В КНИГИ ИСТОРИИ ВАШЕГО РЕБЕНКА.

Из всех способов, которыми нация определяет себя, немногие являются более важными, чем то, что она учит своих детей о себе. На уроках истории своих государственных школ нация пересказывает свою собственную историю и прививает национальную самобытность в умы молодых граждан. В современной Америке, где конкурирующие расовые, культурные и языковые притязания делают практически невозможным даже говорить о национальной идентичности, вопросы истории стали борьбой за обладание прошлым Америки.

Мультикультурная, многоперспективная история, возникшая в результате этой борьбы, - это не просто отход от истории, которой Америка традиционно учит своих детей. Возможно, впервые страна отказалась от единой идентичности своего происхождения и намеренно приняла несколько национальных идентичностей.

Примечательно, что понимание многими небелыми истории мультикультур совершенно отличается от понимания белых. Для белых центральными понятиями являются «включение» и «плюрализм». Американская история должна быть переписана так, чтобы расовые и культурные перспективы, которые когда-то «игнорировались» или «игнорировались», получили равное отношение. Однако для многих небелых многокультурная история является жизненно важным шагом на пути к явно расовой, афроцентричной или испаноязычной истории. Их цель - разделение, а не включение.

«Консервативный» взгляд заключается в том, что явно расовые истории нелегитимны. Утверждается, что Америку следует объединить общей историей, а истории, основанные на исключениях, разъединяют нас. Эта позиция логически верна; Эксклюзивные истории являются спорными. Но, как мы увидим, «консервативная» позиция ошибочна - практически, эмоционально и даже морально. Америка *уже* разобщена расой, и никакой подход к истории не может изменить это. Точно так же, как невозможно было бы использовать одну и ту же книгу по истории в Китае и Японии, так и невозможно написать одну американскую историю, которая бы соответствовала белому, черному, индийскому, латиноамериканскому и азиатскому языкам.

Is a Multiracial Nation Possible?

The answer is in your child's history book.

Of all the ways in which a nation defines itself, few are more important than what it teaches its children about itself. In the history classes of its public schools, a nation retells its own story and instills a national identity in the minds of young citizens. In today's America, where competing racial, cultural, and linguistic claims now make it nearly impossible even to speak of national identity, questions about history have become a struggle for the possession of America's past.

The multicultural, multi-perspective history that has arisen from this struggle is not merely a departure from the history America has traditionally taught its children. It may be the first time that a nation has abandoned the single identity of its origins and set out deliberately to adopt multiple national identities.

Significantly, the understanding by many non-whites of multicultural history is entirely different from that of whites. For whites, the central concepts are "inclusion" and "pluralism." American history is to be rewritten so that racial and cultural perspectives that were once "ignored" or "neglected" will get equal treatment. For many non-whites, however, multicultural history is a vital step on the way to an explicitly racial, Afro-centric or Hispanic history. Their goal is separation rather than inclusion.

The "conservative" view is that explicitly racial histories are illegitimate. America, it is argued, must be united by a common history, and exclusionist histories disunite us. This position is logically correct; exclusionist histories are divisive. But as we shall see, the "conservative" position is wrong—practically, emotionally, and even morally. America is *already* disunited by race, and no approach to history can change that. Just as it would be impossible to use the same history book in both China and Japan, it is impossible to write a single American history that satisfies white, black, Indian, Hispanic, and Asian.

Обучение как ассимиляция

Целью американского общественного образования никогда не было просто передать знания. Одной из его главных целей было сделать детей американцами. Американские школы плавают под американским флагом, и ученики клянутся в верности ему. Центральные события истории происходят из американского прошлого. Самые славные достижения - американские достижения. В этом нет ничего странного. Каждый народ дает своим детям национальное образование.

Тем не менее, у американских школ была еще более явная цель создания государства, чем у других, из-за необходимости ассимилировать иммигрантов. Джон Куинси Адамс писал, что иммигранты «должны отказаться от своей европейской кожи, чтобы никогда не возобновить ее». Гораций Манн утверждал, что «иностранный народ ... не может превратиться в полный рост американских граждан только путем плавания через Атлантику». Поэтому одним из самых сильных мотивов для строительства государственных школ была необходимость сделать *американцев* европейцами.

Европейцы не собирались превращаться в американцев, рассказывая им о вкладе африканцев, мексиканцев и индийцев. Старая, стандартная история объединила американцев, потому что она имела последовательную цель и единый голос. Он подчеркивал одну точку зрения и игнорировал другие. Проще говоря, это была история о белых людях для белых.

Эта история хорошо служила стране, пока население было в подавляющем большинстве белым, а два традиционных меньшинства - чернокожие и индейцы - не имели голоса. Все это изменилось, начиная с 1960-х годов. Движение за гражданские права дало голоса чернокожим и индийцам, а изменения в иммиграционных законах привели к массовому притоку небелых. Это был конец определенного рода Америки, и это сделало невозможным традиционную историю Америки.

Небелые начали жаловаться на версию истории, которая их не учитывала. История государственного строительства, связавшая европейцев в единый народ, не связывала белых и небелых в единый народ. Таким образом, «мультикультурная» история должна была стать более широкой, более инклюзивной историей, которая дала бы каждому американцу свою законную долю прошлого Америки. В то же время «культурно значимая» история удержит чернокожих и латиноамериканцев в школе и предотвратит их выпадение с постоянно растущими темпами.

Schooling as Assimilation

The purpose of American public education has never been simply to impart knowledge. One of its central goals has been to make children into Americans. American schools fly the American flag and students pledge allegiance to it. The central events of history are from the American past. The most glorious achievements are American achievements. There is nothing odd about that. Every nation gives its children a national education.

Nevertheless, American schools have had an even more explicitly nation-building purpose than others because of the need to assimilate immigrants. John Quincy Adams wrote that immigrants "must cast off their European skin, never to resume it." Horace Mann argued that "a foreign people . . . cannot be transformed into the full stature of American citizens merely by a voyage across the Atlantic." One of the strongest motives for building public schools was, therefore, the need to make *Americans* out of Europeans.

Europeans weren't going to be made into Americans by teaching them about the contributions of Africans, Mexicans and Indians. The old, standard history united Americans because it had a coherent purpose and a single voice. It emphasized one point of view and ignored others. To put it bluntly, it was history about white people for white people.

This history served the country well, so long as the population was overwhelmingly white, and the two traditional minorities—blacks and Indians—did not have voices. All this changed, beginning in the 1960s. The civil rights movement gave voices to blacks and Indians, and changes in immigration laws brought a massive influx of non-whites. It was the end of a certain kind of America, and it made the traditional story of America impossible.

Non-whites began to complain about a version of history that left them out. The nation-building history that had bound Europeans into a single people had not bound whites and non-whites into a single people. "Multicultural" history was therefore to be a broader, more inclusive history that would give every American his rightful share of America's past. At the same time, "culturally relevant" history would keep blacks and Hispanics in school and

Что-то, чего белые из лучших побуждений не поняли, так это то, что «всеобъемлющая» история, которая была бы всем для всех людей, невозможна. В истории есть победители и проигравшие, и они видят одни и те же события другими глазами. В то же время практически каждая небелая группа видит конфликты прошлого как борьбу с белыми, поэтому мультикультурная история становится набором перспектив, которые зачастую не просто небелые, а антибелые.

Как, например, мультикультурная история относится к открытию и заселению Северной Америки европейцами? Старая история назвала это триумфальным достижением цивилизации. Но для индийцев одни и те же исторические события - бесконечная череда поражений и катастроф. Мультикультурный учебник называет это триумфом или катастрофой, или и тем, и другим, или тем и другим?

А как насчет мексиканско-американской войны? В то время это считалось великолепным успехом, потому что это добавило огромные куски на американский Запад. Но разве это было злодеяние империализма? Должны ли сегодняшние школьники радоваться тому, что Калифорния является частью Америки, или они оплакивают украденное право первородства своих латиноамериканских братьев?

Рабство ставит похожую загадку. Черные хотят сделать это центральным элементом своей истории, и во многих отношениях это так. В течение почти 300 лет большинство американских чернокожих были рабами, и практически все, что чернокожие делали или думали, было ограничено рабством. Сегодня он все еще является центральным элементом черной истории, потому что он оправдывает неудачу и может использоваться для извлечения выгод из белых.

Для белых же рабство - незначительное историческое событие. Если бы не гражданская война (которая была приведена в движение и велась белыми), ход истории нации вряд ли был бы другим, если бы не было черных и рабства. Предоставить ему видное место в белой истории - это прозрачная попытка манипулировать тем, как белые думают о настоящем.

Как только рабство переходит в статус беспримерного зла, большая часть прошлого становится непостижимой. Является ли Джордж Вашингтон *как* отец своей страны *и* злой человек , потому что он владел рабами?

stop them from dropping out at ever-increasing rates.

Squaring the Circle

Something that well-meaning whites did not understand is that an "inclusive" history—one that would be all things to all people—is impossible. History has winners and losers, and they see the same events with different eyes. At the same time, virtually every non-white group sees the conflicts of the past as struggles with whites, so multicultural history becomes a collection of perspectives that are often not merely non-white but anti-white.

How, for example, is a multicultural history to treat the discovery and settlement of North America by Europeans? The old history called it a triumphant advance for civilization. But for Indians, the same historical events are an unending sequence of defeats and disasters. Does a multicultural textbook call this a triumph or a disaster or both or neither?

What about the Mexican-American War? At the time, it was thought a glorious success because it added huge chunks to the American West. But was it instead, an imperialist atrocity? Are today's school children to rejoice that California is part of America or are they to weep over the stolen birthright of their Hispanic brothers?

Slavery poses a similar riddle. Blacks want to make it the centerpiece of their history, and in many ways it is. For nearly 300 years, most American blacks were slaves, and virtually everything that blacks did or thought was circumscribed by slavery. Today, it is still the centerpiece of black history, because it excuses failure and can be used to extract benefits from whites.

For whites, though, slavery is a minor historical event. Except for the Civil War (which was set in motion and fought by whites) the course of the nation's history would hardly have been different if there had been no blacks and no slavery. To give it a prominent place in white history is a transparent effort to manipulate the way whites think about the present.

Once slavery is promoted to the status of unparalleled evil, much of the past becomes incomprehensible. Is George Washington *both* the Father of his Country *and* a wicked man because he

Является ли Авраам Линкольн легендарным спасителем Союза или он изверг, потому что он думал, что негры уступают и должны быть отправлены обратно в Африку?

Те из нас, кто ходил в школу, когда американская история все еще была последовательной, вероятно, узнают о новой, многокультурной истории только случайно. Одна из таких случайностей заключается в том, что в этом году исполняется 500 лет со дня открытия Америки. Таким образом, типичная мультикультурная проблема вышла из класса и получила более широкое признание: был ли Колумб великим исследователем или он был геноцидным тираном? Должны ли мы праздновать вдохновляющую половину тысячелетия европейской Америки или мы должны стыдиться наших голов? Или мы должны сделать оба?

Проблемы и неопределенности

Мультикультурные истории по самой своей природе не могут ответить на эти вопросы. И поскольку они не могут, они представляют американскую историю как набор неопределенностей, как ряд нерешенных «проблем». В отличие от старой истории, которая смотрела на прошлое с гордостью и будущее с уверенностью, мультикультурные истории неуверенны и озадачены. В отличие от старой истории, которая, по крайней мере, давала белым детям прочную основу для национальной идентичности, мультикультурная история фактически говорит о том, что у Америки нет идентичности. Единственное, что осталось объединить мультикультурную Америку - это география.

Один из способов понять невыполнимую задачу, которую ставила перед собой многокультурная история, - представить, как можно написать книгу по школьной истории, которая будет использоваться как во Франции, так и в Великобритании. Как бы это относилось к Наполеону? Сама география Лондона - вокзал Ватерлоо, Трафальгер-сквер - памятник англичанам, убившим французов. Могила Наполеона, станция Аустерлица и названия улиц, такие как Йена и Ульм, - все это свидетельствует о гордости французов готовностью своих предков убивать иностранцев. «Мультикультурная» книга истории наполеоновских войн была бы абсурдом, и все это знают. И все же это было бы не более абсурдно, чем книги по истории, которые американские дети используют сегодня.

Небелые имеют гораздо более острое чувство своих групповых интересов, чем белые. Они очень ясно видят, что в будущем будут победители и проигравшие, как это было в истории.

owned slaves? Is Abraham Lincoln the storied savior of the Union or is he a fiend because he thought blacks were inferior and should be sent back to Africa?

Those of us who went to school when American history still had coherence are likely to learn about the new, multicultural history only by accident. One such accident is that this year is the 500th anniversary of the discovery of America. A typical multicultural problem has thus spilled out of the classroom and gotten wider notice: Was Columbus a great explorer or was he a genocidal tyrant? Are we to celebrate an inspiring half millennium of European America or are we to hang our heads in shame? Or are we to do both?

Problems and Uncertainties

Multicultural histories, by their very nature, cannot answer these questions. And because they cannot, they present American history as a bundle of uncertainties, as a series of unsolved "problems." Unlike the old history, which viewed the past with pride and the future with confidence, multicultural histories are diffident and perplexed. Unlike the old history, which at least gave white children a firm foundation for national identity, multicultural history says, in effect, that America has no identity. The only thing left to unite a multicultural America is geography.

One way to understand the impossible task that multicultural history has set itself is to imagine how one would write a school history book to be used in both France and Britain. How would it treat Napoleon? The very geography of London—Waterloo Station, Trafalger Square—is a monument to Englishmen who killed Frenchmen. Napoleon's tomb, Austerlitz station, and street names like Jena and Ulm all mark the pride the French take in their ancestors' readiness to slaughter foreigners. A "multicultural" history book of the Napoleonic wars would be an absurdity, and everyone knows it. And yet, it would be no more absurd than the history books American children use today.

Non-whites have a much keener sense of their group interests than whites. They see very clearly that the future will have winners and losers, just as history had them. Thus, while virtually every

Таким образом, в то время как практически каждый школьный округ с белым большинством пытается выровнять круг, обучая истории, которая является для всех всем, школьные округа с черным большинством начинают заменять старую «евроцентричную» учебную программу на ту, которая открыто». Афроцентричность. «Они не заинтересованы дополнять традиционную историю другими точками зрения. Они хотят единой африканской точки зрения.

В Атланте, где 92 процента учащихся государственных школ являются чернокожими, курсы истории и общественных наук были переписаны с точки зрения «афроамериканцев». Государственные школы Нью-Йорка недавно одобрили пересмотр учебной программы, основанный на откровенно антибелом позиционном документе, частично подготовленном чернокожим профессором Леонардом Джеффрисом. В Калифорнии школьные округа в сильно окрасившихся оклендах и восточном Пало-Альто начали учебный год 1991/1992 *без учебников по общественным наукам.* Они решили разработать свои собственные материалы с черным центром, потому что они не могли найти ничего подходящего.

Частные черные школы пошли дальше всего. Некоторые отвергают Америку и учат своих учеников, что они - африканская диаспора. Многие учат бессмысленной чепухе, утверждая, что древние египтяне и даже царь Соломон были черными. Тем не менее, даже если некоторые из их материалов смешны, афроцентричные учителя признают то, что белые учителя забыли: история имеет свою точку зрения; это не может быть всем для всех людей.

Строить нацию

Таким образом, черные изучают ту историю, которую когда-то изучали белые: историю, которая строит идентичность и уверенность. Белые дети учатся тому, что любая интерпретация действительна, что нет уверенности, что прошлое их нации - клубок парадоксов и нерешенных проблем. Патриотизм не будет расти в сердце ребенка, который не может с гордостью оглядываться на прошлое своего народа. Мы прошли долгий путь от обучения, в котором европейцы превратились в американцев. Теперь мы превращаем американцев в ничто вообще.

Мультикультурная история похожа на позитивные действия. Точно так же, как белые должны отойти в сторону, чтобы отдать предпочтение найму меньшинств, белые должны отложить в сторону свою точку зрения и изучить точку зрения других. С другой стороны, небелые могут свободно продвигать свои собственные интересы и историю исключений.

school district with a white majority is trying to square the circle by teaching a history that is everything to everyone, school districts with black majorities are beginning to replace the old "Eurocentric" curriculum with one that is openly "Afro-centric." They are not interested in supplementing the traditional history with different points of view. They want a single, African point of view.

In Atlanta, where 92 percent of the public school students are black, history and social studies courses have been rewritten from an "African-American" perspective. New York's public schools recently authorized a curriculum revision based on an openly anti-white position paper drafted, in part, by the black-supremacist professor, Leonard Jeffries. In California, school districts in heavily-black Oakland and East Palo Alto started the 1991/1992 school year *without social studies textbooks.* They decided to develop their own black-centered materials because they could find nothing suitable.

Private black schools have gone the farthest. Some reject America, and teach their pupils that they are the African Diaspora. Many teach patent nonsense, claiming that the ancient Egyptians and even King Solomon were black. Nevertheless, even if some of their material is ridiculous, Afro-centric teachers have recognized something that white teachers have forgotten: History has a point of view; it cannot be all things to all people.

Building a Nation

Blacks, then, are learning the kind of history that whites once learned: a history that builds identity and certitude. White children are learning that every interpretation is valid, that nothing is certain, that their nation's past is a tangle of paradoxes and unsolved problems. Patriotism will not grow in the heart of a child who cannot look back with pride upon his nation's past. We have come a long way from schooling that made Europeans into Americans. We now make Americans into nothing at all.

Multicultural history is like affirmative action. Just as whites are to step aside to give hiring preferences to minorities, whites are to set aside their own point of view and study those of others. Non-whites, on the other hand, are free to promote their own interests

Подобно позитивным действиям, мультикультурная история возможна только потому, что большинство отказалось от своей позиции в центре. Если бы белые настаивали на своей собственной истории так же сильно, как небелые настаивают на своей истории, неизбежность отдельных историй была бы признана давно. Белые также не захотят навсегда отказаться от своей собственной истории. В конце концов они поймут, что только они изучают прошлое без ответов и определенности. В конце концов они увидят, что не *может* быть одной истории, которая удовлетворяла бы все. И они начнут задаваться вопросом, может ли быть одна нация, которая удовлетворяет всех.

*Эта статья первоначально появилась в февральском номере журнала «*Ренессанс» *за 1992 год* .

and exclusionist histories.

Like affirmative action, multicultural history is possible only because the majority has abandoned its position at the center. If whites insisted on their own history as strongly as non-whites insist on theirs, the inevitability of separate histories would have been recognized long ago. Nor will whites be willing to forego their own history for ever. They will eventually realize that only they are studying a past with no answers and no certainties. They will eventually see that there *cannot* be one history that satisfies all. And they will begin to wonder whether there can be one nation that satisfies all.

This article originally appeared in the February 1992 issue of American Renaissance.

Белое выживание: за пределами консервативного и либерального

СОХРАНЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ФОНДА ФОНДА ДОЛЖНО БЫТЬ ВНЕ ПОЛИТИКИ.

Тема этой конференции - «за пределами консерватизма», и я хотел бы начать с нескольких вещей, которые на самом деле выходят за рамки как консерватизма, так *и* либерализма, то есть некоторые вещи, по которым люди соглашаются в любой политике. То, о чем я думаю, связано с консерватизмом, поскольку имеет тот же корень. Это идея сохранения или сохранения.

Есть некоторые вещи, которые по существу все люди - независимо от их политики - консервативны. Планета, для начала. Вероятно, есть некоторые мизантропы, которые хотели бы взорвать его, но большинство людей, по всему политическому спектру, хотят сохранить его.

Большинство людей также хотят сохранить планету пригодной для жизни, чтобы мы могли сохранить людей, которые на ней живут. Марк Твен обычно говорил: «Иногда я хотел бы повесить всю человеческую расу и закончить фарс», но в большинстве случаев люди не испытывают такого резкого чувства к нашему виду.

И мы хотим сохранить животных. Нам жаль, что вымирают жирафы или бабуины. Биологи хотят сохранить виды, о которых вы никогда не слышали. Возьмите случай с кубинским крокодилом. Он родственник американского крокодила и считается благородным зверем. Но кубинцы скрещиваются с американцами и могут быть генетически завалены. Как объясняет один ученый, «скрещивание двух видов крокодилов может представлять серьезную угрозу для кубинских крокодилов. В худшем случае один крокодил может стать причиной вымирания другого». Ученые беспокоятся о том, как предотвратить эту трагедию.

Правительство Соединенных Штатов беспокоится о сохранении некоторых *действительно малоизвестных* видов: например, жука плесени в пещере Кречмарр, или паука из мохнатой ели. Если вы покупаете землю, и один из них появляется на ней, вы не сможете развивать свою собственность .

White Survival: Beyond Conservative and Liberal

Conserving the American founding stock should be beyond politics.

The theme of this conference is "beyond conservatism," and I'd like to start with a few things that really are beyond both conservatism *and* liberalism, that is to say, some things people agree on whatever their politics. What I am thinking of is related to conservatism since it has the same root. It is the idea of conserving or conservation.

There are some things that essentially all people—no matter what their politics—are conservative about. The planet, to begin with. There are probably some misanthropes who would like to blow it up, but most folks, across the political spectrum, want to conserve it.

Most people also want to keep the planet livable so we can conserve the people who live on it. Mark Twain used to say, "Sometimes I'd like to hang the whole human race, and finish the farce," but most of the time, people don't feel that harshly about our species.

And we want to conserve animals. We'd be sorry to see giraffes or baboons die out. Biologists want to save species you have never heard of. Take the case of the Cuban crocodile. He's a relative of the American crocodile and said to be a noble beast. But the Cubans are interbreeding with the Americans and could be genetically swamped. As one scientist explains, "the two crocodile species interbreeding may pose a major threat to Cuban crocodiles. In a worst-case scenario, one crocodile lineage can cause the extinction of another." Scientists are fretting about how to prevent this tragedy.

The United States government worries about conserving some *really obscure* species: the Kretschmarr Cave mold beetle, for example, or the spruce-fir moss spider. If you buy land, and one of them turns up on it, you might not be able to develop your own

И большинство людей хотят сохранить разные места, где люди живут, и разные способы, которыми люди живут в этих местах. Мы рады, что Уругвай или Китай остаются отличительными странами. Мы все хотим, чтобы процветали разные языки и культуры. В этом отношении мы все консервативны.

Нам грустно, когда умирает последний говорящий на неясном языке или когда заканчивается особый образ жизни. Вот почему в Бразилии сейчас действует официальная политика по оставлению нетронутых племен в покое, если это вообще возможно. Люди, живущие в каменном веке, должны иметь возможность остаться там, если они этого хотят.

Сохранение этих вещей буквально выходит за рамки консерватизма, повторяя тему этой конференции.

Однако есть вещи, которые вам запрещено хранить. Вряд ли кто-то будет выступать против вас, если вы скажете, что первобытные племена Новой Гвинеи имеют право на сохранение своих обычаев и образа жизни, которые не пострадают от посторонних. Но лучше не говорить то же самое о французах или шведах.

Если вы говорите, что французы имеют право сохранять свою страну католической и европейской, вы не защитник природы. Ты ненавистник. Вы не за пределами консерватизма, вы за гранью.

Согласно нынешним представлениям, французы абсолютно не имеют права жить без помех со стороны посторонних. Наоборот, люди со всего мира имеют право на переезд туда.

Это действительно удивительно. Я не могу вспомнить ни одной вещи, которую новогвинейцы внесли в мир. И все же их образ жизни будет продолжаться. То, что европейцы, которые очень обогатили мир, не может.

Даже консерваторы не утверждают, что Франция является особой биологической и культурной единицей, которую следует сохранить. Мы не должны думать о белых странах. Корея? Да. Гана? Пакистан? Парагвай? Хорошо. Эти места, как и все другие небелые нации, имеют право на сохранение своей идентичности и образа жизни.

А как насчет сохранения белых людей биологически? Они составляют небольшое меньшинство мирового населения - 7 или 8 процентов - и некоторые из них размножаются с другими группами, как кубинский крокодил.

property.

And most people want to conserve the different places where people live, and the different ways that people live in those places. We're happy for Uruguay or China to remain distinctive countries. We all want different languages and cultures to flourish. In that respect we're all conservative.

We are sad when the last speaker of an obscure language dies or when a distinctive way of life comes to an end. That's why Brazil now has an official policy of leaving untouched tribes alone, if that's at all possible. People living in the stone age should have the choice of staying there if that's what they want.

Conserving these things literally does go "beyond conservatism," to repeat the theme of this conference.

However, there are things you are not allowed to want to conserve. Hardly anyone will oppose you if you say that the primitive tribes of New Guinea have the right to maintain their customs and their way of life, undisturbed by outsiders. But you better not say the same thing about the French or the Swedes.

If you say that the French have the right to keep their country Catholic and European, you're not a conservationist. You're a hatemonger. You're not beyond conservatism, you're beyond the pale.

According to current thinking, the French absolutely do not have the right to live undisturbed by outsiders. On the contrary, people from all over the world have the right to move there.

This is astonishing, really. I can't think of a single thing that New Guineans have contributed to the world. And yet their way of life will endure. That of the Europeans, who have immensely enriched the world, may not.

Not even conservatives argue that France is a distinctive biological and cultural entity that should be conserved. That's not the way we are supposed to think about white countries. Korea? Yes. Ghana? Pakistan? Paraguay? Fine. Those places, like all other nonwhite nations, have the right to maintain their identities and ways of life.

And what about conserving white people biologically? They are a small minority of the world population–7 or 8 percent–and

Но любой, кто говорит, что, может быть, нам следует подумать о долгосрочных перспективах белых людей - точно так же, как мы делаем это с жуком-плесенью Кречмарра, - больше не является защитником природных ресурсов. Он белый сторонник превосходства.

И поэтому в Америке нет ни одного политика, даже среди тех, кто утверждает, что он глубоко консервативен, кто говорит, что хочет сохранить основополагающий капитал этой страны или кто хочет сохранить Соединенные Штаты Америки с преобладанием большинства.

Странная вещь во всем этом заключается в том, что левши действуют так, как будто они имеют право на сохранение. Они любят государственную власть и любят руководить нами ради нашего блага во имя сохранения окружающей среды. Почему они не волнуются о перспективах белых людей точно так же, как они волнуются об озоновом слое? Я вижу, как они запугивают нас: «Теперь вы, белые люди, должны жить здесь, и вы должны пожениться». «Помни: это для детей». Это просто занятые вещи, которые они любят. Где Хиллари, когда она нам нужна?

Идея о Соединенных Штатах как о нации европейцев не имеет ничего общего *с политическим* вопросом лево-правых . Это должно быть вне политики, как сохранение белого носорога или сохранение Японии японцем.

Расовый смесь страны логически не участвует *вообще* в положении вы берете на размер правительства, государства всеобщего благосостояния, аборты, роль женщин, однополые браки, распределение доходов, внешней политики, общественной молитве, как интерпретировать Конституция или любой другой политический вопрос.

Вы можете верить в благополучие от колыбели до могилы *или* грубый индивидуализм, но полностью согласны с желанием сохранить белую страну в большинстве. Джек Лондон, например, был очень активным социалистом, но был категорически против многорасовой Америки.

Итак: почему кто-то хочет сохранить белых как отдельных людей и хочет, чтобы они оставались большинством в Соединенных Штатах? Во-первых, на эти вопросы даже не нужно отвечать. Если бы численность навахо сокращалась или теряла свою культуру, никто бы не сказал, что не имеет права что-то с этим делать.

some of them are breeding with other groups, just like the Cuban crocodile. But anyone who says maybe we should think about the long-term prospects of white people—just as we do with the Kretschmarr Cave mold beetle—is no longer a conservationist. He's a white supremacist.

And so there is not one politician in America, even among the ones who claim to be deeply conservative, who says he wants to conserve the founding stock of this country or who wants to conserve a majority-white United States.

The odd thing about all this is that it's the Lefties who act as if they had the corner on conservation. They love government power, and they love to boss us around for our own good in the name of conserving the environment. Why aren't they all in a flutter about the prospects for white people exactly the way they are in a flutter about the ozone layer? I can see them browbeating us: "Now, you white people have to live over here, and you have to marry among yourselves." "Remember: it's for the children." That's just the busybody sort of thing they love. Where's Hillary when we need her?

There is nothing about the idea of the United States as a nation of Europeans that is inherently a Left-Right type of *political* question at all. It should be beyond politics, just like conserving the white rhino or keeping Japan Japanese.

The racial mix of the country is not logically implicated *at all* in the position you take on the size of the government, the welfare state, abortion, the role of women, homosexual marriage, income distribution, foreign policy, public prayer, how to interpret the Constitution, or any other political question.

You can believe in cradle-to-grave welfare *or* rugged individualism, but be in complete agreement on wanting to keep the country majority-white. Jack London, for example, was very active as a socialist, but was adamantly opposed to a multiracial America.

So: Why would anyone want to conserve whites as a distinct people, and want them to remain a majority in the United States? First, these questions shouldn't even have to be answered. If the Navajo were dwindling in numbers or losing their culture, no one would say they didn't have the right to do something about it. No

Никто бы никогда не спросил навахо: почему ты заботишься о том, чтобы выжить как народ? Почему бы просто не исчезнуть? Если бы белый человек задавал эти вопросы, это было бы расизмом.

Но для белых людей? Это совсем наоборот. Само желание выжить как отдельный народ - это «ненависть».

Вспомните кубинского крокодила: «В худшем случае один крокодил может стать причиной вымирания другого». Ну, строго как биологические артефакты, белые люди, безусловно, по крайней мере так же ценны, как кубинские крокодилы, хотя бы по эстетическим соображениям. И это намного больше. Европейцы создали современный мир. Разве они не должны иметь те же права, что и племена Амазонки: быть оставленными в покое?

Это объективные вопросы, но, конечно, есть и мой субъективный взгляд на выживание белых как белого человека. Выживание является первым законом, и нет более фундаментального инстинкта, чем желание защитить свой собственный вид и хотеть его процветания.

Это очевидно, когда мы говорим о любой группе, *кроме* белых.

Число латиноамериканцев в этой стране очень быстро растет, и латиноамериканцы в восторге от этого. Это означает, что их язык, их культура, их физический тип, их наследие, их стремления становятся все более популярными и могут в конечном итоге доминировать в Соединенных Штатах. Латиноамериканцы очень хотят этого, и они постоянно пытаются изменить законы и политику, чтобы увеличить их число и принести пользу своим людям. Это считается признаком здоровой коллективной гордости.

Но если бы белые пытались отложить свое лишение собственности, если бы белые предлагали шаги по поддержанию статуса большинства, это было бы ненавистью и фанатизмом. Зачем? Процессы совершенно симметричны. Процент латиноамериканцев увеличивается с уменьшением процента белых. Почему латиноамериканцы должны праздновать свои завоевания, а белые - сожалеть о своих потерях?

Я не скрываю своего взгляда на это. Мои предки были белыми на протяжении десятков тысяч лет. Мои дети белые, и я хочу, чтобы мои внуки были белыми. Мне нравится культура Европы, я предпочитаю общество, которое создают белые. Что случилось с этим?

Ну, угадай что? Даже если они этого не признают, почти все белые чувствуют то же, что и я.

one would ever ask the Navajo: Why do you care about surviving as a people? Why not just fade away? If a white person asked those questions it would be the height of racism.

But for white people? It's the very opposite. The very desire to survive as a distinct people is "hate."

Remember the Cuban crocodile: "In a worst-case scenario, one crocodile lineage can cause the extinction of another." Well, strictly as biological artifacts, white people are surely at least as valuable as Cuban crocodiles, if only for aesthetic reasons. And there's a lot more than that. Europeans created the modern world. Shouldn't they have the same rights as the tribes of the Amazon: to be left undisturbed?

These are objective questions, but, of course, there is also my own subjective view of white survival as a white person. Survival is the first law, and there is no more fundamental instinct than the desire to protect one's own kind and to want it to flourish.

That's obvious when we are talking about any group *but* whites.

The number of Hispanics is growing very quickly in this country, and Hispanics are ecstatic about this. It means their language, their culture, their physical type, their heritage, their aspirations are all gaining ground and could eventually dominate the United States. Hispanics want this very much, and they consistently try to change laws and policies to increase their numbers, and benefit their people. This is considered a sign of healthy collective pride.

But if whites tried to delay their dispossession, if whites proposed steps to maintain their majority status, that would be hate and bigotry. Why? The processes are perfectly symmetrical. The percentage of Hispanics increases as the percentage of whites decreases. Why is it right for Hispanics to celebrate their gains but wrong for whites to regret their losses?

I make no secret of my view on this. My ancestors have been white for tens of thousands of years. My children are white and I want my grandchildren to be white. I like the culture of Europe, I prefer the society that whites create. What's wrong with that?

Well, guess what? Even though they don't admit it, almost all whites feel the same way I do.

Посмотрите, что они делают, а не то, что они говорят. Где они живут? Кто их друзья? Кого они приглашают на ужин? Если вы попросите белого человека назвать один небелой район, в котором он хотел бы жить, или одну небелую школу, в которую он хотел бы отправить своих детей, вы получите пустое место.

Белые знают, что небелая Америка - это не та страна, которую они хотят для себя или своих детей. Вот почему, когда часть Америки, в которой они живут, становится форпостом Африки или Мексики, они уходят в какое-то место, где белые по-прежнему составляют большинство. И большинство белых людей все еще хотят, чтобы их дети женились на других белых.

Они не посмели бы сказать эти вещи открыто. Они даже не признаются в этом. Но посмотрите, как они себя ведут - и левши ничем не отличаются от других. Как говорил Джозеф Собран: «В их привычках спаривания и миграции вы не можете отличить либерала от клановца».

Как говорили хиппи, белым людям просто нужно соприкоснуться со своими чувствами.

Белые привыкли быть полностью честными в своих чувствах, и нет никаких сомнений в том, что люди, называющие себя консерваторами, оставались честными дольше, чем левши.

В 1960-х годах *Национальный обзор* Уильяма Ф. Бакли поддержал апартеид в Южной Африке и заявил, что иммиграционная политика, направленная на то, чтобы страна оставалась белой, «не требует оправдания». Сохранение белой Америки было целью, которая, очевидно, была законной, и ее не нужно было оправдывать. Это было «за пределами консерватизма» и «за пределами либерализма».

National Review сейчас не занимает эту позицию. Это изгонит любого, кто поступил с внешней тьмой VDARE.com. И это только одна из бесчисленных позиций, от которых консерватизм просто отказался.

Одна из проблем заключается в том, что, когда 50 лет назад «*Национальное обозрение»* заявило, что стремление сохранить Америку в белом цвете «не требует оправдания», белые никогда не придумали этого. Это большая часть проблемы. Белые никогда не формулировали моральные причины, чтобы оправдать свое собственное выживание. На протяжении сотен лет, тысячи лет-белых, как все других, никогда не должен был этого делать.

Look at what they do, not what they say. Where do they live? Who are their friends? Who do they invite over for dinner? If you ask a white person to name a single non-white neighborhood he'd like to live in, or a single non-white school he'd want to send his children to, you get a blank.

Whites know in their bones that a non-white America is not the country they want for themselves or for their children. That is why, when the part of America in which they live becomes an outpost of Africa or Mexico, they move away—to some place where whites are still the majority. And most white people still want their children to marry other whites.

They wouldn't dare say these things openly. They don't even admit these things to themselves. But look at how they behave—and lefties are no different from anyone else. As Joseph Sobran used to put it, "In their mating and migratory habits, you can't tell a liberal from a Klansman."

As the hippies used to say, white people just need to get in touch with their feelings.

Whites used to be entirely honest about their feelings, and there is no doubt that people who call themselves conservative remained honest for longer than lefties did.

In the 1960s, William F. Buckley's *National Review* supported apartheid in South Africa, and said that an immigration policy designed to keep the country white "requires no justification." Preserving a white America was a goal so obviously legitimate that it didn't have to be justified. It was "beyond conservatism" and "beyond liberalism."

National Review doesn't take that position now. It would banish anyone who did to the outer darkness of VDARE.com. And that's just one of the countless positions that conservatism has simply abandoned.

One problem is that when, 50 years ago, *National Review* said that the desire to keep America white "requires no justification" whites never came up with one. That's a big part of the problem. Whites never articulated moral reasons to justify their own survival. For hundreds of years—thousands of years—whites, like ev-

Они просто воспринимали выживание как должное как законную цель.

Но теперь это означает, что у белых нет запаса проверенных идей и аргументов, которые они могут использовать для оправдания выживания. У них есть глубокое предчувствие того, что происходит, но у них нет слов, чтобы выразить это предчувствие. Без слов, без убедительных моральных оснований белые не могут действовать.

И это то, что отличает белых от всех остальных, и то, что делает нас уникально уязвимыми. Небелые иммигранты не должны оправдывать свое завоевание Соединенных Штатов. Им не нужно объяснять, почему они хотят, чтобы их число росло за наш счет. Они инстинктивно знают, что это хорошо для них, и это все, что им нужно знать.

То же самое относится и к иммигрантам из стран третьего мира в Европе. Они не должны оправдывать завоевание. Нет, европейцы должны будут оправдать даже самые основные шаги, необходимые для обеспечения выживания.

Не должно быть больше необходимости объяснять, почему белые имеют право на будущее, чем объяснять, почему лучше жить, чем умирать. Но это дилемма, с которой мы сталкиваемся. Медленно, медленно, как в Америке, так и в Европе, мы осознаем эту дилемму.

Это отрывок из выступления, которое я дал на конференции Института национальной политики «За пределами консерватизма», организованной в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне, округ Колумбия, 2 февраля 2015 года.

erybody else, never had to. They just took survival for granted as a legitimate goal.

But now, it means whites have no stock of tested ideas and arguments that they can draw on to justify survival. They have a deep foreboding about what is happening, but they don't have words to express that foreboding. Without words, without convincing moral foundations, whites cannot act.

And that is what makes whites different from everyone else and what makes us uniquely vulnerable. Non-white immigrants don't have to justify their conquest of the United States. They don't have to explain why they want their numbers to grow at our expense. They know instinctively that it's good for them, and that is all they need to know.

The same is true for Third-World immigrants to Europe. They don't have to justify conquest. No, it is Europeans who would have to justify even the most basic steps necessary to assure survival.

It should be no more necessary to explain why whites have the right to a future than to explain why it is better to live than to die. But that is the dilemma we face. Slowly, slowly, both in America and in Europe, we are waking up to this dilemma.

This is an excerpt from a talk I gave at a National Policy Institute conference, "Beyond Conservatism," hosted at the National Press Club in Washington, DC, on February 27, 2015.

Разнообразие разрушает доверие

Гарвард обнаруживает однородность.

Роберт Патнэм из Гарварда стал академической знаменитостью в 2000 году своей книгой «*Боулинг в одиночестве», в* которой утверждается, что общество находится в тяжелом положении, потому что разрушается так много общественных пристрастий. Американцы становятся все более мобильными и изолированными, с небольшим количеством групп. Профессор Патнэм хочет вернуть то, что он называет «социальными сетями», потому что он говорит, что они делают людей счастливыми, способствуют демократии, помогают воспитывать детей и улучшают экономику.

Позднее он проанализировал данные переписей и опросов, чтобы выяснить, какую роль во всем этом играет расовое разнообразие - углубляет ли оно привязанность к сообществу или еще больше разобщает людей. К его ужасу, он обнаружил, что расовое и этническое разнообразие разрушает доверие к соседям и институтам.

Профессору Патнэму не понравились эти выводы, и он не спешил их публиковать, но репортер *Financial Times* мог его заставить. В статье, опубликованной 9 октября 2006 года, Джон Ллойд процитировал слова профессора Патнэма о том, что он изучает способы компенсации неблагоприятных последствий разнообразия и что «без этого было бы безответственно публиковать».

Профессор Патнэм глубоко сожалеет о своих словах. Никто не любит так *открыто* признавать, что он собирается купаться, париться и отдушивать результаты, прежде чем он позволит публике увидеть их. Несколько недель спустя в интервью *Harvard Crimson* профессор Патнэм дал понять, что мистер Ллойд нечестно процитировал его и назвал «почти криминальным», что *Financial Times* не подчеркнула его убеждения в том, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе люди научитесь любить разнообразие, и общество станет для него сильнее. Его несчастье усугублялось сотнями электронных писем от того, что он называл «расистами и антииммиграционными активистами», поздравляющих его с обнаружением очевидного.

Профессор Патнэм опубликовал свое исследование в последнем выпуске «*Скандинавских политических исследований»* (том 30, № 2, 2007 г., стр. 137–174). Он делает все возможное, чтобы дать статье счастливый конец, но его выводы трудны приукрашивать.

Diversity Destroys Trust

Harvard discovers homogeneity.

Robert Putnam of Harvard became an academic celebrity in 2000 with his book, *Bowling Alone,* which argued that society is in dire straits because so many community attachments are breaking down. Americans are increasingly mobile and isolated, with few group affiliations. Prof. Putnam wants to bring back what he calls "social networks," because he says they make people happy, contribute to democracy, help rear children, and make the economy run better.

He later analyzed census and survey data to find out what role racial diversity plays in all this—whether it deepens attachment to community or further atomizes people. To his dismay, he found that racial and ethnic diversity destroys trust in neighbors and institutions.

Prof. Putnam did not like these findings, and was in no hurry to publish them, but a reporter for the *Financial Times* may have forced his hand. In an article that appeared on October 9, 2006, John Lloyd quoted Prof. Putnam as saying that he was studying ways to compensate for the bad effects of diversity and that it "would have been irresponsible to publish without that."

Prof. Putnam deeply regrets his words. No one likes to admit so *openly* that he is going to bathe, barber and perfume the findings before he lets the public see them. In an interview several weeks later with the *Harvard Crimson,* Prof. Putnam implied that Mr. Lloyd quoted him dishonestly, and called it "almost criminal" that the *Financial Times* had not emphasized his belief that in the mid- to long-run, people learn to like diversity and that society is stronger for it. His unhappiness was compounded by hundreds of e-mail messages from what he called "racists and anti-immigration activists" congratulating him on discovering the obvious.

Professor Putnam has now published his study in the latest issue of *Scandinavian Political Studies* (Vol. 30, No. 2, 2007, pp. 137-174.) He does his best to give the article a happy ending, but

Кому ты доверяешь?

Исследование Патнэм - это опрос людей, живущих в 41 различных американских общинах, которые бегут из расово однородной сельской местности Южной Дакоты в Сан-Франциско, который является одним из самых расово смешанных мест на земле. Самым ясным выводом было то, что чем разнообразнее территория, тем меньше людей доверяют друг другу.

Единственным сюрпризом в данных было то, что разнообразие снижает доверие *ко всем,* даже к людям своей расы. Это то, что приводит к широко цитируемому выводу профессора Патнэма, что разнообразие заставляет людей вести себя как черепахи - они тянутся в свои раковины. На основе других данных опроса он перечисляет другие несчастные последствия для людей, которые должны жить с разнообразием:

- Снижение доверия к местным органам власти, местным лидерам и местным СМИ.
- Низкая политическая эффективность, то есть уверенность в собственном влиянии.
- Более низкая частота регистрации для голосования, но больше интереса и знаний о политике и больше участия в маршах протеста и группах социальных реформ.
- Меньше ожиданий того, что другие будут сотрудничать для решения проблем посредством коллективных действий (например, добровольного сохранения, чтобы ослабить дефицит воды или энергии).
- Меньшая вероятность работы над проектом сообщества.
- Снижение вероятности благотворительности или волонтерства.
- Меньше близких друзей и доверенных лиц.
- Меньше счастья и ниже воспринимаемое качество жизни.
- Больше времени уходит на просмотр телевизора и больше согласия на то, что «телевидение - моя самая важная форма развлечения».

Это убедительный набор причин противостоять тому разнообразию, которое нам всегда говорят отмечать. В самом деле, это подтверждает то, что активисты иммиграции и расовые реалисты говорили на протяжении десятилетий. Эти результаты и известность, которую они получили, достойны, ну, в общем, торжества.

his findings are hard to sugarcoat.

Whom Do You Trust?

The Putnam study is a survey of people living in 41 different American communities that run from racially homogeneous rural South Dakota to San Francisco, which is one of the most racially mixed places on earth. The clearest finding was that the more diverse the area, the less people trusted each other.

The only surprise in the data was that diversity reduces trust in *everyone*, even in people of one's own race. This is what leads to Prof. Putnam's widely quoted conclusion that diversity makes people behave like turtles—they pull into their shells. On the basis of other survey data, he lists other unhappy consequences for people who must live with diversity:

- Lower confidence in local government, local leaders and the local news media.
- Lower political efficacy—that is, confidence in their own influence.
- Lower frequency of registering to vote, but more interest and knowledge about politics and more participation in protest marches and social reform groups.
- Less expectation that others will cooperate to solve problems through collective action (e.g., voluntary conservation to ease a water or energy shortage).
- Less likelihood of working on a community project.
- Lower likelihood of giving to charity or volunteering.
- Fewer close friends and confidants.
- Less happiness and lower perceived quality of life.
- More time spent watching television and more agreement that "television is my most important form of entertainment."

This is a convincing set of reasons to oppose the sort of diversity we are always told to celebrate. Indeed, it confirms what immigration activists and race realists have been saying for decades. These findings alone, and the publicity they have received, are worthy of, well, celebration.

Prof. Putnam admits he did not like the results, and carefully

Профессор Патнэм признает, что ему не понравились результаты, и тщательно просеял и порезал данные, чтобы найти что-то помимо разнообразия - бедность, возраст, преступность, плотность населения, образование, время в пути, уровень владения жильем, *все, что,* казалось, разрушало доверять. Он научился некоторым полезным вещам: молодые люди менее доверчивы, чем старики, чернокожие и латиноамериканцы менее доверчивы, чем белые и азиаты, люди, которые живут в районах с высоким уровнем преступности, не очень доверчивы, а также бедные и необразованные. Тем не менее, основной переменной было разнообразие. «Разнообразие *само по себе* имеет большое значение», пишет он.

Однако давайте рассмотрим интересную информацию, которую профессор Патнэм не включил в свой доклад. Наиболее однородные районы, которые он исследовал, в основном белые. Есть переписные участки, которые в подавляющем большинстве являются латиноамериканскими или черными - и, следовательно, однородными - но он не сообщил о результатах для них. Поэтому это исследование следует рассматривать как исследование воздействия разнообразия *на белых.* Было бы интересно узнать его влияние на чернокожих или латиноамериканцев.

Если однородность является преимуществом, чернокожие, которые живут в гетто, должны извлечь из этого пользу, как и белые. По сравнению с чернокожими, которые живут в смешанных кварталах, они больше доверяют белым людям, много ли занимаются волонтерской работой, проводят ли они меньше времени за просмотром телевидения и больше доверяют местным органам власти? Возможно нет.

Вполне возможно, что однородность не влияет на небелых так же, как на белых. В течение многих лет известно, что белые в расовой изоляции имеют более высокое мнение о чернокожих, чем белые, которые живут рядом с ними. Во время кампании Джесси Джексона за президента США в 1984 и 1988 годах его процент белых голосов был самым высоким в районах с наименьшим количеством чернокожих. Вероятно, это связано с тем, что белые, чьи знания о черных происходят только из средств массовой информации, имеют о них лучшее мнение, чем белые, которые имеют с ними прямой контакт. Одно это может объяснить, почему люди в однородных белых областях высоко ценят людей других рас.

Было бы то же самое для черных и латиноамериканцев? Возможно, нет. Средства массовой информации обычно обвиняют белых в расовой напряженности в Америке, поэтому у чернокожих и латиноамериканцев, которые имеют наименьшее количество контактов с ними, может быть больше всего причин не доверять им. С другой стороны, сильно черные и латиноамериканские районы обычно не являются хорошими местами.

Люди, которые живут в них, могут думать, что белые люди не так уж и плохи.

sifted and diced the data to find something other than diversity—poverty, age, crime, population density, education, commuting time, home ownership rates, *anything*—that seemed to be destroying trust. He did learn some useful things: Young people are less trusting than old people, blacks and Hispanics are less trusting than whites and Asians, people who live in high crime areas are not very trusting, nor are the poor and uneducated. Still, the master variable was diversity. "Diversity *per se* has a major effect," he writes.

However, let us consider interesting information Prof. Putnam did not include in his report. The most homogeneous neighborhoods he investigated are overwhelmingly white. There are census tracts that are overwhelmingly Hispanic or black—and therefore homogeneous—but he did not report results for them. This research therefore should more properly be thought of as a study of the effects of diversity *on whites*. It would be interesting to know its effect on blacks or Hispanics.

If homogeneity is an advantage, blacks who live in the ghetto should benefit from it just as whites do. Compared to blacks who live in mixed neighborhoods, do they trust white people more, do a lot of volunteer work, spend less time watching television, and have more confidence in local government? Probably not.

It may very well be that homogeneity does not affect nonwhites the same way it affects whites. It has been known for years that whites in racial isolation have a higher opinion of blacks than do whites who live close to them. During Jesse Jackson's campaigns for US president in 1984 and 1988, his percentage of the white vote was highest in areas with the fewest blacks. This is probably because whites whose knowledge of blacks comes only from the media have a better opinion of them than whites who have direct contact with them. This alone could explain why people in homogeneous white areas think highly of people of other races.

Would the same be true for blacks and Hispanics? Maybe not. The media routinely blame whites for racial tension in America, so blacks and Hispanics who have the least contact with them may have the most reason to distrust them. On the other hand, heavily black and Hispanic neighborhoods are not usually nice places.

Головокружительный спин

Теперь, когда профессор Патнэм обнаружил, что разнообразие заставляет людей больше смотреть телевизор, не доверять местным органам власти, прекращать голосовать, подозревать местные СМИ, меньше отдавать на благотворительность и делает их просто несчастными, как он защищает их? Он раскручивает свою историю двумя разными способами, во-первых, утверждая, что людям в конечном итоге это понравится. Его доказательство? Эта управляемая WASP, основанная WASP Америка смогла поглотить европейскую этническую принадлежность, которая ворвалась на рубеже 20-го века. Этот урок счастливой истории игнорирует чернокожих и индейцев, которые были здесь намного дольше, чем белые этники, но до сих пор не поглощены. Профессор Патнэм мимоходом упоминает «возможно, более заметную особенность современных мигрантов», но, похоже, не думает, что это будет иметь какое-либо значение.

Он также игнорирует тот факт, что европейские этнические группы были поглощены, потому что они изучали английский язык и стали в значительной степени *неотличимы* от WASP такими мерами, как доход, образование, уровень преступности и т. Д. Это была улица с односторонним движением: они стали американцами. Люди не учились любить разнообразие; новички стали больше похожи на старожилов, и разнообразие исчезло.

Второе утверждение профессора Патнэма заключается в том, что разнообразие по своей природе хорошо. Когда мы преодолеем нашу неприязнь к нему, как мы, несомненно, сделаем, главный аргумент профессора Патнэма в его пользу заключается в том, что он стимулирует творчество. Он говорит нам, что иммигранты в четыре раза чаще, чем американцы, получают следующие награды: Нобелевские премии, премии Академии за режиссуру, премии Центра Кеннеди в области исполнительских искусств и членство в Национальной академии наук.

Предполагая, что это правда, это один из самых глупых аргументов в пользу «разнообразия», которое когда-либо пробовали. Мы продолжаем слышать, что «разнообразие» полезно для нас. Если бы профессор Патнэм каким-то образом смог показать, что иммиграция настолько стимулировала коренных американцев, что они получили Нобелевские премии в четыре раза больше, чем они имели бы *без* иммиграции, он был бы на что-то. Его цифры показывают только то, что у нас были умные иммигранты. Стали ли они умнее или креативнее, потому что встретили WASP (Белые англосаксонские протестанты)?

People who live in them may think white people are not so bad after all.

A Dizzying Spin

Now that Prof. Putnam has found that diversity makes people watch more TV, distrust local government, stop voting, suspect the local media, give less to charity, and makes them just plain unhappy, how does he defend it? He spins his story two different ways, first by arguing that people eventually learn to like it. His proof? That WASP-run, WASP-founded America managed to absorb the European ethnics who swarmed in at the turn of the 20th century. This lesson in happy history ignores blacks and Indians, who have been here a lot longer than the white ethnics but are still not absorbed. Prof. Putnam does mention in passing "the possibly more visible distinctiveness of contemporary migrants," but doesn't seem to think it will make any difference.

He also ignores the fact that European ethnics were absorbed because they learned English and became largely *indistinguishable* from WASPs by such measures as income, education, crime rates, etc. It was a one-way street: They became Americans. People didn't learn to like diversity; the newcomers became more like the old-timers, and the diversity went away.

Prof. Putnam's second assertion is that diversity is inherently good. Once we have overcome our dislike for it, as we surely will, Prof. Putnam's big argument in its favor is that it stimulates creativity. He tells us immigrants have been four times more likely than the American-born to win the following honors: Nobel Prizes, Academy Awards for film directing, Kennedy Center awards in the performing arts, and membership in the National Academy of Science.

Assuming this is true, it is one of the silliest arguments for "diversity" anyone ever tried. We keep hearing "diversity" is good for us. If Prof. Putnam were somehow able to show that immigration so stimulated native-born Americans that they won Nobel Prizes at four times the rate they would have *without* immigration he would be on to something. His figures show only that we have had some smart immigrants. Did they become smarter or more creative

Очень маловероятно - хотя у них, вероятно, были лучшие возможности. Практически все эти образцы были, конечно, белыми, многие были, вероятно, евреями, и большинство, несомненно, имели бы отличительные записи, где бы они ни жили. Мысль о том, что «разнообразие» как-то связано с тем, чего они достигли, бессмысленна. Они были умны и креативны до того, как пришли сюда.

Есть еще один способ показать абсурдность аргумента профессора Патнэма. Давайте представим, что в Соединенных Штатах никогда не было массовой иммиграции, никогда не делали вид, что разнообразие - это сильная сторона, но впускают только белых людей с IQ более 140. Тогда иммигранты могут получить в 100 или даже 1000 раз больше шансов выиграть Нобелевские премии. Может ли профессор Патнэм назвать это еще более сильным аргументом в пользу «разнообразия»?

Наконец, профессор Патнэм предполагает, что мексиканцы присоединятся к Национальной академии наук в четыре раза быстрее, чем белые. Скорее всего, не. Они находятся в тюрьме в четыре раза чаще, чем белые.

Свистящий минус в этом исследовании еще более заметен, потому что профессор Патнэм цитирует многие другие исследования, которые подтверждают его основные (и очевидные) выводы о разнообразии ущерба, которому можно доверять. Он сообщает, что люди из «разнообразных» рабочих групп - не только расы, но и возраста, и профессионального уровня - менее лояльны по отношению к группе, имеют больше шансов уйти в отставку и в целом менее удовлетворены, чем люди, которые работают с такими же людьми, как они. Профессор Патнэм даже цитирует исследование, которое показало, что совместное использование автомобилей в смешанных районах встречается реже. Автопарк означает рассчитывать на ваших соседей, а люди склонны не доверять соседям, которые не похожи на них.

Профессор Патнэм приводит полдюжины исследований из таких разных мест, как Австралия, Швеция и Канада, которые показывают, что этническое разнообразие снижает уровень доверия и, в некоторых случаях, снижает инвестиции в общественные блага. Например, хорошо известно, что системы социального обеспечения обычно более щедры в однородных странах, потому что люди больше готовы платить налоги, чтобы поддержать бенефициаров, которые выглядят так, будто они могут быть двоюродными братьями.

Это везде одинаково. В Перу существуют так называемые микрокредитные кооперативы, которые выдают небольшие кредиты своим членам. По-видимому, когда есть различия между членами кооператива, ставки по умолчанию выше.

because they met WASPs? Very unlikely—though they probably had better opportunities. Virtually all these paragons were certainly white, many were probably Jews, and most would undoubtedly have had distinguished records wherever they lived. The idea that "diversity" had something to do with what they achieved is nonsense. They were smart and creative before they got here.

There is another way to show the absurdity of Prof. Putnam's argument. Let us imagine the United States had never had mass immigration, never pretended diversity was a strength, but had let in only white people with IQs over 140. Immigrants might then be 100 or even 1,000 times more likely than natives to win Nobel prizes. Would Prof. Putnam call that an even stronger argument for "diversity?"

Finally, Prof. Putnam implies that Mexicans will be joining the National Academy of Sciences at four times the white rate. Not likely. They are in prison at four times the white rate.

The whistling-past-the-graveyard tone to this study is even more noticeable because Prof. Putnam cites many other studies that confirm his basic (and obvious) findings about the damage diversity does to trust. He reports that people in "diverse" workgroups—not only of race but also age and professional background—are less loyal to the group, more likely to resign, and generally less satisfied than people who work with people like themselves. Prof. Putnam even cites a study that found carpooling is less common in mixed neighborhoods. Carpooling means counting on your neighbors, and people tend not to trust neighbors who don't look like them.

Prof. Putnam cites half a dozen studies from places as varied as Australia, Sweden, and Canada showing that ethnic diversity lowers levels of trust and, in some cases, lowers investment in public goods. It is well known, for example, that welfare systems are usually more generous in homogeneous countries because people are more willing to pay taxes to support beneficiaries who look as though they could be cousins.

It is the same everywhere. In Peru, there are what are called micro-credit cooperatives that make small loans to members. Apparently, when there is diversity among co-op members, default

Аналогичным образом, в кенийских школьных округах сбор средств легче в более этнически и этнически однородных районах.

Профессор Патнэм даже предлагает интересный исторический пример. В армии Союза во время гражданской войны число жертв было высоким, а уровень дезертирства - низким. Солдаты сражались из-за патриотизма, но в основном они оставались в армии и сражались в основном за преданность своим спутникам жизни. Следовательно, показатели дезертирства были выше в единицах с наибольшим разнообразием, причем не только по этнической принадлежности, но и по возрасту, родному городу, профессии и т. Д.

Предпочтение своего рода глубоко укоренилось в человеческой, даже животной природе. Нет ничего удивительного в выводах профессора Путнама или других исследованиях, которые он цитирует. Что удивительно, так это его отчаянная вера в возможные выгоды от чего-то, что явно нигде не работает.

Профессор Патнэм завершает свое исследование обычными бромидами:

[Нам] нужно больше возможностей для конструктивного взаимодействия между

этнические линии. "" Программы, основанные на окаликальных связях, для охвата новых иммигрантских общин являются мощным инструментом для взаимного обучения. "Обратите внимание на слова" взаимодействие "и" взаимное обучение ". Цель всего этого не в том, чтобы превратить иммигрантов в Американцы, как мы привыкли: «Мое предчувствие заключается в том, что в конце мы увидим, что эту задачу лучше всего решить, не делая«их»похожими на«нас», а скорее создавая новое, более емкое чувство» мы. , «Другими словами, все мы должны стать немного гаитянами, немного китайцами, и, в сущности, черными и мексиканцами».

В своем последнем предложении профессор Патнэм говорит нам, что даже девиз Большой печати Соединенных Штатов, *e pluribus unum* (из многих, один), является праздником разнообразия. Либо Гарвард не тот, кем он был раньше, либо профессор Путнэм пытается быстро привлечь читателей *скандинавских политических исследований.* Девиз, конечно, относится к 13 колониям, объединяющимся в одну нацию, а не к этническому смешению.

Эта статья впервые появилась в сентябрьском номере журнала American Renaissance за 2007 год .

rates are higher. Likewise, in Kenyan school districts, fundraising is easier in more tribally and ethnically homogenous areas.

Prof. Putnam even offers an interesting historical example. In the Union Army during the Civil War, casualty rates were high and desertion rates were low. Soldiers fought because of patriotism, but it was mainly loyalty to their messmates that kept them in the army and in the fight. Consequently, desertion rates were higher in units with the greatest diversity, not just of ethnicity but of age, hometown, occupation, etc.

The preference for one's own kind is deeply rooted in human—even animal—nature. There is nothing surprising about Prof. Putnam's findings or the other research he cites. What is surprising is his desperate faith in the eventual benefits of something that clearly does not work anywhere.

Prof. Putnam concludes his study with the usual bromides: "[W]e need more opportunities for meaningful interaction across ethnic lines." "[L]ocally based programs to reach out to new immigrant communities are a powerful tool for mutual learning." Note the words "interaction" and "mutual learning." The purpose of all this is not to turn immigrants into Americans the way we used to: "[M]y hunch is that at the end we shall see that the challenge is best met not by making 'them' like 'us,' but rather by creating a new, more capacious sense of 'we,' . . ." All of us, in other words, should become a little bit Haitian, a little bit Chinese, and quite substantially black and Mexican.

In his final sentence, Prof. Putnam tells us that even the motto on the Great Seal of the United States, *e pluribus unum* (out of many, one), is a celebration of diversity. Either Harvard is not what it used to be or Prof Putnam is trying to pull a fast one on the readers of *Scandinavian Political Studies.* The motto, of course, refers to the 13 colonies uniting as one nation, not to ethnic mixing.

This article first appeared in the September 2007 issue of American Renaissance.

Патологический альтруизм

Психология белого расстройства.

Барбара Оукли и др., *Патологический альтруизм,* Oxford University Press, 2012, 465 с., $ 55,00.

Патологический альтруизм - увлекательная книга. Будучи студентом, который долгое время изучал наиболее распространенные и опасные из всех патологических альтруизмов - готовность белых отдать свою родину небелым - я надеялся, что хотя бы один из 48 участников упомянет эту проблему. Ни один не делает, но некоторые проливают полезный, но косвенный свет на это. Книга также наполнена открывающими глаза наблюдениями о человеческой природе и о том, как работает мозг, и ее главный редактор, Барбара Оукли из Мичиганского университета, проделала замечательную работу по устранению повторений и противоречий. Даже Эдвард 0. Уилсон из Гарварда писал, что эта книга научила его чему-то совершенно новому, и я ему верю.

«Патологический альтруизм» (ПА) является относительно новым понятием; этот термин вошел в научную литературу только в 1984 году. Об этом было написано очень мало, отчасти потому, что альтруизм так высоко ценится на Западе, что немногие ученые осмеливаются его критиковать. Эта книга дает понять, что РА - это проблема, которую стоит изучить.

ПА обычно определяется как искренняя попытка помочь другим, которая вместо этого вредит другим или самому себе, и является «нездоровым фокусом на других в ущерб своим потребностям». Некоторые из участников предлагают дразнящие определения: ПА, вероятно, когда люди «ложно верят, что они вызвали проблемы другого, или ложно верят, что у них есть средства, чтобы облегчить человеку страдания». Или это «ложное убеждение, что собственный успех, счастье или благополучие являются источником несчастья для других». ОО «часто подразумевает самоуверенность» и может привести к «импульсивным и неэффективным усилиям по выравниванию или выравниванию игрового поля».

Вместе эти определения представляют собой почти идеальное описание либерального отношения белых к небелым, однако ни один из 48 авторов этой книги, похоже, не знает об этом.

Pathological Altruism

The psychology of white dispossession.

Barbara Oakley, et al., *Pathological Altruism*, Oxford University Press, 2012, 465 pp., $55.00.

Pathological Altruism is a fascinating book. As a long-time student of the most common and dangerous of all pathological altruisms—the willingness of whites to give up their homelands to non-whites—I was hoping at least one of the 48 contributions would mention this problem. None does, but several throw useful but indirect light on it. The book is also filled with eye-opening observations about human nature and how the brain works, and its main editor, Barbara Oakley of the University of Michigan, has done a wonderful job of eliminating repetition and contradiction. Even Edward O. Wilson of Harvard has written that this book taught him something completely new, and I believe him.

"Pathological altruism" (PA) is a relatively new concept; the term entered the scientific literature only in 1984. There has been very little written about it, partly because altruism is so highly regarded in the West that few scientists dare criticize it. This book makes it clear that PA is a problem well worth studying.

PA is generally defined as a sincere attempt to help others that instead harms others or oneself, and is "an unhealthy focus on others to the detriment of one's own needs." Several of the contributors offer tantalizing definitions: PA is likely when people "falsely believe that they caused the other's problems, or falsely believe that they have the means to relieve the person of suffering." Or, it is "the false belief that one's own success, happiness, or well-being is a source of unhappiness for others." PA "often involves self-righteousness," and can result in "impulsive and ineffective efforts to equalize or level the playing field."

Together, these definitions are an almost perfect description of white liberal attitudes towards non-whites, yet none of the 48 contributors to this book seems to be aware of this.

Типичный случай РА - избитая жена, которая думает, что ее собственное поведение делает ее мужа жестоким, и который остается с ним, потому что она боится, что он покончит с собой, если она уйдет. Другим был бы подавленный человек, который ошибочно полагает, что, если он убьет себя, он больше не будет бременем для его семьи - и поэтому он убивает себя. Некоторые люди ошибочно полагают, что их собственный успех достигается за счет членов семьи или коллег, и они пытаются компенсировать свои незаслуженные достижения.

То, что известно как взаимозависимость или помощь кому-то, кто, очевидно, причиняет себе вред, может быть другим типом ПА. В качестве примера можно привести слишком много еды больному ожирению ребенку или лгать работодателю супруга, чтобы скрыть его алкоголизм. Со-иждивенцы часто имеют низкое мнение о себе и жертвуют своими потребностями для человека, за которым они ухаживают. Иногда они движимы неспособностью терпеть несчастье или гнев от объекта их ПА; Опять же, хорошее описание того, как белые относятся к небелым.

«Запасы животных» являются еще одним примером ПА. Они наполняют свои дома "спасенными" домашними животными, но не в состоянии заботиться о них. Они заявляют о своей любви к животным, даже когда переступают через тела собак и кошек, которые умерли от недоедания. Они часто пренебрегают собственным здоровьем, живя в разрушенных домах, заполненных животной грязью. Начинающие обычно начинали с сильной детской привязанности к животным, но их родители пренебрегали или злоупотребляли ими. Они часто начинают копить после того, как они страдают от какой-то личной неудачи, такой как развод или потеря работы.

Люди с хронически больными членами семьи иногда становятся патологическими альтруистами, посвящая себя служению пациенту. Если они сами заболевают, они склонны считать, что они являются болезненным бременем для других, и отказываются обращаться за помощью.

У анорексиков есть полоса ПА в них. Большинство из них - женщины, которые были необычайно внимательны и отзывчивы, когда были детьми. Когда они становятся старше, они хотят кормить и заботиться о людях, даже когда они мрут себя голодом. Некоторые отказываются от сна или медицинской помощи в дополнение к еде. Люди с расстройствами пищевого поведения очень хорошо понимают потребности других людей, и в их клиниках полно женщин, которые стараются заботиться друг о друге. Большинство анорексиков белые.

A typical case of PA is the battered wife who thinks her own behavior makes her husband violent, and who stays with him because she fears he will commit suicide if she leaves. Another would be a depressed person who mistakenly believes that if he kills himself he will no longer be a burden on his family—and so he kills himself. Some people falsely think their own success comes at the expense of family members or co-workers, and they try to make amends for their undeserved achievements.

What is known as co-dependency, or helping someone who is obviously hurting himself, can be another kind of PA. Examples would be giving too much food to a morbidly obese child or lying to a spouse's employer to cover up his alcoholism. Co-dependents often have low opinions of themselves, and sacrifice their own needs for the person they are caring for. Sometimes they are driven by an inability to tolerate unhappiness or anger from the object of their PA; again, a good description of how whites treat non-whites.

"Animal hoarders" are another example of PA. They fill their houses with "rescued" pets but fail to look after them. They declare their love for animals even as they step over the bodies of dogs and cats that have died of malnutrition. They often neglect their own health, living in tumble-down houses filled with animal filth. Hoarders usually started out with a strong childhood attachment to animals but were neglected or abused by their own parents. They often start hoarding after they suffer some kind of personal setback, such as a divorce or losing a job.

People who have chronically sick family members sometimes become pathological altruists, devoting themselves to serving the patient. If they, themselves, get sick, they tend to believe they are a painful burden on others and refuse to seek help.

Anorexics have a streak of PA in them. Most are women, who were unusually considerate and giving when they were children. As they get older they want to feed and look after people, even as they starve themselves. Some refuse sleep or medical care in addition to food. People with eating disorders are very good at reading the needs of others, and clinics for them are full of women trying to take care of each other. Most anorexics are white.

Природа человека и биология

Сочувствие и альтруизм могут явно выйти из-под контроля, но они являются частью человеческой натуры. Даже младенцы и дети ясного возраста проявляют признаки сочувствия и пытаются помочь людям, испытывающим трудности. Когда дети слышат плач других детей, они сочувствуют. Однако, если дети подвергались жестокому обращению или живут в напряженных домашних хозяйствах, они могут быть враждебными по отношению к людям, которые страдают.

Почти все взрослые сочувствуют, когда видят страдания - те, кто не являются психопатами, - и этот инстинкт развился по двум причинам. Альтруизм в семье или родственной группе имеет эволюционный смысл, потому что бенефициары несут многие из тех же генов, что и альтруист. Кроме того, наша эволюционная среда была такой, в которой мы могли легко оказаться лицом к лицу с людьми, у которых было меньше еды, чем у нас. Вероятно, у нас появился импульс, которым можно поделиться, потому что это улучшило социальные отношения и потому, что те, кому мы помогли, могут когда-нибудь помочь нам. Вероятно, именно поэтому нищие делают людей неудобными; они стимулируют наше встроенное желание поделиться. Некоторые люди уступают этому желанию, но другие просто пытаются убежать от нищих.

Эксперименты, в которых людей проверяют, чтобы увидеть, как альтруисты будут вести себя в контролируемых условиях, показывают, что мы гораздо более альтруистичны, чем должны быть: люди часто возвращают потерянные кошельки, сдают кровь и делают одолжение людям, которых они никогда больше не увидят. Один из авторов, Сатоши Канадзава, теоретизирует, что это потому, что мозгу трудно понять вещи, которые никогда не происходили в эволюционной среде малой полосы: «Современные люди могут сотрудничать с генетически не связанными с ними людьми, ошибочно (и неосознанно) думая, что они являются родственниками или постоянными партнерами по обмену. "

Нет никакой генетической или материальной выгоды за то, что вы были милы с незнакомцами, но в любом случае мы добры к ним, потому что нашим далеким предкам редко приходилось иметь дело с незнакомцами. Обман и воровство были бы лучше, но мы относимся к незнакомцам как к членам племени.

Что заставляет альтруизм сойти с рельсов? Одна теория состоит в том, что это может быть просто крайний пример черты личности, которую мы все имеем.

Human Nature and Biology

Empathy and altruism can clearly get out of hand, but they are part of human nature. Even infants and toddlers show signs of empathy, and try to help people in distress. When babies hear other babies crying, they cry in sympathy. However, if children have been abused or live in tense households they may be hostile to people who are suffering.

Almost all adults sympathize when they see suffering—those who do not are psychopaths—and this instinct appears to have evolved for two reasons. Altruism within the family or kin group makes evolutionary sense because the beneficiaries carry many of the same genes as the altruist. Also, our evolutionary environment was one in which we could easily find ourselves face to face with people who had less food than we did. We probably evolved an impulse to share, both because this improved social relations, and because those we helped might someday help us. This is probably why beggars make people uncomfortable; they stimulate our built-in urge to share. Some people give in to that urge but others just try to get away from beggars.

Experiments in which people are tested to see how altruistic they will behave under controlled conditions suggest that we are a lot more altruistic than we need to be: People often return lost wallets, donate blood, and do favors for people they will never see again. One of the contributors, Satoshi Kanazawa, theorizes that this is because the brain has a hard time comprehending things that never happened in the small-band evolutionary environment: "Contemporary humans may cooperate with genetically unrelated others, mistakenly (and unconsciously) thinking that they are kin or repeated exchange partners."

There is no genetic or material payoff for being nice to total strangers, but we are nice to them anyway because our distant ancestors rarely had to deal with total strangers. Cheating and stealing would make better sense, but we treat strangers like members of the tribe.

What makes altruism go off the rails? One theory is that it can simply be an extreme example of a personality trait we all

Психологи говорят о пятифакторной модели личности, которая измеряет невротизм, экстраверсию, открытость опыту, приятность и добросовестность. Патологические альтруисты могут быть слишком приятными, и поэтому позволяют людям ими воспользоваться.

Мы можем обнаружить приятность и дружелюбие даже у незнакомых людей. Исследования насильников показывают, что они нацелены на женщин, которые кажутся открытыми и приятными. Осторожные люди, как правило, женятся друг на друге, хотя некоторые дарители оказываются порабощенными.

Другая теория о происхождении ПА заключается в том, что его можно рассматривать как результат чрезмерно женского мозга. Женщины чаще, чем мужчины, могут быть иждивенцами и иметь расстройства пищевого поведения. Девочки более послушны, чем мальчики, ведут себя лучше и охотнее радуют. Они лучше способны выяснить потребности других. Они политически более «либеральны» и склонны считать, что важной функцией правительства является забота о людях. Низкий уровень тестостерона в матке во время развития плода связан с более высоким уровнем эмпатии у обоих полов.

ПА может быть зеркальным отражением аутизма, который гораздо чаще встречается у мальчиков, чем у девочек, и характеризуется неспособностью ощущать чувства других. Один автор предполагает, что, вероятно, столько же женщин-патологов-альтруистов, сколько мужчин с аутизмом.

Есть участки мозга, которые загораются и сигнализируют о сочувствии, когда мы видим людей, испытывающих боль или наказываемых. Были проведены психологические исследования, в которых мозги субъектов сканировались, пока они наблюдали за наказанием людей, которые обманули в игре. Схемы сочувствия в мозгах женщин загорелись; таковых у мужчин нет. Мужчины, похоже, теряют свою инстинктивную симпатию к боли, когда считают, что она заслужена, тогда как женщины остаются сочувствующими.

Существуют очень убедительные доказательства того, что альтруистическое поведение находится под генетическим контролем. Генетическая аномалия, известная как синдром Уильямса, была названа «патологией чрезмерного дружелюбия», и люди, которые страдают от этого, чрезмерно доверчивы и отзывчивы. Они несколько отсталые и легко становятся жертвами сексуального насилия. У них есть нарушения в части мозга, известной как миндалина, которая участвует в чтении выражений лица и оценке угроз.

have. Psychologists talk about the Five-Factor Model of personality, which measures neuroticism, extraversion, openness to experience, agreeableness, and conscientiousness. Pathological altruists may be too agreeable, and therefore let people take advantage of them.

We can detect agreeableness and friendliness, even in strangers. Studies of rapists suggest that they target women who seem open and agreeable. People who are considerate also tend to marry each other—though some givers end up enslaved to takers.

Another theory about the origins of PA is that it can be seen as the result of an excessively female brain. Women are more likely than men to be co-dependents and have eating disorders. Girls are more compliant than boys, better behaved, and more eager to please. They are better able to figure out the needs of others. They are politically more "liberal," and more likely to think that an important function of government is to take care of people. Low levels of testosterone in the womb during fetal development is associated with higher levels of empathy in both sexes.

PA may be the mirror image of autism, which is far more common in boys than in girls, and is characterized by an inability to sense the feelings of others. One author speculates that there are probably as many female pathological altruists as there are males with autism.

There are parts of the brain that light up and signal sympathy when we see people in pain or being punished. Psychological studies have been set up in which the brains of subjects were scanned while they watched the punishment of people who had cheated in a game. The sympathy circuits in women's brains lit up; those in men did not. Men appear to lose their instinctive sympathy for pain when they think it is deserved, whereas women remain sympathetic.

There is very strong evidence that altruistic behavior is under genetic control. The genetic abnormality known as Williams Syndrome has been called "the pathology of overfriendliness," and people who suffer from it are excessively trusting and sympathetic. They are somewhat retarded and easily become victims of sexual abuse. They have abnormalities in the part of the brain known as

Они, пожалуй, единственная известная группа людей, которые не проявляют *расовой предвзятости.*

Миндалина, передняя височная кора и островок являются частями головного мозга, участвующими в ощущении боли других. У психопатов в этих местах меньше мозгового вещества, чем у нормальных людей, и может случиться так, что люди с большим мозговым веществом в этих местах имеют тенденцию к ПА.

Нейротрансмиттер серотонин, по-видимому, меняет моральное суждение, делая людей менее склонными оскорблять других, в то время как окситоцин повышает общительность и доверие - внутри группы. Согласно одному исследованию, окситоцин делает людей более склонными жертвовать ради своей группы и противостоять тем, кто находится вне группы. Гены, известные как DRD4, IGF2 и DRD5, были связаны с альтруизмом и самоотверженностью. Как отмечает один из авторов, «кажется, можно с уверенностью заключить, что черты, стоящие за дорогостоящим альтруистическим поведением, находятся под существенным биологическим влиянием, которое проявляется через различные нейрогормональные пути и механизмы, которые только начали понимать».

Захватывающие состояния разума

Альтруизм также связан с лимбической системой, что означает, что добро связано с системой вознаграждения мозга. Когда люди щедры, они получают такой же приятный толчок, как от музыки, секса, упражнений и выполнения навыков. Психическое вознаграждение за себя такого рода нормально. Похоже, однако, что некоторые люди становятся зависимыми от ощущения альтруизма. Это тот человек, который бросает себя на самопожертвование, святость или мученичество.

Две из самых захватывающих глав в этой книге описывают, как мозг процветает на самоуверенности и убеждении быть правым. Сотрудник Роберт А. Бертон из медицинского центра Калифорнийского университета в Сан-Франциско выпускает предупреждение, которое стоит подробно процитировать:

> Несмотря на то, что моральное убеждение ощущается как преднамеренное рациональное заключение для определенной линии рассуждений, оно не является ни сознательным выбором, ни мыслительным процессом. Определенность и подобные состояния "знания того, что мы знаем" возникают из первичных механизмов мозга, которые, подобно любви или гневу, функционируют независимо от рациональности или разума. , , ,

the amygdala, which is involved in reading facial expressions and assessing threats. They are perhaps the only known group of people who show *no racial bias*.

The amygdala, anterior temporal cortex, and insula are parts of the brain involved in sensing the pain of others. Psychopaths have less brain matter in these locations than normal people, and it may be that people with more brain matter in these areas have a tendency towards PA.

The neurotransmitter serotonin appears to alter moral judgment, making people less willing to offend others, while oxytocin increases sociability and trusting—within the group. According to one study, oxytocin makes people more likely to sacrifice for their in-group and oppose those in the out-group. The genes known as DRD4, IGF2, and DRD5 have been associated with altruism and selflessness. As one of the contributors notes, "It seems safe to conclude, then, that traits behind costly altruistic behaviors are under a substantial biological influence that manifests itself through a variety of neurohormonal pathways and mechanisms that have only just begun to be understood."

Addictive States of Mind

Altruism is also linked to the limbic system, meaning that doing good is related to the brain's system of rewarding itself. When people are generous, they get the same kind of pleasurable jolt as from music, sex, exercise, and performing a skill. Psychic self reward of this kind is normal. It appears, however, that some people become addicted to the sensation of altruism. This is the kind of person who throws himself into self sacrifice, sainthood, or martyrdom.

Two of the most fascinating chapters in this book describe the way the brain thrives on self-righteousness and the conviction of being in the right. Contributor Robert A. Burton of the UC San Francisco Medical Center issues a warning that is worth quoting at length:

> Despite the fact that a moral conviction feels like a deliberate rational conclusion to a particular line of reasoning, it is neither a conscious choice nor a thought process. Certainty and similar states

То, что кажется сознательным подтверждающим жизнь моральным выбором - моя жизнь будет иметь значение, если я помогу другим, - будет в значительной степени зависеть от силы бессознательного и непроизвольного умственного ощущения, которое говорит мне, что это решение «правильное». Это будет то же самое чувство, которое скажет вам о «правильности» раздачи пищи голодающим детям в Сомали, прохождении всех медицинских тестов, которые можно себе представить, на самом терминальном пациенте, или бомбардировке израильского школьного автобуса. Это помогает воспринимать это чувство знания как аналогичное другим ощущениям тела, над которыми мы не имеем прямого контроля.

Другими словами, если вы убеждены, что что-то правильно, это не значит, что это правильно. Ощущения правильности и благородства настолько приятны, что люди склонны искать их ради самих себя, без учета фактов или последствий. Доктор Бертон продолжает:

Поговорите с настойчивым всезнайкой, который отказывается учитывать противоположные мнения, и вы получите ощутимое ощущение того, как чувство знания может создать психическое состояние, похожее на зависимость. , , , [Я] испытываю глубокое чувство уверенности в том, что у вас есть окончательные ответы. , , ,

Отказ от таких сильных личных убеждений потребует уничтожения или ослабления основных связей с подавляющим соблазнительным замыслом вознаграждение за удовольствие. Думайте о таком изменении во взглядах как о том, что производите такие же физиологические изменения, как отказ от наркотиков, алкоголя или сигарет.

Научный писатель и писатель Дэвид Брин пишет об одном и том же, отмечая, что «догматическая самодовольство часто является«зависимостью»». Он добавляет, что «ханжество, или чувство праведного негодования, может быть настолько сильным и восхитительным, что многие люди активно стремятся вернуться к нему снова и снова». Он называет это необходимостью стимулировать мозг самоправданием «самокопированием» и определяет это следующим образом:

Приятно знать, с субъективной уверенностью, что вы правы, а ваши оппоненты глубоко, подло неправы. Или, что ваш метод помощи другим настолько мотивирован и корректен, что всякую критику можно отбросить, пожав плечами, вместе с любыми противоречащими доказательствами.

> of "knowing that we know" arise out of primary brain mechanisms that, like love or anger, function independently of rationality or reason . . . .
>
> What feels like a conscious life-affirming moral choice—my life will have meaning if I help others—will be greatly influenced by the strength of an unconscious and involuntary mental sensation that tells me that this decision is "correct." It will be this same feeling that will tell you the "rightness" of giving food to starving children in Somalia, doing every medical test imaginable on a clearly terminal patient, or bombing an Israeli school bus. It helps to see this feeling of knowing as analogous to other bodily sensations over which we have no direct control.

In other words, just because you are convinced something is right does not make it right. The sensations of rightness and nobility are so pleasurable that people are inclined to seek them for their own sake and without regard to facts or consequences. Dr. Burton continues:

> Talk to an insistent know-it-all who refuses to consider contrary opinions and you get a palpable sense of how the feeling of knowing can create a mental state akin to addiction . . . . [I]magine the profound effect of feeling certain that you have ultimate answers . . . .
>
> Relinquishing such strongly felt personal beliefs would require undoing or lessening major connections with the overwhelmingly seductive pleasure-reward circuitry. Think of such a shift of opinion as producing the same type of physiological changes as withdrawing from drugs, alcohol, or cigarettes.

Science writer and novelist David Brin writes about the same thing, noting that "dogmatic self-righteousness is often an 'addiction'." He adds that "sanctimony, or a sense of righteous outrage, can feel so intense and delicious that many people actively seek to return to it, again and again." He calls this need to stimulate the brain with self righteousness "self doping," and defines it as follows:

> The pleasure of knowing, with subjective certainty, that you are right and your opponents are deeply, despicably wrong. Or, that your method of helping others is so purely motivated and

Это тот тип убеждения, который может привести к актам альтруизма, которые явно патологичны. В то же время, знают ли эти авторы это или нет, они предоставили поразительно яркий портрет психического состояния антирасизма и мотивов, которые его побуждают. На Западе нет ничего, что предлагает более экстатическую праведность, чем осуждение "расизма".

В прошлые века существовали разные способы устраивать тупые, ненавистные и радостные доносы: религиозные фанатики сжигали еретиков, комиссары казнили кулаков, мусульмане обезглавляли отступников (и до сих пор делают). Сегодня либералы ненавидят «расистов» - и «гомофобов», и «сексистов», и «фашистов» - с той же ветхозаветной ненавистью. Они настолько пьяны от самоуверенного осуждения, что невосприимчивы к реальности. Религия не уменьшилась на Западе; это только приняло новые формы. Коммунизм был религией для коммунистов, а либерализм - религией для либералов.

Конечно, люди во всех точках политического спектра могут придерживаться праведных убеждений в прямом противоречии с фактами. Как указывает д-р Брин, ученые получают интересные результаты, когда они используют преданных демократов или республиканцев в качестве подопытных. Они заставляют их смотреть убедительную презентацию, которая противоречит их убеждениям, и контролировать свой мозг, чтобы увидеть, как они реагируют. Части мозга, участвующие в нормальных логических рассуждениях, не активны. Вместо этого мозг возвращается к сосанию большого пальца, а схема вознаграждающего выстрела уходит, как наркоман, получающий укол кокаина. Сильное убеждение, кажется, отключает логические схемы мозга.

Этот эффект особенно сильно проявляется в случае альтруизма, потому что люди как «самодовольны» им, так *и* завоевывают похвалу других. В одной главе поднимается вопрос о том, является ли большая часть иностранной помощи ПА, особенно той, которую практикуют знаменитости. Певица Мадонна утверждает, что хочет «буквально трансформировать будущее целого поколения». Билл Клинтон говорит: «Есть целый мир, который нуждается в тебе, вниз по улице или через океан. Дай». Билл и Мелинда Гейтс, наряду с буфетом Уоррена, являются другими яркими примерами того, что можно назвать «филантрокапитализмом».

correct that all criticism can be dismissed with a shrug, along with any contradicting evidence.

This is the kind of conviction that can lead to acts of altruism that are clearly pathological. At the same time, whether these authors know it or not, they have provided a strikingly vivid portrait of mental state of anti-racism and of the motives that drive it. In the West, there is nothing that offers more ecstatic self-righteousness than denouncing "racism."

In past ages, there have been different ways to gorge on blinkered, hateful, joyous denunciation: Religious fanatics burned heretics, commissars executed kulaks, Muslims beheaded apostates (and still do). Today, liberals hate "racists"—and "homophobes" and "sexists" and "fascists"—with the same Old Testament hatred. They are so drunk on self-righteous denunciation they are impervious to reality. Religion has not declined in the West; it has only taken new forms. Communism was religion for Communists, and liberalism is religion for liberals.

Of course, people at all points of the political spectrum can hold self-righteous beliefs in direct contradiction to the facts. As Dr. Brin points out, scientists get interesting results when they use committed Democrats or Republicans as test subjects. They have them watch a persuasive presentation that argues against their beliefs, and monitor their brains to see how they react. The parts of the brain involved in normal, logical reasoning are not active. Instead, the brain reverts to sucking its thumb, with the reward circuitry firing away, just like an addict getting a shot of cocaine. Strong conviction seems to turn off the brain's logic circuits.

This effect is especially strong in the case of altruism, because people both "self dope" with it *and* win the praise of others. One chapter raises the question of whether most foreign aid is not PA, especially the kind practiced by celebrities. The singer Madonna claims she wants to "literally transform the future of an entire generation." Bill Clinton says, "There's a whole world out there that needs you, down the street or across the ocean. Give." Bill and Melinda Gates, along with Warren buffet, are other showy examples of what could be called "philanthrocapitalism."

С 1960 года в черную Африку было потоплено более триллиона долларов, и не так много для этого. Почему люди продолжают давать? Как объясняется в этой главе, люди получают огромный психологический импульс от оказания помощи: «Хотя благотворительность имеет смешанную репутацию, помогая другим, она почти идеально справляется с оказанием помощи себе». Авторы отмечают, что «взгляд на изображения голодающих детей может в некотором смысле захватить аналитические части мозга», что приводит к «альтруизму», который является ничем иным, как сумасшедшим. После того, как цунами 2004 года нанесло такой большой ущерб в Южной Азии, «альтруисты» отправили виагру, костюмы Санты, туфли на высоком каблуке, вечерние платья и множество другого барахла. После землетрясения в Пакистане жители Запада отправили столько совершенно неподходящей одежды, что люди сжигали ее, чтобы согреться.

Журналистка Линда Полман отметила, что иностранная помощь может даже спровоцировать зверства. Враждующие банды в Африке или в других местах знают, что щедрость следует за заголовками, поэтому они делают что-то особенно ужасное и ждут появления грузовиков с облегчением - которые они крадут. Лидеры Объединенного революционного фронта (ОРФ) в Сьерра-Леоне сделали себе имя в конце 1990-х годов, отрезав руки женщинам и детям. Лидеры ОРФ знали, что это принесет караваны добычи.

Авторы этой главы отмечают, что плохо продуманная иностранная помощь неоднократно имела катастрофические последствия. Они предполагают, что, если помощь будет продолжаться, ею должны управлять инженеры, а не нынешние искатели славы.

Некоторые авторы этой книги утверждают, что не существует такого понятия, как подлинно бескорыстный альтруизм, и что даже самые, казалось бы, щедрые действия являются корыстными. Мать Тереза, возможно, была «святой», но она просто делала то, что хотела. В случае правительственной иностранной помощи и некоммерческих организаций люди, которые раздумывают и поднимают хвалу, даже не тратят свои собственные деньги.

Альтруизм и группы

Некоторые главы этой книги касаются групповых различий. Доктор Брин отмечает, что прославление альтруизма является как новым, так и западным. Он считает, что общество должно иметь определенный уровень материального благосостояния, прежде чем оно сможет ценить определенные виды альтруизма.

Over a trillion dollars has been sunk into black Africa since 1960, with not much to show for it. Why do people keep giving? As this chapter explains, people get a huge psychological boost from administering aid: "While charity has a mixed record helping others, it has an almost perfect record of helping ourselves." The authors note that "staring at pictures of starving children can, in some sense, hijack the analytical portions of the brain," resulting in "altruism" that is nothing short of crazy. After the 2004 tsunami did so much damage in South Asia, "altruists" sent Viagra, Santa suits, high-heeled shoes, evening gowns, and loads of other junk. After an earthquake in Pakistan, Westerners sent so much completely inappropriate clothing that people burned it to stay warm.

Journalist Linda Polman has pointed out that foreign aid can even provoke atrocities. Warring gangs in Africa or elsewhere know that bounty follows headlines, so they do something especially horrible and wait for truckloads of relief to show up—which they steal. The leaders of the Revolutionary United Front (RUF) in Sierra Leone made a name for themselves in the late 1990s by cutting off the arms of women and children. The RUF's leaders knew this would bring caravans of booty.

The authors of this chapter note that poorly thought out foreign aid has repeatedly had disastrous effects. They suggest that if aid is to continue, it should be run by engineers, not the current glory seekers.

Some of the authors in this book argue that there is no such thing as genuinely disinterested altruism, and that even the most seemingly generous acts are self serving. Mother Theresa may have been a "saint," but she was just doing what she wanted to do. In the case of government foreign aid and non-profits, the people who ladle out uplift and bask in praise are not even spending their own money.

Altruism and Groups

Some of the chapters in this book touch on group differences. Dr. Brin notes that glorifying altruism is both recent and Western. He believes that a society must have a certain level of material wealth before it can value certain kinds of altruism. Only when

Только когда у людей достаточно еды, они переходят «от хищничества к инклюзии» и думают о правах животных, а не о следующем курином обеде. Он указывает на то, что только европейцы решили «поднять альтруизм над другими культурно пропагандируемыми идеалами, такими как патриотизм племени и слава, которые наши предки считали первостепенными». Они пошли еще дальше, распространяя племенной альтруизм на весь мир, хотя «некоторые другие культуры считают это западное качество граничащим с безумием». Конечно, это безумие, но европейцы, которые указывают на это, наказаны.

Некоторые предварительные исследования показывают, что люди разных национальностей и религий имеют разные уровни вины и демонстрируют разные уровни альтруизма. Без сомнения, то, что считается нормальным социальным поведением в одной культуре, может рассматриваться как крайняя самопожертвование в другой. Когда корейцы и американцы действуют альтруистически, разные части мозга оказываются вовлеченными. Может ли это быть правдой для корейцев, усыновленных в детстве и воспитанных в Америке?

Некоторые из авторов пишут о "приходском альтруизме", или действиях, которые предназначены, чтобы принести пользу своей собственной группе, причиняя вред другой группе. Самым ярким примером этого являются террористы-смертники, которые умирают, чтобы продвинуть дело своего народа. Авторы признают атаки террористов-смертников «рациональным вариантом, когда слабая повстанческая группа выступает против очень могущественной группы». Это важные миссии в войне, в которой некоторые комбатанты готовы сражаться любыми доступными средствами.

Это одна из форм альтруизма, которая в подавляющем большинстве является мужской; ученые считают, что только около 20 процентов террористов-смертников - женщины. В противном случае биографические реконструкции успешных бомбардировщиков и интервью с захваченными бомбардировщиками показывают, что, помимо высокого альтруизма и преданности делу, они не вписываются в профиль и происходят из всех слоев общества.

Некоторые из авторов этого тома признают, что лояльность в группе является частью человеческой натуры, но они беспокоятся о том, что это приведет к преследованию со стороны, и желают, чтобы это исчезло. Как утверждают: «Эффективность местных групп является высшей формой альтруизма. Человечество в целом могло бы принести наибольшую пользу, если бы люди не приносили жертвы своей местной группе».

people have enough to eat do they shift "from predation to inclusion" and think about animal rights rather than the next chicken dinner. He points out that only Europeans have decided "to elevate altruism above other culturally promoted ideals, such as tribal patriotism and glory-at-arms, which our ancestors considered paramount." They have gone even further, extending tribal altruism to the entire world, though "some other cultures consider this Western quality to border on madness." Of course, it is madness, but Europeans who point this out are punished.

Some preliminary research suggests that people of different ethnicities and religions have different levels of guilt and show different levels of altruism. No doubt what is considered normal social behavior in one culture may be seen as extreme self-sacrifice in another. When Koreans and Americans act altruistically different parts of the brain appear to be involved. Could this also be true for Koreans adopted as children and reared in America?

A few of the contributors write about "parochial altruism," or acts that are meant to benefit one's own group by harming another group. The clearest example of this is suicide bombers, who die in order to advance the cause of their people. The authors recognize suicide attacks as "a rational option when a weak insurgent group is opposing a very powerful group." They are high-value missions in a war that some combatants are prepared to fight with any means available.

This is one form of altruism that is overwhelmingly male; scholars find that only about 20 percent of suicide bombers are women. Otherwise, biographical reconstructions of successful bombers and interviews with captured bombers show that aside from high altruism and devotion to a cause, they fit no profile and come from all walks of life.

Some of the contributors to this volume recognize that in-group loyalty is part of human nature, but they worry about it leading to persecution of outsiders and wish it would go away. As one argues: "[D]efection from local in-groups is the highest form of altruism. Humanity as a whole might benefit the most if individuals made no sacrifices for their local group."

Именно это мышление приводит к забвению: мы - белые - отвернемся от своей собственной группы в надежде, что члены других групп поступят так же, несмотря на явные доказательства того, что другие группы не будут.

Несколько менее обманутый автор советует, что если группы хотят действовать альтруистично по отношению к другим группам, им следует по крайней мере искать группы, которые следуют тем же правилам. Но это так далеко, как книга идет. По-видимому, ни один из авторов не может представить себе патологию, при которой внутригруппа плохо обращается с *собой на* благо аутгрупп.

Возможно, эта слепота была неизбежна в нынешнем интеллектуальном климате, но в остальном это проницательная, провокационная, прекрасно отредактированная книга, которая научит вас многому, чего вы не знали.

Эта статья была опубликована на AmRen.com 6 июля 2012 года.

This is precisely the thinking that leads to oblivion: We—whites—will turn our backs on our own group in the hope that members of other groups will do the same, despite clear evidence that other groups will not.

A somewhat less deceived writer advises that if groups want to act altruistically towards other groups they should at least look for groups that follow the same rules. But this is as far as the book goes. Apparently, none of the authors can conceive of a pathology in which the in-group mistreats *itself* for the benefit of out-groups.

Perhaps this blindness was inevitable in the current intellectual climate, but otherwise, this is an insightful, provocative, beautifully edited book that will teach you a great deal you did not know.

This article was published at AmRen.com on July 6, 2012.

Чем мы обязаны нашим людям

УЧЕНЫЙ ОБЪЯСНЯЕТ генетику национализма.

Фрэнк Солтер, «О *генетических интересах: семья, этническая принадлежность и гуманность в эпоху массовой миграции»,* Питер Ланг, 2003, 388 с., 38,95 долл. США.

С публикацией «*О генетических интересах»* Фрэнк Солтер внес жизненно важный вклад в наше понимание значения расы и этнической принадлежности в человеческих делах. Д-р Солтер, австралиец, с 1991 года являющийся исследователем в Обществе Макса Планка в Андече, Германия, на принципах популяционной генетики демонстрирует, что расовые или этнические группы равносильны большим, расширенным семьям и что этническая лояльность так же законна, как и семейные привязанности. Действительно, он утверждает, что члены этнической группы могут иметь более неотразимые обязанности перед группой, чем перед своими собственными семьями.

Что такое генетический интерес?

Согласно теории Дарвина, цель, к которой стремятся все живые существа, - сделать копии своих отличительных генов. Наиболее отчетливо это видно в преданности родителей потомству. Как пишет доктор Солтер: «Важность генетической преемственности является самоцелью как для людей, так и для других видов». С эволюционной точки зрения, «размножение своих генов - *смысл* жизни» .

Возможно, самым важным концептуальным прорывом в «*О генетических интересах» является* признание этой преданности своему этному - доктор. Солтер предпочитает этот термин расе, нации или этнической группе - так же биологически обоснован, как и преданность своим детям. Это потому, что каждый этни является хранилищем отличительных генов своих членов, так же как дети являются носителями генов своих родителей. Дети человека - очень концентрированные запасы его генов, но его этни - значительно больший, хотя и более разбавленный пул тех же генов. Учитывая размер большинства этносов, они являются хранилищами гораздо большего количества копий отличительных генов члена, чем даже его собственных детей, и поэтому имеют

What We Owe Our People

A scientist explains the genetics of nationalism.

Frank Salter, *On Genetic Interests: Family, Ethnicity and Humanity in an Age of Mass Migration*, Peter Lang, 2003, 388 pp., $38.95.

With the publication of *On Genetic Interests,* Frank Salter has made a vitally important contribution to our understanding of the significance of race and ethnicity in human affairs. Dr. Salter, an Australian who has been a researcher since 1991 at the Max Planck Society in Andechs, Germany, demonstrates through principles of population genetics that racial or ethnic groups are equivalent to large, extended families, and that ethnic loyalties are as legitimate as family loyalties. Indeed, he argues that members of an ethnic group may have more compelling duties to the group even than to their own families.

What is Genetic Interest?

According to Darwinian theory, the goal towards which all living things strive is to make copies of their distinctive genes. This is seen most clearly in the devotion of parents to offspring. As Dr. Salter writes, "The importance of genetic continuity is an end in itself, for humans as well as for other species." From an evolutionary point of view, "propagating one's genes is life's *raison d'être*."

Perhaps the most important conceptual breakthrough in *On Genetic Interests* is to recognize that loyalty to one's ethny—Dr. Salter prefers this term to race, nation, or ethnic group—is just as valid biologically as loyalty to one's children. This is because each ethny is a storehouse of its members' distinctive genes, just as children are carriers of their parents' genes. A person's children are very concentrated stores of his genes, but his ethny is a vastly larger, though more dilute pool of the same genes. Given the size of most ethnies, they are repositories of far more copies of a member's distinctive genes than even his own children, and therefore have

теоретическая генетическая претензия на лояльность даже больше, чем у его детей.

Этны - это расширенная семья. Чем крупнее этни, тем больше становится магазин с отличительными генами, поэтому его члены заинтересованы в том, чтобы их число росло или, по крайней мере, оставалось постоянным. Сокращающийся этни похож на семью , члены которой отмирают - их состояние представляет собой потерю генетических интересов.

Согласно универсалистской модели равноправия всех людей, которая должна определять, как мы думаем о расе, нет веской причины, по которой ни один из нас не должен заботиться о своих детях больше, чем о чужих детях. Конечно, мы делаем это не потому, что они объективно превосходят других детей, а потому, что они *наши;* они несут наши отличительные гены. С генетической точки зрения наши этносы заслуживают схожей лояльности по той же причине.

Доктор Солтер отмечает, что разные этнические группы могут быть настолько генетически отдаленными, что случайные члены одной и той же этнической группы являются близкими родственниками по сравнению с представителями другой этнической группы. Например, австралийские аборигены и пигмеи мбути генетически далеки друг от друга, насколько могут быть две этнические группы. Два случайных члена любой группы - по сравнению с членами другой группы - настолько генетически похожи друг на друга, что они почти эквивалентны одинаковым близнецам. По сравнению с австралийскими аборигенами все пигмеи мбути, на самом деле, настолько похожи друг на друга, что настоящие близнецы-мбути, условно говоря, не намного более тесно связаны друг с другом, чем любые два случайных мбути.

Что происходит, когда родители из далёких этносов заводят детей вместе? Правила генетики гласят, что дети всегда несут половину генов каждого родителя. Однако, когда родители принадлежат к одной этнической группе, у них много общих отличительных генов, поэтому их дети действительно несут *более* половины отличительных генов каждого родителя. В этом смысле родители, которые происходят от одной и той же линии и имеют много одинаковых генов, более тесно связаны со своими детьми - с точки зрения количества генов, которые они разделяют, - чем родители, у которых есть дети от кого-то отдаленного склад.

Как это ни удивительно, если бы абориген и мбути были

a theoretical genetic claim to loyalty even greater than that of his children.

An ethny is an extended family. The larger one's ethny, the larger a store it becomes of distinctive genes, so its members have an interest in seeing their numbers rise or at least remain constant. A shrinking ethny is like a family whose members are dying off—either condition represents a loss of genetic interests.

According to the universalist, everyone's-equal model of human relations that is supposed to govern how we think about race, there is no good reason any of us should care more about our children than we do about the children of strangers. We do, of course, and not because they are objectively superior to other children but because they are *ours*; they carry our distinctive genes. From a genetic point of view, our ethnies deserve similar loyalties for the same reason.

Dr. Salter points out that different ethnies can be so genetically distant that random members of the same ethny are close kin in comparison to members of the other ethny. Australian Aborigines and Mbuti pygmies, for example, are about as genetically distant as two ethnies can be. Two random members of either group are—in comparison to members of the other group—so genetically similar to each other they are almost the equivalent of identical twins. Compared to Australian Aborigines, all Mbuti pygmies are, in fact, so similar to each other that actual Mbuti identical twins are, relatively speaking, not much more closely related to each other than any two random Mbuti.

What happens when parents from distant ethnies have children together? Rules of genetics hold that children always carry half the genes of each parent. However, when the parents are from the same ethny, they have many distinctive genes in common, so their children actually carry *more* than half of each parent's distinctive genes. In this sense, parents who descend from the same lineage and who share many of the same genes are more closely related to their children—in terms of the number of genes they share—than are parents who have children with someone of a distant stock.

Surprising as this may seem, if an Aborigine and a Mbuti were

чтобы иметь ребенка вместе, каждый родитель был бы более тесно связан генетически со всеми в своем первоначальном происхождении, чем с ребенком. Совершенно незнакомые люди были бы более близкими родственниками, чем ребенок, и с строго генетической точки зрения имели бы больше прав на семейную преданность.

Большинство этносов не так далеки, как аборигены и мбути. Однако применяются те же принципы. В результате брака с членом какой-то далекой этнической семьи дети, которые являются относительными генетическими незнакомцами по отношению к своим родителям.

Как эти выводы согласуются с тем фактом, что в расовых группах существует больше генетических различий, чем между ними? Ричард Левонтин, как известно, отметил, что, если общая генетическая изменчивость людей составляет 100, от 85 до 90 процентов этой вариации обнаруживаются *в* группах населения, и только от 10 до 15 процентов являются разными вариациями, не разделяемыми между всеми группами.

Пропагандисты ошибочно использовали эти цифры, чтобы предположить, что кто-то может быть более тесно связан с человеком другой расы, чем с человеком его расы, но их реальное значение состоит в том, чтобы подчеркнуть важность от 10 до 15 процентов. Мы разделяем 90 процентов наших генов с мышами, и в пределах одного этноса человека существует больше генетических вариаций, чем тех, которые отделяют нас от мышей. Тем не менее, все люди, очевидно, более тесно связаны друг с другом, чем с мышами - по сравнению они идентичны близнецы. В небольших генетических вариациях заключены важные различия, и именно в области этих небольших различий все мбути являются практически идентичными близнецами по сравнению с аборигенами.

Верность этни - это генетический эквивалент семейной верности. Поэтому, если иммиграция заменяет части местной этнической группы инопланетянами, для оставшихся туземцев этот генетический сдвиг означает замену родственников чужими. Насколько сильным может быть эффект, зависит от того, насколько генетически отдалены новички.

Доктор Солтер здесь отмечает, что датчане и англичане являются родственными популяциями, но все еще генетически различны. Если бы 10000 датчан заняли место 10000 англичан, это означало бы потерю генетических интересов оставшихся англичан, потому что отличительные гены англичан были бы заменены генами другого

to have a child together, each parent would be more closely related genetically to everyone in his original ethny than he would be to the child. Complete strangers would be closer kin than the child, and from a strictly genetic standpoint would have a greater claim on family loyalty.

Most ethnies are not as distant as aborigines and Mbuti. However, the same principles apply. Outmarriage with a member of a distant ethny produces children who are relative genetic strangers to their parents.

How do these findings square with the fact that there is more genetic variation within racial groups than between them? Richard Lewontin famously pointed out that if the total genetic variation of humans is given a figure of 100, 85 to 90 percent of that variation is found *within* population groups, and only 10 to 15 percent are distinct variations not shared by all groups.

Propagandists have used these figures mistakenly to suggest that someone could be more closely related to a person of a different race than to someone of his own race, but their real significance is to highlight the importance of the 10 to 15 percent. We share 90 percent of our genes with mice, and there is more genetic variation within a single human ethny than the variations that separate us from mice. Yet all humans are obviously more closely related to each other than to mice—they are identical twins by comparison. The small genetic variations are where the important differences lie, and it is in the area of these small differences that all Mbuti are practically identical twins by comparison with Aborigines.

Loyalty to an ethny is the genetic equivalent of family loyalty. Therefore, if immigration replaces parts of a native ethny with aliens, for the natives who remain, this genetic shift means replacement of kinfolk with strangers. Just how drastic the effect can be depends on how genetically distant the newcomers are.

Dr. Salter here notes that Danes and Englishmen are kindred populations but still genetically distinct. If 10,000 Danes were to take the place of 10,000 Englishmen it would represent a loss of genetic interests to the English who remained, because the distinctive genes of Englishmen would be replaced by those of a different

эфни. Доктор Солтер подсчитывает, насколько велика будет потеря: так много английских генов исчезнет, что это будет равнозначно удалению из популяции 167 детей или братьев и сестер родного населения, которое осталось. (Эта цифра одинакова как для детей, так и для братьев и сестер, потому что человек имеет одинаковое количество генов - 50 процентов - с ребенком или сибсом. Потеря в генетических интересах может быть рассчитана по-разному, что эквивалентно 167 x 2 = 334 двоюродные братья, племянники или тети.) Поскольку английский генофонд является хранилищем для всех англичан и генов, общих для них, которые делают их уникальными, эта потеря 167 эквивалентных братьев и сестер будет потерей генетических интересов для *всех* членов английского эфни.

Потеря намного больше, если заменить англичан более отдаленными этносами. Если бы вместо датчан вместо 10 000 англичан заменили 10 000 банту, это было бы генетическим эквивалентом потери 10 854 детей или братьев и сестер. Как объясняет доктор Солтер, «некоторые этносы настолько генетически различны, что составляют отрицательные запасы этих отличительных генов». Эффект работает в обоих направлениях: если бы 10000 англичан заменили 10000 банту, потеря генетических интересов банту была бы такой же большой.

Доктор Солтер делает неизбежный вывод:

> Акт благотворительности или героизма со стороны англичанина, который не позволил 10 000 датчанам заменить 10000 англичан, был бы адаптивным, даже если этот акт стоил альтруисту его или ее жизни и, вместе с этим, всех перспектив создания семьи (по крайней мере, семьи из менее чем 167 детей), поскольку это спасло бы эквивалент 167 детей альтруиста. Предотвращение замены 10000 банту потребует гораздо большей жертвы, потому что генетическая выгода примерно в 65 раз больше; случайные англичане почти так же близки, как родители и дети, по сравнению с отношениями между англичанами и банту».

(Существует интуитивная мудрость в том факте, что негры, живущие в белых обществах, но не живущие в Африке, называют друг друга «братом» и «сестрой». По сравнению с генетически далекими белыми они *по* сути *являются* братьями.)

Доктор Солтер идет дальше:

ethny. Dr. Salter calculates how great the loss would be: So many English genes would disappear that it would be the equivalent of removing from the population 167 children or siblings of the native population that remained. (The figure is the same for either children or siblings because a person shares the same number of genes—50 percent—with a child or a sibling. The loss in genetic interests could be calculated differently, as the equivalent of 167 × 2 = 334 cousins, nephews or aunts.) Because the English gene pool is a storehouse for all Englishmen and of the genes common to them that make them unique, this loss of 167 sibling-equivalents would be a loss of genetic interests for *all* members of the English ethny.

The loss is far greater if the English are replaced by more distant ethnies. If, instead of Danes, 10,000 Bantus replaced 10,000 Englishmen, it would be the genetic equivalent of the loss of 10,854 children or siblings. As Dr. Salter explains, "Some ethnies are so different genetically that they amount to negative stores of those distinctive genes." The effect works both ways: If 10,000 English replaced 10,000 Bantus, the loss of Bantu genetic interests would be just as great.

Dr. Salter draws the inevitable conclusion:

> [A]n act of charity or heroism by an Englishman that prevented 10,000 Danes from replacing 10,000 English would be adaptive even if the act cost the altruist his or her life and with it all prospects of raising a family (at least a family of less than 167 children), since this would save the equivalent of 167 of the altruist's children. Preventing replacement by 10,000 Bantu would warrant a much larger sacrifice because the genetic benefit is about 65 times larger; random Englishmen are almost as related as parent and child compared to the relationship between Englishmen and Bantu."

(There is intuitive wisdom in the fact that blacks who live in white societies—but not those living in Africa—refer to each other as "brother" and "sister." In comparison to genetically distant whites, they *are* essentially brothers.)

Dr. Salter goes further:

Генетическая дистанция между англичанами и банту настолько велика, что, на первый взгляд, конкуренция между ними сделает внутригрупповой альтруизм среди случайного английского (или среди случайного банту) почти такой же адаптивной, как альтруизм родитель-ребенок. , , , Таким образом, представляется, что англичанин более склонен к риску жизни или собственности, сопротивляясь иммиграции двух иммигрантов банту в Англию, чем тот, кто рискует спасти одного из своих детей от утопления. , , «.

Крайне, как звучит этот вывод, он оправдан с чисто генетической точки зрения.

Д - р Salter объясняет , что иммиграция не *появляется ,* чтобы быть заменой, потому что местные жители прямо не устранены , чтобы освободить место для вновь прибывших. Однако долгосрочным эффектом является прямая замена, потому что каждая часть мира в конечном итоге достигнет пределов своей способности поддерживать людей. В этот момент присутствие 10 000 бантусов (и их потомков) означало бы, что Англия не сможет выдержать такое же количество дополнительных англичан. Иммиграция Банту тогда предстанет в его истинном облике - вытеснение англичан.

Последствия иммиграции еще более серьезны, если вновь прибывшие имеют низкую производительность и снижают пропускную способность территории. Чем больше численность банту, тем быстрее Англия достигнет пределов своей способности поддерживать население, и число англичан, которых они предвидят, будет еще больше.

С другой стороны, высокопродуктивные иммигранты могут принести генетическую выгоду аборигенам. Белые фермеры Зимбабве были инопланетянами, и их присутствие было генетической потерей для местных чернокожих. Тем не менее, они подняли производительность Зимбабве так сильно, что гораздо больше чернокожих смогли жить и размножаться. Изгнание белых отвечает краткосрочным генетическим интересам чернокожих зимбабвийцев, но без них страна может поддерживать гораздо меньше черных - явная генетическая потеря. В генетических интересах непродуктивных людей приветствовать определенное количество очень продуктивных инопланетян.

Конечно, сегодня большинство иммигрантов покидают несостоятельные общества ради успешных обществ и менее продуктивны, чем принимающие люди.

> The genetic distance between English and Bantus is so great that, on the face of it, competition between them would make within-group altruism among random English (or among random Bantu) almost as adaptive as parent-child altruism . . . . Thus it would appear to be more adaptive for an Englishman to risk life or property resisting the immigration of two Bantu immigrants to England than his taking the same risk to rescue one of his own children from drowning . . . ."

Extreme as this conclusion sounds, it is justified from a strictly genetic point of view.

Dr. Salter explains that immigration does not *appear* to be replacement, because natives are not directly eliminated to make room for newcomers. However, the long-term effect is direct replacement, because each part of the world will eventually reach the limits of its capacity to support humans. At that point, the presence of 10,000 Bantus (and their descendants) would mean England could not sustain an equal number of additional Englishmen. The immigration of Bantus would then appear in its true guise—displacement of Englishmen.

The effects of immigration are even more severe if the newcomers are of low productivity and drag down the carrying capacity of a territory. The larger the number of Bantus, the more quickly England would reach the limits of its capacity to support a population, and the number of Englishmen their presence forestalled would be even greater.

On the other hand, highly productive immigrants can be a genetic gain to natives. The white farmers of Zimbabwe were aliens, and their presence was a genetic loss for native blacks. However, they raised Zimbabwe's productivity so much that many more blacks were able to live and reproduce. Expelling whites is in the short-term genetic interests of Zimbabwe's blacks, but without them the country can support far fewer blacks—a clear genetic loss. It is in the genetic interests of unproductive people to welcome a certain number of very productive aliens.

Of course, today, most immigrants leave failing societies for successful societies, and are less productive than the host people.

Туземцы генетически замещаются *и* видят, как снижается качество их общества.

До триумфа идеологий, игнорирующих биологию, этносы всегда ревниво охраняли свою родину. Численность населения может уменьшиться, но позднее она восстановится, если у нее будет территория, на которую она имеет эксклюзивный титул. Сокращение численности, сопровождаемое потерей территории - или просто фактической потерей территории из-за иммиграции иностранцев - может привести к невосполнимому ущербу. Доктор Солтер пишет, что «для всего прошлого человеческого опыта и до сих пор контроль над территорией является ценным ресурсом для поддержания этнических генетических интересов в долгосрочной перспективе». Вот почему «иммиграционная политика для большинства обществ в большинстве возрастов заключалась в полном запрете». С генетической точки зрения иммигранты ничем не отличаются от вооруженных захватчиков.

Некоторые люди утверждают, что культура, а не биологическая непрерывность, является высшей ценностью. Однако, как отмечает д-р Солтер, это ложное различие:

> Мы можем осмыслить копии наших генов в фенотипических терминах: как общая кровь, как семья, и как привычный внешний вид и поведение. Оценка таких характеристик заключается в оценке генов, которые способствуют им.

Интеллект, личность и внешний вид тесно связаны с генами, и определенные черты исчезнут, если исчезнут отличительные гены. По этой причине, как пишет доктор Солтер, «групповые генетические интересы отслеживают культурные ценности», поэтому сохранение генов этни сохраняет их культуру.

Если семья мужчины уничтожена, это большая личная трагедия. Однако, если все его племя исчезнет, у него будет гораздо больше копий его генов, чем он мог когда-либо производить в детстве. Это также берет с собой культуру и народные традиции, которые делают его этны тем, чем он является. В этом смысле культурное и этническое вымирание бесконечно страшнее, чем собственная смерть или смерть семьи.

Гомогенные общества

Несмотря на много разговоров о желательности «разнообразных» обществ, большинству людей нравится жить среди людей, подобных им. Если они должны жить в многоэтническом обществе, они хотят быть большинством населения, которое ставит свой отпечаток на национальной культуре и образе жизни.

Natives are both replaced genetically *and* see the quality of their society decline.

Until the triumph of ideologies that ignore biology, ethnies always guarded their homelands jealously. A population may decline in numbers but later recover if it has a territory to which it has exclusive title. A decline in numbers accompanied by loss of territory—or merely the effective loss of territory due to immigration by aliens—can lead to irreparable damage. Dr. Salter writes that "for all of past human experience and still today control of territory is a precious resource for maintaining ethnic genetic interests in the long run." This is why "immigration policy for most societies in most ages has consisted of a blanket ban." From a genetic standpoint, immigrants are no different from armed invaders.

Some people argue that culture rather than biological continuity is the ultimate value. However, as Dr. Salter points out, this is a false distinction:

> We can conceptualize copies of our genes in phenotypic terms: as shared blood, as family, and as familiar appearance and behavior. Valuing such characteristics is to value the genes that contribute to them.

Intelligence, personality, and appearance are closely tied to genes, and certain traits will disappear if distinctive genes disappear. For that reason, as Dr. Salter writes, "Group genetic interests track cultural values," so preserving an ethny's genes preserves its culture.

If a man's family is wiped out it is a great personal tragedy. However, if his whole tribe disappears, it takes with it far more copies of his genes than he could ever produce as children. It also takes with it the culture and folkways that make his ethny what it is. In this sense, cultural and ethnic extinction is infinitely more terrible than one's own death or the death of one's family.

Homogeneous Societies

Despite much talk about the desirability of "diverse" societies, most people like living among people like themselves. If they must live in a multi-ethnic society, they want to be the majority population that puts its stamp on the national culture and way of life.

Доктор Солтер указывает на преимущества однородности. Во-первых, это, вероятно, необходимо для развития здоровых институтов. Как отметил Джон Стюарт Милль: «Свободные институты практически невозможны в стране, состоящей из разных национальностей». Это потому, что когда общество состоит из «людей без единого чувства ... единого общественного мнения, необходимого для работы представительного правительства, не может быть».

Свобода опирается на такие институты, как верховенство закона, свобода слова и республиканское правительство, которые требуют доверия между людьми и вряд ли возникнут в смешанных, взаимно подозрительных группах населения. Д-р Солтер отмечает, что здоровые институты, созданные однородными группами населения, могут продолжать функционировать даже после иммиграции различными группами, но подозревает, что, поскольку выборы вырождаются в расовые подсчеты и жертва свободы слова во имя "чувствительности", мультикультурализм в конечном итоге подрывает даже лучшие заведения.

Доктор Солтер также отмечает, что политика благосостояния наиболее щедра в гомогенных обществах, и что даже либеральные ученые соглашаются, что это, вероятно, потому, что налогоплательщики более склонны голосовать за пособия незнакомцам, которые похожи на них самих. Например, по сообщениям, в Москве нищие получают наибольшее количество раздаточных материалов от людей их собственного происхождения. Люди обычно сопротивляются благосостоянию, которое субсидирует безрассудное размножение расовыми или этническими пришельцами. Это естественно, что они должны; в генетическом плане это коллективный рогоносец.

Даже если не считать откровенного благосостояния, так как большая часть деятельности современного правительства включает в себя взятие денег у одной группы и передачу их другой, люди с большей вероятностью поддержат правительство, если будут считать, что выгоды будут идти на пользу родственникам. Менее продуктивные меньшинства получают огромную прибыль от состоятельных обществ, которые приносят пользу всем, независимо от этнического происхождения. На частном уровне граждане также с большей вероятностью будут сдавать кровь, поддерживать школы, выделять парки и добровольно участвовать в общественных работах, если они знают, что члены их собственной группы получат выгоду.

Д-р Солтер также отмечает, что «воспитание детей в национальных общинах увеличило бы вероятность того, что они выйдут замуж за соотечественников». Это хорошо по нескольким причинам. Дети от однополых браков более тесно связаны с родителями.

Чтобы продолжить предыдущий пример, доктор Солтер утверждает, что если англичанин женится на англичанке, его дети

Dr. Salter points out the advantages of homogeneity. First, it is probably necessary for the development of sound institutions. As John Stuart Mill pointed out, "Free institutions are next to impossible in a country made up of different nationalities." This is because when a society is composed of "a people without fellow-feeling . . . the united public opinion necessary to the working of representative government cannot exist."

Liberty reposes on institutions such as the rule of law, freedom of speech, and republican government that require trust among a people, and are not likely to arise in mixed, mutually suspicious populations. Dr. Salter notes that sound institutions established by homogeneous populations can continue to function even after immigration by diverse groups, but suspects that as elections degenerate into racial head counts and free speech is sacrificed in the name of "sensitivity," multiculturalism eventually undermines even the best institutions.

Dr. Salter also points out that welfare policies are most generous in homogeneous societies, and that even liberal scholars agree that this is probably because taxpayers are more willing to vote benefits to strangers who are similar to themselves. In Moscow, for example, beggars reportedly get the most handouts from people of their own ethny. People generally resist welfare that subsidizes reckless procreation by racial or ethnic aliens. It is natural that they should; in genetic terms, this is collective cuckoldry.

Even aside from outright welfare, since so much modern government activity involves taking money from one group and giving it to another, people are more likely to support a government if they think benefits are going to kinfolk. Less productive minorities profit enormously from wealthy societies that offer benefits to all, regardless of ethnic origin. At the private level, citizens are also more likely to give blood, support schools, endow parks, and volunteer for community work if they know members of their own group will benefit.

Dr. Salter also points out that "raising children within national communities would increase the likelihood of them marrying fellow ethnics." This is good for several reasons. Children from

будут иметь на 92 процента больше его отличительных генов, чем если бы он женился на банту. С точки зрения создания копий его собственных генов, каждый ребенок с англичанкой почти как иметь двоих с банту.

Может также случиться так, что родители одного и того же народа относятся к своим детям лучше, чем родители в смешанных браках, поскольку биологическое сходство родителей и детей ведет к более тесной связи. Дети в таких браках также имеют больше генов друг с другом и могут развивать более глубокие связи. У идентичных близнецов самые близкие родственные связи из всех, и чем больше генов делят братьев и сестер, тем больше они становятся похожими на идентичных близнецов.

Еще одно преимущество однополых браков состоит в том, что у детей не будет противоречивой лояльности, если между многоэтническими обществами возникнет напряженность. Смешанные дети иногда не уверены в своей идентичности и могут быть отвергнуты обеими группами.

Доктор Солтер отмечает, что очевидно, что усыновлять ребенка другого этноса - генетическая потеря, потому что усилия по воспитанию детей посвящены чужеродным генам. Такие усыновления могут даже рассматриваться как нелояльность по отношению к однородному обществу, потому что они означают, что государственные пособия на детей заставляют других членов группы поддерживать генетических безбилетников.

Многокультурные общества, возникающие в результате иммиграции, создают множество проблем для принимающего населения. «С эволюционной точки зрения, - пишет д-р Солтер, - многие коллективные товары в современных [смешанных] обществах предоставляют возможность для просвещенной свободной езды». Иммигранты извлекают выгоду из школ, больниц, парков, музеев и национальной инфраструктуры, в которую они не внесли свой вклад и которую их собственные народности могут не иметь возможности производить или поддерживать. Местные жители возмущаются этим, но доктор Солтер отмечает, что «мультикультурные режимы используют современные формы ритуальной идеологической обработки, чтобы победить врожденные дискриминационные реакции на этническое разнообразие, по крайней мере, у большинства этнических групп». В результате, «в основных западных обществах стратегии большинства этнических групп практически исчезли, а вождение в основном не контролируется».

same-ethny marriages are more closely related to their parents. To continue with the previous example, Dr. Salter argues that if an Englishman marries an Englishwoman, his children will carry 92 percent more of his distinctive genes than if he marries a Bantu. In terms of making copies of his own genes, each child with an Englishwoman is almost like having two with a Bantu.

It may also be that parents of the same ethny treat their children better than do parents in mixed marriages, with the biological similarity of parent and child leading to more intimate bonding. The children in such marriages also share more genes with each other, and may develop deeper ties. Identical twins have the closest sibling bonds of all, and the more genes siblings share, the more they become like identical twins.

Another benefit of same-ethny marriages is that children will have no conflicting loyalties if tensions arise between the ethnies in a multi-ethnic society. Mixed children are sometimes unsure of their identities, and may be rejected by both groups.

Dr. Salter notes that it is obviously a genetic loss to adopt a child of a different ethny because the efforts of child-rearing are devoted to alien genes. Such adoptions can even be seen as disloyalty to a homogeneous society, because they mean government benefits to the children force other members of the group to support genetic free riders.

The multicultural societies that result from immigration give rise to many problems for the host population. "From an evolutionary perspective," writes Dr. Salter, "many collective goods in modern [mixed] societies represent an opportunity for enlightened free riding." Immigrants benefit from schools, hospitals, parks, museums, and national infrastructure to which they did not contribute and which their own ethnies may not be able to produce or maintain. Natives resent this, but Dr. Salter observes that "multicultural regimes deploy modern forms of ritual indoctrination to defeat inborn discriminatory responses to ethnic diversity, at least by majority ethnies." As a result, "in mainstream Western societies majority ethnic group strategies have all but vanished and free riding is largely uncontrolled."

Многие мультикультурные общества даже побуждают меньшинства к мобилизации с явной целью извлечения выгод из большинства. Члены большинства могут в конечном итоге не доверять правительству, которое действует против их генетических интересов, и доктор Солтер находит доказательства того, что по мере того, как общество становится все более разнообразным, общественный альтруизм уменьшается; люди предпочитают делать частные добрые дела для своих этнических родственников, а не для далеких этносов.

В Европе белое большинство начинает понимать высокую цену, которую они платят за мультикультурализм. По мнению доктора Сальтера, каждый пример этнической напряженности или не ассимиляции является ценным предупреждением о том, что большинство населения допустило серьезную ошибку: «Для людей, теряющих свою страну, единственная вещь, более катастрофическая, чем мультикультурализм, который не работает» «был бы мультикультурализм, который действительно работал», - который уничтожил генетические интересы без болезненных предупреждающих знаков.

Как этны должны сохранять свои генетические интересы? «Разумеется, - пишет д-р Солтер, - что для населения было бы разумно отстаивать свой самый ценный коллективный интерес - особые гены, которые несет этни, - используя самые мощные средства в своем распоряжении». Самым мощным средством, конечно же, является правительство. И все же, почти каждое правительство потерпело неудачу в этом отношении, потому что «ни одно государство, которое еще не было развито, надежно сдержало свое обещание как адаптивная стратегия этнической группы».

Когда-то национальные государства состояли в основном из этносов и защищали генетические интересы, даже если не во многих словах. Национальные государства действовали естественно в том, что они считали выгодой своих граждан, защищая национальную территорию от вторжения, вооруженного или безоружного. Доктор Солтер отмечает, что «национальное государство является психологическим заменителем исконной группы и племени» и что «политическая риторика национальной идентичности и мобилизации богата такими метафорами родства, как отцы-основатели, родина, братья по оружие и братство ". Никакой другой призыв не может вызвать такой же уровень преданности или жертвы.

Д-р Солтер добавляет, что по сегодняшним стандартам национальные государства были откровенно ксенофобны и извлекли из этого пользу: «В прошлом этноцентрическая культура обычно была адаптивной.

Many multicultural societies even encourage minorities to mobilize for the express purpose of extracting benefits from the majority. Majority members may end up distrusting a government that acts against their genetic interests, and Dr. Salter finds evidence that as a society becomes more varied, there is a decrease in public altruism; people prefer to do private good works for their ethnic kin rather than for distant ethnies.

In Europe, white majorities are beginning to understand the high price they pay for multiculturalism. In Dr. Salter's view, every example of ethnic tension or non-assimilation is a valuable warning sign that the majority population has made a serious mistake: "For a people losing its country, the only thing more disastrous than multiculturalism that does not 'work' would be multiculturalism that did work"—that destroyed genetic interests without painful warning signs.

How should an ethny go about preserving its genetic interests? "It stands to reason," writes Dr. Salter, "that it would be prudent for a population to defend its most precious collective interest—distinctive genes carried by the ethny—with the most powerful means at its disposal." The most powerful means, of course, is government. And yet, almost every government has failed in this respect because "no state yet developed has reliably kept its promise as an adaptive ethnic group strategy."

At one time, nation-states were made up essentially of ethnies, and defended genetic interests—even if not in so many words. Nation states acted naturally in what they took to be the benefit of their citizens, defending national territory against invasion, armed or unarmed. Dr. Salter notes that "the nation state is a psychological substitute for the primordial band and tribe," and that "the political rhetoric of national identity and mobilization is rich in kinship metaphors such as the founding fathers, the motherland, brothers-in-arms, and fraternity." No other appeal can elicit the same level of devotion or sacrifice.

Dr. Salter adds that by today's standards nation-states were frankly xenophobic and benefited from it: "In the past, ethnocentric culture has usually been adaptive. Indoctrination is a power-

Воспитание - это мощная стратегия поощрения этноцентрического мышления, позволяющая лидерам мобилизовать сообщество на оборону. «Мобилизация может зайти слишком далеко и привести к агрессивной войне, которая тратит впустую жизни, даже если она добавляет территорию, но некоторый уровень национализма необходим для Любые люди, чтобы поддерживать себя.

Проблема с государством, как считает доктор Солтер, заключается в том, что «в современных обществах, особенно западных, нет механизма обеспечения лояльности культурных элит». Массовая иммиграция, которую правительство практически каждой белой нации навязало своему народу, является самым вопиющим актом нелояльности. Как объясняет доктор Солтер:

> Это меняет роль государства как защитника конечного интереса народа к интересам врага этого интереса. Люди теряют свои исторические инвестиции в национальное государство, которое фактически захватывается в личных целях. Таким образом, глобализм может лишить этносы их самого мощного инструмента защиты этнических интересов.

Государство, которое должно защищать генетические интересы, теперь активно рассеивает его и перестает заслуживать лояльности: «Едва ли можно адаптировать риск своей жизни или жизни своего сына для защиты государственного аппарата, который руководил заменой илиподчинением свои люди ". Действительно, как объясняет д-р Солтер, «граждане, основываясь на адаптивной утилитарной этике, будут оправданы, чтобы реформировать или разрушить свои государства и строить новые, чей этнический состав и конституция лучше служат их генетическому выживанию». У людей есть все основания заменить правительства, которые их предают.

Хотя многие нации в прошлом были основаны, по крайней мере, с неявной целью защитить и принести пользу определенному народу, почти никто не высказывался об этом явно. Израиль является исключительным в том смысле, что он является признанной родиной для евреев, но даже он не смог предотвратить нееврейскую иммиграцию. Доктор Солтер пишет, что биологически хорошо образованный этни должен построить правительство вокруг явно этнической конституции:

> Этническая конституция исправит некоторые слабости в традиционном национальном государстве. Существующие конституции ограничены защитой ближайших интересов. Но главный интерес - не счастье, не свобода, не сама жизнь, а генетическое выживание. Научно обоснованная конституция, которая серьезно относится к интересам людей, не может не упоминать их генетические интересы.

Такое этническое государство было бы договором, заключенным народом во имя его потомства.

ful strategy for encouraging ethnocentric thinking, one that allows leaders to mobilize the community for defense." Mobilization can go too far, and lead to aggressive war that wastes lives even if it adds territory, but some level of nationalism is necessary for any people to maintain itself.

The problem with the state, as Dr. Salter sees it, is that "in modern societies, especially Western ones, there is no mechanism for ensuring the loyalty of cultural elites." Mass immigration, which the government of virtually every white nation has imposed on its people, is the most egregious act of disloyalty. As Dr. Salter explains:

> This reverses the state's role as defender of the people's ultimate interest to that of an enemy of that interest. The people lose their historical investment in the nation state, which is effectively hijacked for private purposes. Globalism can thus strip ethnies of their most powerful instrument for pursuing ethnic interests.

The state, which should protect genetic interests, now actively dissipates it, and ceases to deserve loyalty: "It would hardly be adaptive to risk one's life, or that of one's son, to defend a state apparatus that presided over the replacement or subordination of one's people." Indeed, as Dr. Salter explains, "citizens would be justified, based on adaptive utilitarian ethics, to reform or tear down their states and build new ones whose ethnic composition and constitution better serve their genetic survival." People have every reason to replace governments that betray them.

Although many nations in the past were established with at least the implicit goal of protecting and benefiting a particular people, almost none has been explicit about it. Israel is exceptional in that it is an avowed homeland for Jews, but even it has failed to prevent non-Jewish immigration. Dr. Salter writes that a biologically well educated ethny should build a government around an explicitly ethnic constitution:

> An ethnic constitution would correct some of the weaknesses in the traditional nation state. Existing constitutions are limited to defending proximate interests. But the ultimate interest is not

Д-р Солтер утверждает, что право на жизнь в этническом государстве является таким же важным правом человека, как и любое другое: «Как и свобода воспитывать семью, в интересах каждого защищать свои этнические интересы властью государства и быть свободным вкладывать средства в свой этни, внося вклад в коллективные товары, которые защищены от свободных гонщиков ". Мир, состоящий из этнических государств, не должен быть враждебным. Напротив, каждое государство признало бы законность генетических интересов любой другой группы и могло бы сотрудничать для взаимной выгоды. Иммиграция и замена генов закончится.

Как отмечает д-р Солтер, для любой территории иммиграционная политика является эквивалентом контроля эволюции, поскольку она способствует распространению одних генов за счет других. В этом смысле каждая территория будет управлять своей собственной эволюцией.

Этническое разделение, очевидно, желательно для государств, которые решают отвернуться от мультикультурализма, но д-р Солтер предлагает федерализм, если этносы не могут быть расшифрованы. Слабое национальное правительство может взять на себя ответственность за оборону и международные отношения, оставляя все другие вопросы, включая иммиграционную политику, местным властям.

Прыжки на треках

Почему этническая лояльность была дискредитирована в последние десятилетия, а семейная лояльность, основанная на тех же генетических интересах, признана законной? Доктор Солтер не уверен, но отмечает, что «семьи представляют такую высокую и надежную концентрацию отличительных генов своих членов, что врожденные психологические механизмы развились, чтобы контролировать и защищать этот конечный интерес ... Это не произошло в случае племя." Почему бы нет? Мы развивались в семьях еще до того, как стали людьми, и как только мы стали людьми, племенные узы стали настолько тесными, что не было реальных возможностей, кроме прямой измены, работать на генетические интересы других этносов. Таким образом, лояльность племен менее основана на чистом инстинкте и легче подрывается.

> happiness, nor liberty, nor individual life itself but genetic survival. A scientifically informed constitution that takes the people's interests seriously cannot omit reference to their genetic interests.

Such an ethnic state would be a contract entered into by a people in the name of its posterity.

Dr. Salter argues that the right to live in an ethnic state is as important a human right as any other: "Like the freedom to raise a family, it is in everyone's interest to have his ethnic interests protected by the power of the state and to be free to invest in his ethny by contributing to collective goods that are proofed against free riders." A world composed of ethnic states need not be hostile. On the contrary, each state would recognize the validity of every other group's genetic interests, and could cooperate for mutual benefit. Immigration and the replacement of genes would end.

As Dr. Salter notes, for any territory, immigration policy is the equivalent of controlling evolution, in that it favors the propagation of certain genes at the expense of others. Each territory would, in this sense, guide its own evolution.

Ethnic separation is obviously desirable for states that decide to turn their backs on multiculturalism, but Dr. Salter proposes federalism if ethnies cannot be unscrambled. A weak national government could take responsibility for defense and foreign relations, leaving all other matters, including immigration policy, to local authorities.

Jumping the Tracks

Why has ethnic loyalty been discredited in recent decades while family loyalty—which is based on the same genetic interests—is recognized as legitimate? Dr. Salter is not sure, but notes that "families represent such a high and reliable concentration of their members' distinctive genes that innate psychological mechanisms have evolved to monitor and protect that ultimate interest . . . . This has not occurred in the case of the tribe." Why not? We have been evolving in families since before we were human, and once we became human, tribal bonds were so tight there were no real opportunities short of outright treason to work for the genetic interests of other ethnies. Tribal loyalties are therefore less grounded

Как объясняет доктор Солтер, «новизна индустриального общества имеет тенденцию отделять социальные модели от этнических интересов». В то же время «современные методы идеологической обработки, прежде всего универсальное образование и средства массовой информации, как правило, разрушают этническую солидарность, заставляя альтруизм быть направленным на генетически отдаленных людей». В результате, «несмотря на то, что люди не обладают потенциалом для семейных и этнических чувств, они не настолько инстинктивно способны идентифицировать и защищать этнические генетические интересы в эволюционно новом мире массовых анонимных обществ». Поэтому лояльность большинства белых не распространяется на их близких родственников. Как говорит доктор Солтер: «По сути, они оставляют свой этнический генетический капитал на волю случая - капризам природы и доброй воли конкурирующих групп».

Левые, в частности, настаивают на том, чтобы люди действовали как раздробленные личности без какой-либо этнической лояльности. Доктор Солтер сравнивает этот тип отстраненности от этнической принадлежности так, как марсианин может относиться к людям. Он также отмечает, что левые больше не принимают демократические результаты, если люди голосуют за сохранение своего собственного этноса. Разрушение блока Влаамса в Бельгии из-за его "расистской" приверженности сохранению фламандской Фландрии является недавним примером. Точно так же левые постоянно называют Партию свободы в Австрии, Народную партию в Дании, Национальный фронт во Франции и Британскую национальную партию «антидемократическими». Конечно, в их платформах нет ничего против представительного правительства. По-видимому, стремление белой этни сохранить себя настолько возмутительно, что не может быть удовлетворено демократическими средствами.

Одной из самых разрушительных современных идеологических тактик является попытка убедить народ в том, что это «кредо» или «универсальная» нация, которая не нуждается в биологической преемственности. Как объясняет д-р Солтер: «На практике это формула для примирения или ослепления этнического большинства к их упадку, служа интересам меньшинств и элиты свободного катания». Он продолжает:

> Концептуальная нация неспособна на принципиальную защиту от этнической замены. Эта доктрина является такой же патологической, как концепция семьи, которая не позволяла родителям отдавать предпочтение своим детям.

in pure instinct and more easily subverted.

As Dr. Salter explains, "The novelty of industrial society has tended to decouple social patterns from ethnic interests." At the same time, "modern indoctrination techniques, most notably universal education and the mass media, tend to break down ethnic solidarity, causing altruism to be directed towards genetically distant individuals." The result is that, "despite being outfitted with the potential for both family and ethnic feelings, humans are not as instinctively equipped to identify and defend ethnic genetic interests in the evolutionarily novel world of mass anonymous societies." The loyalty of most whites therefore does not extend past their close kin. As Dr. Salter puts it, "They are, in effect, leaving their ethnic genetic capital to chance—the vagaries of nature and the good-will of competing groups."

The Left, in particular, insists that people should act as atomized individuals with no ethnic loyalty. Dr. Salter likens this kind of detachment from ethnicity to the way a Martian might view humans. He notes also that the Left no longer even accepts democratic results if people vote to preserve their own ethnies. The destruction of the Vlaams Blok in Belgium because of its "racist" commitment to keeping Flanders Flemish is a recent example. Likewise, the Left constantly calls the Freedom Party in Austria, the Peoples Party in Denmark, the National Front in France, and the British National Party "anti-democratic." Of course, there is nothing in their platforms against representative government. Apparently, the desire of a white ethny to preserve itself is so outrageous it cannot be accommodated by democratic means.

One of the most damaging current ideological tactics is to try to persuade a people that it is a "creedal" or "universal" nation that needs no biological continuity. As Dr. Salter explains, "It is in practice a formula for reconciling, or blinding ethnic majorities to their own decline while serving the sectional interests of minorities and free riding elites." He continues:

> A concept nation is incapable of principled defense against ethnic replacement. The doctrine is as pathological as a conception of the family that did not allow parents to show preference for their

Этот момент стоит подчеркнуть: *призыв людей отказаться от расовой лояльности является моральным эквивалентом того, чтобы говорить родителям о том, что они равнодушны к своим детям.*

С практической точки зрения такая пропаганда направлена только на белых, и только белые восприимчивы к ней.

Доктор Солтер цитирует человека, которого он описывает как старшего демографа Австралии:

> Некоторые люди считают, что устойчивая замена англо-кельтов другими этническими группами весьма желательна. , , , Лично [замена англо-кельтов] меня не беспокоит, пока остаются «австралийские ценности»: свобода слова; свобода вероисповедания; равенство полов; разумное равенство между социальными классами (т.е. без аристократии); и так далее.

Вероятно, ни один китайский или нигерийский никогда не выражал официального безразличия к возможности вымирания своего народа.

Доктор Солтер надеется, что более широкое понимание генетических интересов приведет к более разумной государственной политике. Он утверждает, что, кроме сильного желания защитить свою близкую семью, у людей нет очень сильных инстинктов для защиты своих генетических интересов, и что «набор механизмов для признания и инвестирования в этни стал неадекватным и часто совершенно неадаптивным». Он указывает, что у людей есть генетические интересы, независимо от того, осознают они их или нет, и что им, возможно, придется узнать о них. Однако он признает, что «включение генетических интересов в социальную теорию будет большим делом ...»

Белая Дилемма

Большая часть этого крупного мероприятия будет включать убеждение белых «антирасистов» в том, что этническая лояльность столь же законна - возможно, даже более законна - чем лояльность семьи. Эта идея противоречива, но только в определенных кругах; не все группы отказались от этнической лояльности в одинаковой степени. Небелые в своих нациях и небелые меньшинства в белых нациях демонстрируют значительную расовую солидарность. Только белые должны быть убеждены в том, что они теряют что-то ценное, если их этнос перемещен.

children.

This point is worth underlining: *Telling people to give up racial loyalty is the moral equivalent of telling parents to be indifferent to their children.*

As a practical matter, this kind of propaganda is directed only at whites, and it is only whites who are susceptible to it.

Dr. Salter quotes a person he describes as Australia's senior demographer:

> Some people think that a steady replacement of Anglo-Celts by other ethnic groups is highly desirable . . . . Personally, [replacement of Anglo-Celts] does not worry me so long as 'Australian values' remain: free speech; freedom of religious worship; equality of the sexes; reasonable equality between social classes (i.e. no aristocracy); and so on.

Probably no Chinese or Nigerian has ever expressed official indifference to the prospect of extinction for his own people.

Dr. Salter hopes that a broader understanding of genetic interests will lead to more sensible public policies. He argues that aside from the strong desire to protect one's immediate family, humans do not have very strong instincts to protect their genetic interests and that "the set of mechanisms for recognizing and investing in ethnies has become inadequate and often downright maladaptive." He points out that people have genetic interests, whether they are conscious of them or not, and that they may have to be educated about them. He concedes, however, that "incorporating genetic interests into social theory will be a large undertaking . . . ."

The White Dilemma

Much of this large undertaking will involve persuading white "anti-racists" that ethnic loyalty is as legitimate—perhaps even more legitimate—than family loyalty. This idea is controversial, though only in certain circles; not all groups have abandoned ethnic loyalty to the same degree. Non-whites in their own nations, and non-white minorities within white nations show considerable racial solidarity. It is only whites who must be convinced that they lose something precious if their ethny is displaced. As Dr. Salter

Как признает д-р Солтер : «Кто-то чувствует себя защищающим от генетических интересов или нет», и большинство белых были обучены не чувствовать себя защищающими.

То, что их можно даже научить терять интерес к чему-то жизненно важному, вероятно, отражает нечто особенное в белых, и если белые не вернут свою солидарность, их заменят группы, которые никогда не теряли этого. Беспорядочный альтруизм, типичный для белых, не является универсальным. В целом, только белые устанавливают расовые предпочтения для меньшинств, усыновляют детей других рас или сталкиваются с отчуждением в результате иммиграции. Когда белые овладели Северной Америкой, Австралией и Новой Зеландией, они отводили территорию для исключительного использования переселенцев, предоставляя им как минимум минимальную базу для сохранения этнической принадлежности. Небелые, которые вытесняют белых, не создают белую родину.

Д-р Солтер также указывает, что на протяжении всей истории человечества этническая лояльность была нормой, и маловероятно, что неизбирательный альтруизм является формой истинной мудрости, обнаруженной лишь недавно несколькими белыми. «Более рационально, - утверждает он, - предполагать, что отсутствие этнической обязанности является смелым и, возможно, аморальным экспериментом».

«Нации могут формироваться веками», - пишет доктор Солтер. «Но, как пережили несколько западных обществ, иммиграционному контролю по прошествии всего лишь одного-двух десятилетий требуется экономически успешное общество, чтобы найти свое единство сломанным и направленным на генетическую замену».

О генетических интересах это весомый аргумент в защиту всех этносов. Будем надеяться, что он будет наиболее широко прочитан теми, кто больше всего в этом нуждается.

Эта статья впервые появилась в январском номере журнала «Ренессанс» *за 2005 год* .

Вторая половина этого документа защищена паролем. Это мера для ограничения распространения материалов, защищенных авторским правом, а также для измерения уровня интереса к этому переводу.

Пожалуйста, напишите мне по адресу grahamseib@ukr.net, и я буду рад выслать его.

Грэм Сейберт

concedes, "One either feels protective about genetic interests or not," and most whites have been trained not to feel protective.

That they could even be trained to lose interest in something vital probably reflects something distinctive about whites, and if whites do not regain their solidarity they will be replaced by groups that never lost it. The indiscriminate altruism typical of whites is not universal. In general, it is only whites who set up racial preferences for minorities, who adopt children of other races, or face dispossession through immigration. When whites took possession of North America, Australia, and New Zealand, they set aside territory for the exclusive use of the natives they displaced, giving them at least a minimal base for ethnic preservation. Non-whites who displace whites will not establish white homelands.

Dr. Salter also points out that throughout human history, ethnic loyalty has been the norm, and it is unlikely that indiscriminate altruism is a form of true wisdom discovered only recently by a few whites. "It is more rational," he argues, "to assume that the absence of ethnic duty is a bold experiment, and possibly an immoral one."

"A nation can take centuries to form," writes Dr. Salter. "But as several Western societies have experienced, it takes a lapse of only one or two decades in immigration control for an economically successful society to find its unity broken and heading for genetic replacement."

On Genetic Interests is a powerful argument in defense of all ethnies. Let us hope it will be most widely read by the ones that need it the most.

This article first appeared in the January 2005 issue of American Renaissance.

The second half of this document is password protected. This is a measure to limit the circulation of copyrighted material and also to gauge the level of interest in this translation.

Please email me at grahamseib@ukr.net and I will be glad to send it.

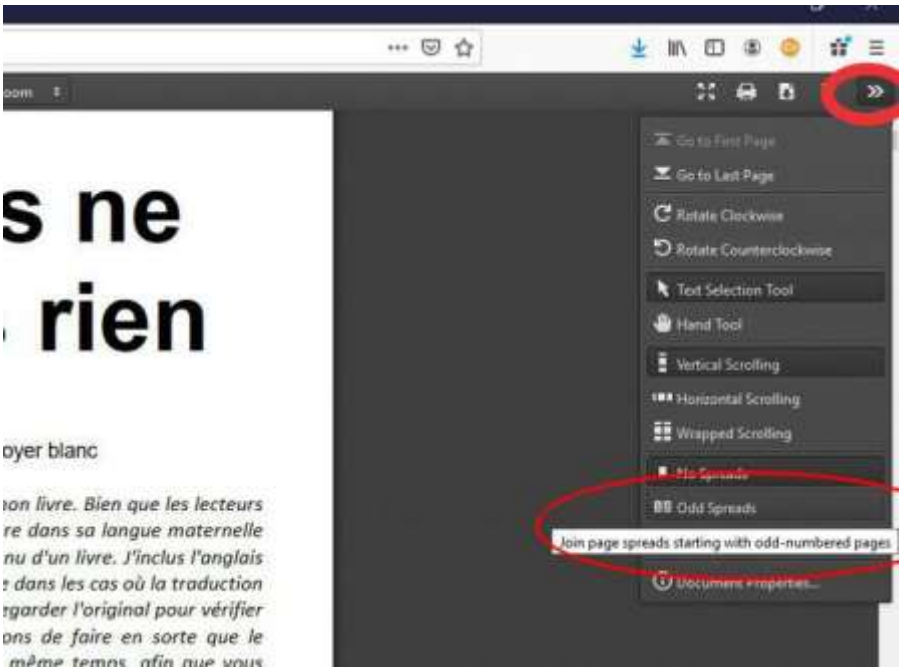
Graham Seibert

Как обращаться с двойным языком PDF 1

Чтобы читать тексты на двух языках, вам необходимо иметь соответствующее программное обеспечение. Я использую Nuance PDF plus, который стоит денег, и Adobe Digital Editions, который является бесплатным.

Позвольте мне познакомить вас с процессом Adobe для этого документа. Вероятно, это выглядит как следующий дисплей Adobe.

Дважды щелкните на гаджете в правом верхнем углу (обведено красным на скриншоте выше), чтобы получить больше параметров. Внизу внизу выберите «Нечетные спреды» из меню, которое выглядит следующим образом:

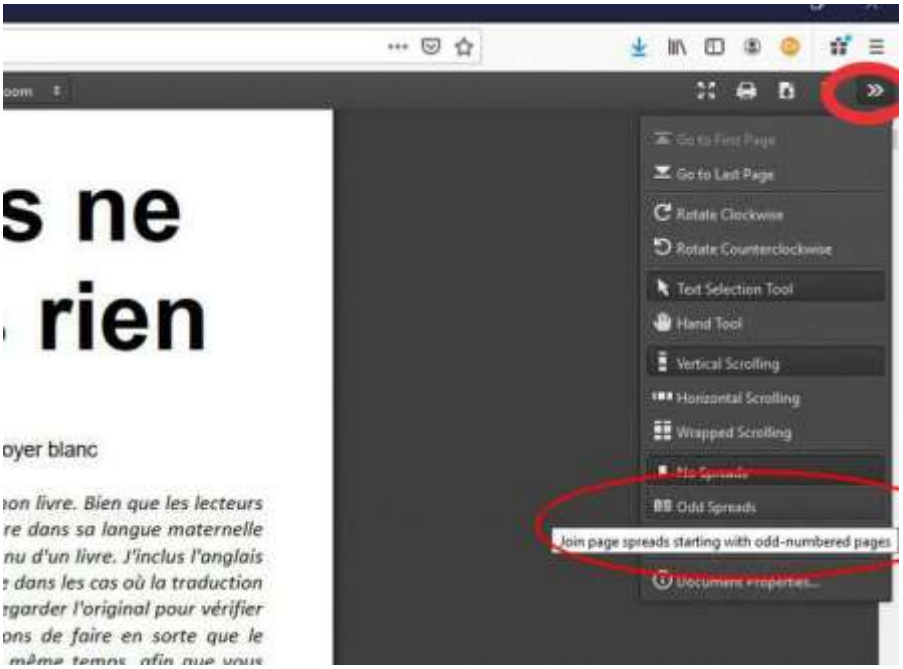


Вы должны перейти к страницам, которые выглядят так:

To read dual-language texts, you need to have appropriate software. I use Nuance's PDF plus, which costs money, and Adobe's Digital Editions, which is free.

Let me walk you through the Adobe process for this document. It probably isplay like the following display Adobe.

Double-click on the gadget clear to the upper right – circled in red in the screenshot above – to get more parameters. Down at the bottom choose Odd Spreads from a menu that looks like this:

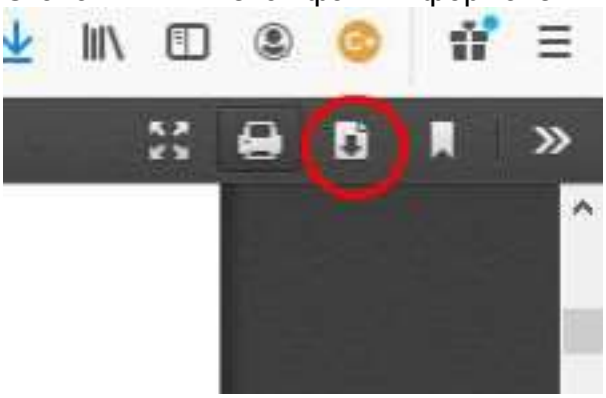


You should get to facing pages that look like this:

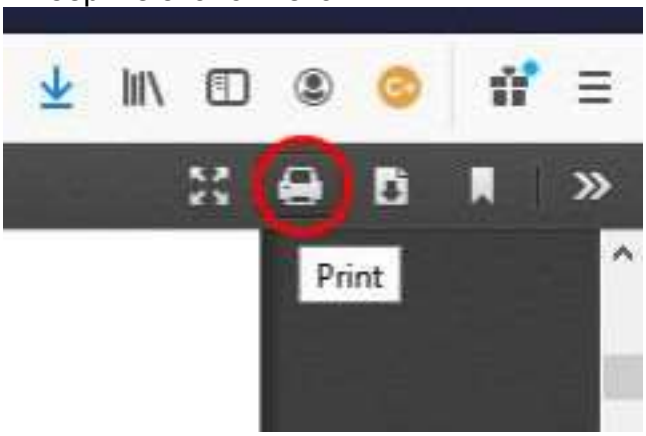
с этого момента, каждый раз, когда вы нажимаете страницу вниз, вы должны продвигать ее на две страницы, поэтому вы всегда смотрите на переведенный язык слева и на английский справа.

Вот как распечатать печатную копию.

Скачать й является файл в формате PDF, используя этот значок.



Файл отправляется в вашу папку загрузок. Дважды щелкните файл. Adobe откроется для вас. Выберите значок печати.

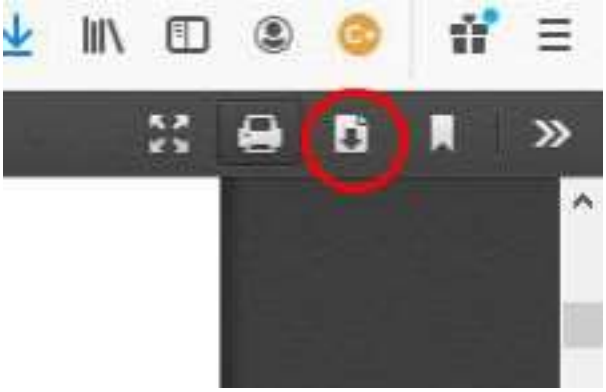


Вы получите следующее меню.

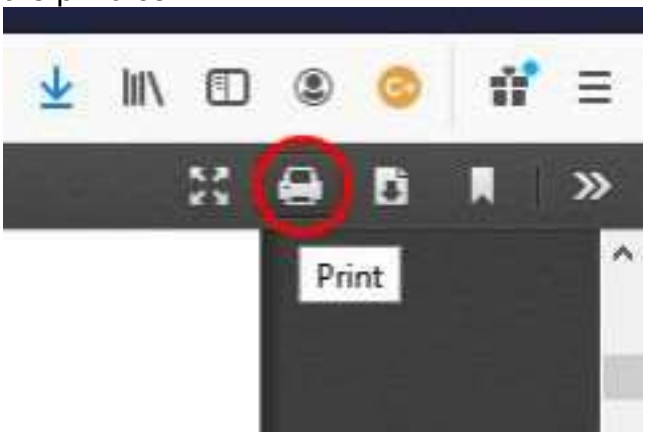
from this point, every time you press page down should advance it two pages, so you're always looking at the translated language on the left and the English on the right.

Here is how to print hard copy.

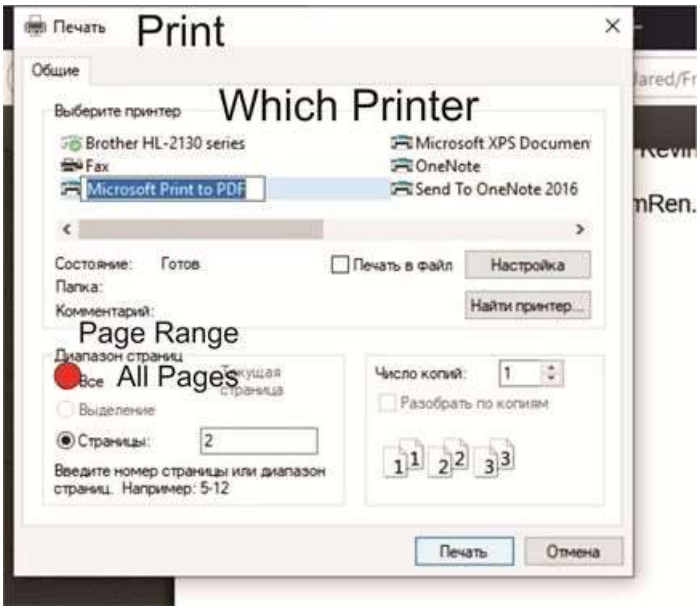
Download this file to a PDF, using this icon.



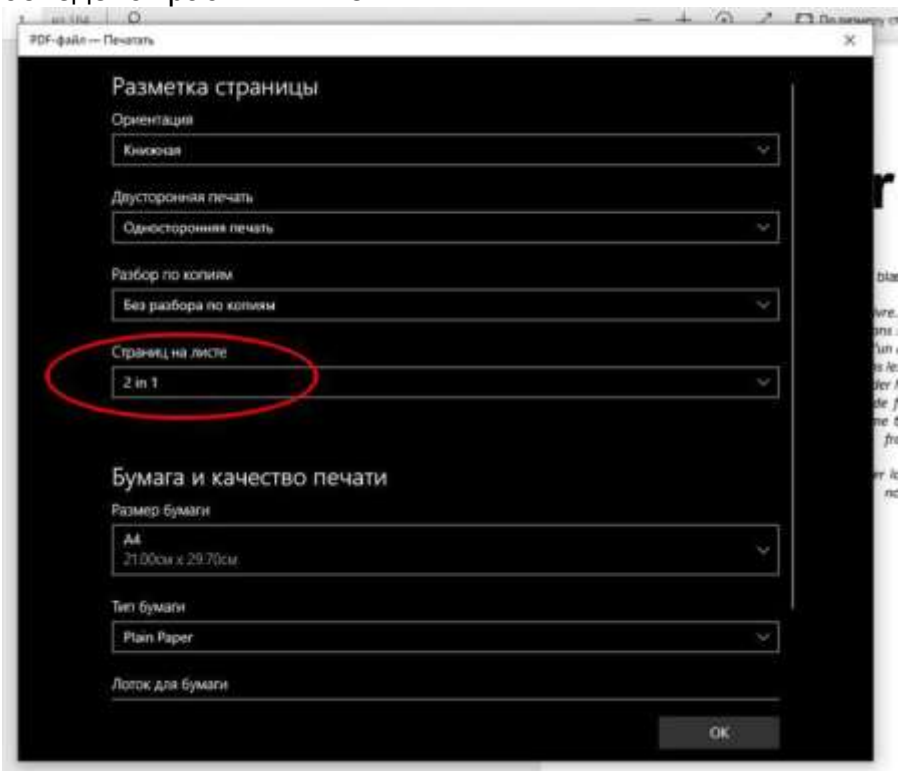
The file goes to your downloads folder. Double-click on the file. Adobe will open up for you. Select the print icon.



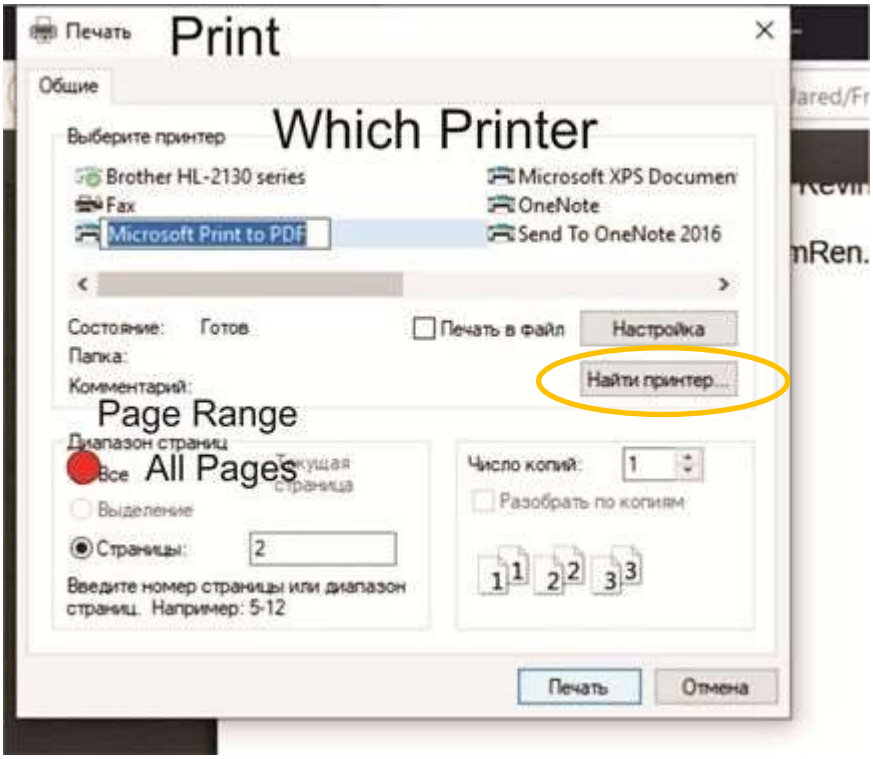
You will get the following menu.



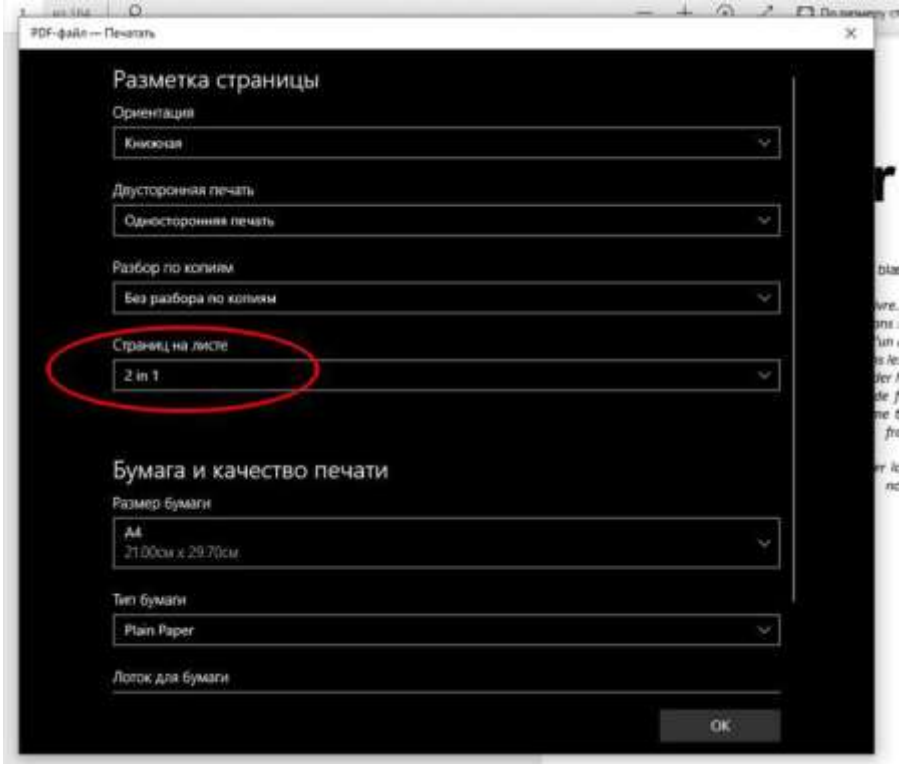
Вы можете удалить последние несколько страниц, следуя этим инструкциям. После этого вам, вероятно, понадобятся все страницы, отмеченные красной точкой выше. Если нет, выберите диапазон страниц ниже. Затем выберите Дополнительные параметры, как обведено оранжевым цветом выше. Скажите ему, что вы хотите напечатать страницы две вверх, как обведено красным ниже:



Скажи это хорошо, и тебе надо идти. Конечно, как мы все знаем, Microsoft меняет вещи без предварительного уведомления, и мы все можем работать с разными версиями программного обеспечения. Удачи!



You may want to delete the last few pages, with these instructions After that you probably want all pages, the red dot above. If not, choose the page range below. Next, choose Additional Parameters, as circled in orange above. Tell it that you want to print the pages two up, as circled in red below:



Tell it okay, and you should be good to go. Of course, as we all know Microsoft changes things without notice, and we all may be working with different versions of software. Best of luck!